

Александр Таллер

Моим дорогим родителям посвящается

Фото Георгия Колосова

Александр Таллер

Времена ЖИЗНИ

Стихи, воспоминания, афоризмы

Второе издание

Волшебный фонарь

Москва

2017

*Кто ны разлучит от любви Божия?
Скорбь ли, или теснота, или гонение,
или глад, или нагота,
или беда, или меч?*

*Но во всех сих преобладаем
за Возлюбльшего ны. Известихся бо,
яко ни смерть, ни живот, ни Ангели,
ни начала, ниже силы,
ни настоящая, ни грядущая,
ни высота, ни глубина,
ни ина тварь кая возможет нас
разлучити от любви Божия, яже
о Христе Иисусе Господе нашем...
(Рим. 8, 35–39).*

От автора

Прекрасно понимая несовершенство своих стихов, я никогда не думал их публиковать. Даже называть их стихами я не решался. Просто рифмованные строки. На разрозненных листочках в метро, автобусе, троллейбусе. На каких-либо совещаниях, в туристических походах и, даже страшно сказать, на пляже, иногда я записывал то, что складывалось в моей голове в зависимости от моего настроения, в виде рифмованных строк. Иногда это происходило во сне. Потом я их переписывал с минимальными правками, как стихи сразу сложились.

Конечно, они отражают мои мысли о чём-то, о каких-то событиях, либо о ком я думаю в этот момент с любовью. Во многих случаях за первыми строками продолжения нет. Другое дело, если эти строки я посвящал конкретному событию, связанному с конкретной персоной, то в дальнейшем пытался их «улучшить». Потом я их дарил.

Несомненно, благодать Божия руководит этим процессом, сам Господь споспешествует моим мыслям и даже водит моей рукой.

Что же подвигло их опубликовать?

Я прихожанин храма свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине, где я был окрещён в младенчестве в 1926 г. (храм был закрыт в 1929 г.), так как с рождения жил на углу Петровки и Столешникова пер. (д. 15/13).

Однако пришёл я в свой родной храм много, много позднее.

Однажды кто-то показал некоторые мои стихи отцу настоятелю Александру Борисову. Я считаю себя его духовным чадом и, по непонятной смелости, другом. Несколько раз некоторые из своих творений я и сам посылал ему.

Как-то раз во время беседы о. Александр, как бы вскользь, высказал, что неплохо было бы их напечатать в виде сборника. И это был второй случай. Несколько лет тому назад, когда я только осмелился поближе познакомиться с о. Александром, я в одной из бесед рассказал ему о перипетиях моей жизни, о том, что был окрещён в этом храме, и многое другое, в том числе, что работал во ВНИИКИ в 1970-е годы.

О. Александр прервал меня и сказал, что там работал его покойный брат Юрий Ильич Блохин. А это оказался мой близкий друг Юра, учёный, крупный специалист в области классификации и кодирования информации, так же, как и я, авиационный инженер.

И это, конечно, не могло быть простым совпадением: крещение в храме, мой приход в этот же храм чрез много лет, знакомство с о. Александром, душевная близость, одномыслие, совместная работа и дружба с его братом. Только провидение Божие могло руководить всеми этими событиями.

О. Александр предложил мне описать всё это и послать ему. Вдруг, неожиданно для

меня, в одном из номеров нашей приходской газеты появилось моё жизнеописание.

После длительного раздумья по совету о. Александра я обратился к Владимиру Петровичу Ерохину, как мне было известно, опытному издателю, также прихожанину нашего храма, кроме того, прекрасному певчелю и алтарнику, за советом.

И он по моей просьбе, испросив благословения о. Александра, любезно согласился, вместе со своей супругой Раисой Борисовной, взяться за это неблагодарное дело — отредактировать, оформить и издать то, что вы сейчас читаете, мои дорогие друзья.

За это им моя великая благодарность.

Воспользуюсь случаем и хочу выразить особую признательность моим дорогим друзьям — прихожанам и служителям нашего богоугодного храма, которые меня встретили с любовью и нежностью, продолжают молиться вместе со мной и обо мне и моих близких, поддерживать меня в это не совсем простое время.

Я просто перечислю некоторых моих дорогих сестёр и братьев во Христе. К сожалению, не в состоянии перечислить всех моих дорогих друзей, которые дарят мне свою нежность. Всем Вам моя благодарность. Это Светлана Лукьянова, Эмилия Леонгард, Елена и Евгений Пастернаки, Елена Пращицкая и Владимир Крупецков, Анна, Татьяна и Кирилл Раевские, Раечка Белицкая, Ольга Сергеевна Ривкина, Татьяна Казмина, Анна

Дубинская, Георгий Колосов, Константин Семёнов, Александр Кремлёв, Александр Зорин, Владимир Илюшенко, Артём Киракосов, Александр Белинский, Володя Сидоров, Роман Харитонов, мой друг и коллега по ВНИИКИ, и, конечно, заботливая и неутомимая Ирина Богомолова.

Некоторым из них посвящены мои несовершенные рифмованные строки.

Моя благодарность священнослужителям отцам Александру Кузину, Иоанну Власову, Виталию Данилюку, Петру Коломейцеву, Филлипу Парфёнову, Сергию Булычеву, Александру Константинову, матушкам Нонне Ивановне, Наталье Фёдоровне, Ольге.

Великая благодарность моему дорогому, любимому другу, духовному отцу Александру Борисову, настоятелю храма, который первый обратил внимание на мои робкие попытки выразить свою духовную сущность в рифмованных строках и благословил издать их, а также и мои воспоминания; неизменно, с присущей ему мудростью, любовью и бесконечным терпением поддерживает меня.

Ещё несколько строк о себе.

Закончив в 1949 г. Московский авиационный институт (реактивные двигатели), 20 лет работал в промышленности. Участвовал в создании первого искусственного спутника Земли. Являюсь ветераном труда и ветераном Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

С 1969 г. работаю в области стандартизации и классификации, до 1972 г. в НИИ классификации и кодирования (ВНИИКИ), затем в последующие годы и в настоящее время в НИИ по стандартизации и сертификации в машиностроении (ВНИИНМАШ) — головном в нашей стране научно-исследовательском методическом центре заведующим научно-исследовательским отделом.

Моя область деятельности — создание систем стандартизации конструкторской и технологической документации (ЕСКД и ЕСТД) и Единой системы конструкторско-технологической классификации и кодирования (ЕСКТК).

Эти разработки используются в нашей стране и в странах Содружества как основа нормативно-информационного обеспечения на всех стадиях и этапах жизненного цикла изделия, а также на основе CALS (ИПИ)-технологий, при создании автоматизированных систем (САПР, САДАМ, АСУТП и др.)

Публикуемые рифмованные строки — только небольшая часть моих размышлений. Я понимаю, что они весьма далеки от совершенства, вылились на бумагу, как они сложились в моей душе, без последующей обработки.

Также Владимир Ерохин уговорил меня поместить в книге некоторые мои воспоминания и так называемые афоризмы, накопившиеся за многие годы.

Благодарю за бесценные советы моих дорогих и любимых друзей О. Ривкину, С. Лукьянову, Е. Пращицкую, которым в разное время я давал читать мои опусы.

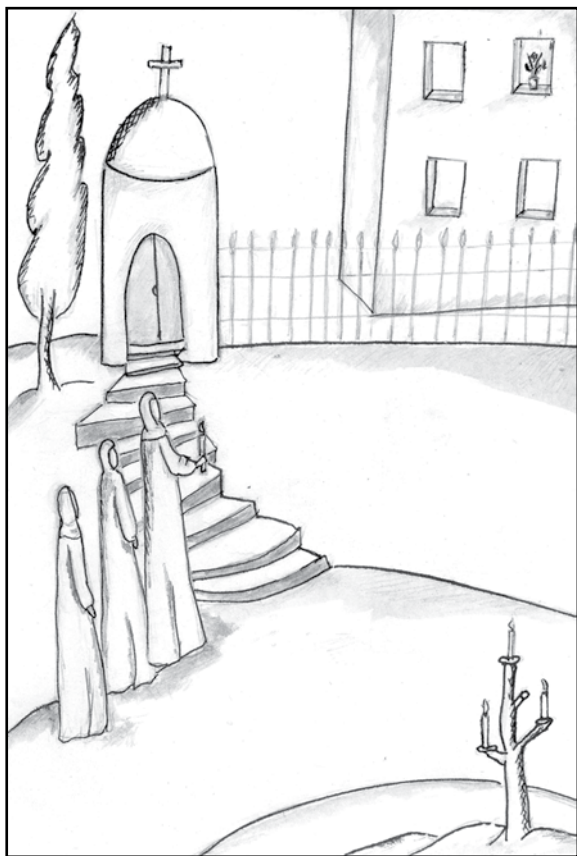
Особая моя благодарность Раисе Гершзон за неординарно-прекрасное оформление книги и, конечно, моему дорогому издателю Володе Ерохину.

Это уже пятое дополненное издание. Надеюсь на ваше великодушие, мои дорогие друзья.

Храни вас всех Господь!

Александр Таллер

Когда Господь с тобой

* * *

Шаги судьбе навстречу,
С начала до конца.
Не знаю, что отвечу,
Не спросишь у Творца.

Рождаясь, в мир приносим
Лишь только детский крик.
Ничто мы не уносим
Из мира в смертный миг.

Когда и где родиться,
И кем, и у кого,
На свете всё случится
От Бога одного.

Приходим в мир, уходим,
Годами счастья ждём,
А если и находим,
То только поздним днём.

И только на закате,
Когда совсем не ждёшь,
Вдруг явится нектати,
И ты тогда поймёшь:

Всё в мире беспокойно,
Но раз пришлось пожить,
Старайся жить достойно,
Себя и всех любить.

МОЛИТВА

Как радостно молиться Богу
Под колокольный перезвон.
К чертогу Господа дорогу
Молитва свяжет без препон.

Поможет побороть недуги,
Коль молишься от всей души.
Отбрось греховные потуги —
Припасть к Небесному спеши.

Молитва есть общенье с Богом,
Как с другом и родным отцом.
Он разделит с тобой тревогу,
Наполнит благодатью дом.

В молитве с Богом сокровенный
Веди ты с Богом разговор.
И без утайки, откровенно
Открой души своей простор.

Молиться Богу — труд безмерный,
Но как же радостно потом.
С молитвой подвиг беспримерный
Лёгким покажется трудом.

* * *

В муках, брыкаясь, рождаемся мы,
В муках рожают нас.
В свет врываемся мы из тьмы,
Слышен младенца глас.

В мокрых пеленах беспомощны мы,
В мокрых покровках — жуть...
Тени и свет, зарождаются сны,
С явью мешают суть.

С этой минуты вселенная — мы,
С этой минуты — в путь.
Не знает никто, почему это мы,
А не ещё кто-нибудь.

В чём же причина, что не блохи мы?
В чём причина, ответ?
На этот вопрос не ответим мы,
У нас ответа нет.

Но есть ответ у Всевышнего —
Нас произвёл на свет.
Мы — образ Его, Неслышного.
Вот и весь ответ.

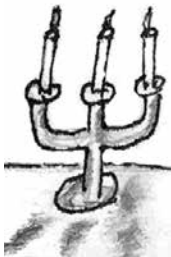
* * *

Научи меня, Боже, любить,
Научи меня, Боже, молиться,
Чтобы мог я с любовью испить
И Премудрости Божьей напиться.

Научи Ты меня искупить
Все грехи, что смогли накопиться.
Научи меня, Боже, простить
Всех, которым не дали напиться.

Научи меня, Боже, обнять
Всех, с кем люди не стали делиться,
Всех, которым пришлось пострадать,
Кто не смог к Престолу пробиться.

Научи меня, Боже, любить
И Небесному Царству молиться,
Ад и Рай на земле пережить
И со всеми и всем примириться.

* * *

В мир мы приходим неожиданно
На радость и на страданье.
Веруем в святость Преданья
Господа — мирозданья.

Жизнь — это миг во Вселенной,
Вечного духа томленье,
Грешной души избавленье.
Господи! Дай нам терпенье!

Жизнью своей воскресенной
Господа хвалим творенье.
Веруем в святость крещенья.
Господи! Дай нам терпенье!

Жизнью грешим сокровенной.
Таинство и откровенье —
Всё пролетит, как мгновенье.
Господи! Дай нам терпенье.

Троице святой нетленной
Молимся мы со смиреньем.
Просим простить прегрешенья.
Господи! Дай нам прощенье!

ТЁПЛЫЕ СЛОВА

От тёплых слов, друг мой,
Душе теплее станет,
Ведь нас Господь с тобой
Любить не перестанет.

Когда поют псалмы
И молится священник,
Мы радостью полны
В Рождественский сочельник.

Возвестницей любви
Дана нам Церковь Богом,
Наполнилась людьми,
Что были за порогом.

Нам в Храме каждый дорог,
Мы как одна семья.
А выйдем за порог —
Так каждый за себя...

Был отлучён народ
От Истины прекрасной,
И «красный» поворот
Привёл к стезе напрасной.

«Любовь и есть сам Бог» —
Вот Истина простая.
Библейский Декалог
Путь в жизни освещает.

И – Заповедь Христа
На верный путь наставит,
Знамение Креста
Нас по местам расставит.

Кто праведно прожил,
Тот Праведником станет.
Кто много согрешил,
Тот пред Судом предстанет.

Мучителей простил,
Страдая от мучений,
Господь нас всех любил,
Завет нам дал священный.

Так будем же сейчас
Любить друг друга нежно
И помнить, что за нас
Страдал Господь с надеждой.

Путь молитвы

Вся жизнь состоит из поступков и дел,
Которые мы совершаем.
Рождается жизнь, человека предел,
Который отмерен не нами.

Господни пути неведомы нам,
Но путь свой лишь мы совершаем.
Любовь и Свободу Он нам даровал,
Изгнав за грехи нас из Рая.

Рождаясь, приходим мы в мир голышом,
В мир, что задуман не нами.
Уходим из мира, как есть, нагишом.
Куда же приходим? Не знаем.

Молясь, уповаем, что Бог примет нас
Обратно в Небесное Царство,
Что милостив Бог, пострадавший за нас,
За наши грехи и упрямство.

Молясь, припадаем к Небесным Стопам,
Израненным злобой людскою.
Молясь, обращаемся к вечным словам,
Завещанным, Боже, Тобою.

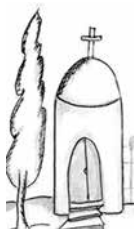
И молимся, молимся, молимся мы,
В молитве ища утешенье.
Но Светлое Царство возникнет из тьмы,
Когда к нам придет озаренье.

Когда мы научимся жить по любви
В поступках, делах и желаньях,
Тогда мы поймем, что Господь во крови
За нас искупил все страданья.

И дал нам Господь всепрощенье грехов,
Свет Истины в Царстве Небесном.
И как мы поступим: грешить будем вновь
Иль жить будем в мире чудесном?

Любовь и Свободу Господь подарил,
Чтоб, грешные, мы выбирали,
Чтоб каждый друг друга всем сердцем любил,
Чтоб зависти, злобы не знали.

Прими, мой Господь, сей молитвенный стих,
Прости все мои прегрешенья.
В молитве стою я, взволнован и тих...
О Господи! Дай мне прощенье.

ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ

Памяти отца Георгия Чистякова

Возрастая понемногу
На путях к Живому Богу
Я в молитвенном смиреньи
Уповаю о прощеньи.

Пастырь добрый, пастырь смелый
Окормлял нас всех умело,
Проповедовал терпенье
И любовь как откровенье.

В откровеньи возрастаньи
Быть в молитвенном стараньи
Призывал отец Георгий,
Наш любимый, пастырь добрый.

Призывал к Добру и Свету
И духовному расцвету,
Приближал нас понемногу
На путях к Живому Богу.

И в служеньи непрестанном,
И борении отчаянном
Забывал свои недуги
Ради нас овец заблудших.

Освящал нам всем дорогу,
Жизнь и Путь к Живому Богу,
подавлял в себе тревогу,
Не успел сказать нам много.

И сгорел наш пастырь добрый,
Дорогой отец Георгий,
Как свеча, отдавшись Богу,
Прогорая понемногу.

Бог призвал к себе святого
Пастыря нам дорого.
В Царствие своём Небесном
Вместе ИМ не будет тесно.

Я ВЕРЮ

Я верю Господу единому,
Я верю дому родимому,
Я верю тем, кто жизнь мне дал,
И не верю тем, кто не пострадал.

Я верю рыцарю отважному
И не верю кумиру продажному.
Я верю тем, кто дом создал,
И не верю тем, кто его предал.

Я верю в дружбу надёжную,
Я верю в подругу нежную,
Я верю тому, что мне Бог послал,
И не верю тем, кто у меня отнял.

На путях к Живому Богу

На путях к Живому Богу
Было множество преград.
Шли мы трудною дорогой
Без поддержки и наград.

Возрастая понемногу,
Веря в Божий вертоград,
Не стремились мы с порога
Принимать всё наугад.

Приникаем мы к иконе...
А в душе — и блуд, и смрад.
Жили в блудном мы законе
Средь цепей и средь оград.

Испытали мы тревогу —
Исчезал наш друг и брат...
К Храму мы нашли дорогу.
Знаем: нет пути назад.

Но прийти к Живому Богу
После всяческих преград,
Ох, как трудно: ведь дорога
Привести нас может в ад...

СЛАБ ЧЕЛОВЕК...

Мир суетливо о Боге судачит,
Мир раскололся на Да и Нет.
Божьи слова для кого-то всё значат,
Кто-то всё время ищет ответ.

Время приходит, всё обозначит,
Мудрость Завета в душе оживёт.
Слаб человек — то смеется, то плачет,
Слаб человек — он надеется, ждёт.

Бог Вездесущ, и о каждом Он знает,
Знает Господь — Его царство придёт.
Слаб человек — свою блажь не смиряет,
Но время проходит, время не ждёт.

Жизнь человека как миг пролетает,
Жизнь человека — как тени и свет.
Бога Премудрость его озаряет,
В Господа веришь — в душе только свет.

Верить, не верить — Бог дал свободу,
Человек выбирает судьбы поворот.
Днём или ночью, в любую погоду,
Но даже злодей — к Богу придёт.

В ХРАМЕ

I

Глядел на Лик я с болью молчаливой.
Как грустно и темно Твоё лицо...
Вдруг просияло. С непонятной силой
Преобразилось, словно волшебством.

Одежды побелели чище снега,
И светом озарился тихий храм,
И разлилась божественная нега,
Наполнив мою душу, как бальзам.

Из храма ухожу я, молчаливый,
При свете догорающих свечей,
Одухотворенный и счастливый.
Теперь я с Богом, а был совсем ничей.

II

Из храма ухожу я молчаливый
При свете догорающих свечей,
Одухотворённый и счастливый.
Теперь я с Богом, а был совсем ничей.

И я взалкал и получил просфору,
Где Агнец Божий, как символ, пребывал.
И моему неопытному взору,
Как наяву, голгофский холм предстал.

Воскресший Бог. Какое наслажденье!
Какую радость вдруг я испытал!

Апостолов увидел удивленье.
А Он всё время с нами пребывал.

Всё время с нами, в счастье и несчастье,
Сошёл с Голгофы и пришёл к Отцу.
Он, облечённый Божескою властью,
Как подобает Богу и Творцу.

Из храма выхожу я молчаливый...

* * *

Путь короток наш.
Всё хочу успеть.
Господи, мне ответь.
Жизнь — не «променаж».

Путь с Господом наш.
Только успеешь зацвезть,
Надо уже отцвезть.
Где же выбор наш?

Жизнь, будущий век,
Царство Небесное здесь.
Истины путь — закон весь,
Выбор твой, человек.

СЕЛЬСКИЙ СВЯЩЕННИК

Памяти отца Александра Меня

Сельский священник в деревне служил,
Всемирную славу он заслужил.
Глаголом священным сердца зажигал,
К Богу живому людей призывал.

Глухая деревня, скромный приход.
Чем же привлек тот священник народ?
Храма богатством иль пышностью слов?
Страстью ли сердца, иль даром волхвов?

В сумрачном мире, чрез тысячи лет
Богу Живому принёс свой обет
И, проповедуя Истину, Свет,
В жизнь воплощал Старый в Новый Завет.

Праведной жизнью к Христу обращал,
Жить по Заветам людей призывал.
Как и Христос, принял смерть за людей,
Так же, как прежде, нашёлся злодей.

Сельский священник погиб за Христа,
Тёмным злодеем убит неспроста,
Праведник в мире кому-то мешал,
Зависть людская — зло всех начал.

В хлеве родился Мессия и Бог,
Сын Человеческий, полон тревог.
Гибнут младенцы, так царь повелел,
Он от испуга совсем ошалел.

Знает владыка, что Царство Христа
Превыше земного, ему нет конца.
Но заглушить голос правды нельзя,
Сельский священник старался не зря.

Искра, зажжённая Богом в сердцах,
Пламя раздула во всех концах
Мира земного, и даже в дворцах.

Бедный, богатый к Богу припал —
Сельский священник всех окормлял.
Память о друге у нас не отнять,
Тёмные силы повергнуты вспять.

Я ЗНАЮ

Я знаю троицу святых.
Двоих уж нет.
Один лишь трудится за всех.
В честь них сложил я этот стих

Нам Бог священников послал.
Да будет свет!
Каких ещё не видел свет.
И пробудить в нас завещал

Любовь к Творцу, любовь к врагам.
Как трудно им.
Как трудно нам идти за Ним,
Ведь в душах наших тарарам.

Один святой в деревне жил,
Как мал росток.
Всем сердцем и душой служил,
И веры расцветал цветок.

Со всех краев к нему стремясь,
Из тьмы людской,
Поток людей не иссякал,
Со злобой на пути борясь.

Другой в больнице окормлял
Больных детей,
Несчастных, сирых без затей.
А в храме Путь нам освещал
К Христу, был богослов.

А третий – мудрый человек,
Для всех пример
Служенья Господу. Поверь,
Как пастырь добрый, нам вовек
Не снился этот человек.

Он, как насадка всех цыплят
Своим крылом,
Так словом Божьим и трудом
Нас охраняет от утрат,

Соединяет нас в Христе,
Как долог путь!
И проповедует нам суть
Страданий Бога на Кресте.

* * *

Глядишь назад — воспоминанье,
Глядишь вперёд — всё хуже вид,
Желанье чуда, ожиданье
Нас постоянно теребит.

И не дают успокоенья
Молитва, пост и Божий **свет**.
И не хватает нам терпенья,
Когда добра и правды нет.

Мы постоянно хвалим Бога,
В душе же только блуд и срам.
Не оставляет нас тревога,
Когда приходим в Божий храм.

Наш грешный мир, как наважденье,
Лишь краткий миг живём мы в нём.
О, Господи! Дай нам терпенье
Понять, принять Твой Божий дом.

Понять Твой замысел. О, Боже!
Какой предвидится удел.
Мы образ Твой, но как несхожи,
Наверно, мы твой недодел.

Глядишь назад — что было в прошлом,
Глядишь вперёд — цепляет нас.
И не забыть, что было пошлым,
Скажу, друзья, вам без прикрас.

* * *

О, Бог! Кто создал всё земное,
В небесной тверди Ты сидишь.
И с удивлением глядишь
Как тварь съедает всё живое.

Быть съеденным себе подобным.
Забыл он заповеди Бога,
В душе сидит одна тревога,
И выглядит он волком злобным.

Скажи, зачем Ты дал свободу?
Смотри, что вышло из того.
Посеял Ты любви зерно,
Взошли плоды лишь только злобы.

И первородный грех алеет
Над миром грешным и земным.
И можем справиться мы с ним,
Когда свой страх преодолеем.

* * *

Жизнь промелькнула, словно тень,
Воспоминанья лишь остались.
И каждый новый пришлый день
Приносит новую усталость.

Я каждый день молю Творца,
Чтоб Он явил нам Божью милость,
Очистил от греха сердца,
И это б поскорей случилось.

Каким путём пойдёт народ,
Дорогою Христа иль Ксеркса?
Пока я вижу наперёд
Одно господство злого сердца.

Всё, что правитель указал,
Со страхом в рабском униженье
Народ покорно выполнял,
Терпя побои и мученья.

И заполняет душу страх,
В нас генетически заложен.
Укоренился он в мозгах,
И вытравить его не можем.

Святой – ведь потому святой,
Что только Бога и боится,
Презрев двуличье и покой.
Зарублен он ночным убийцей...

Но свет свечи, зажжённой им,
Во тьме дорогу нам осветит,
И на иконах светлый нимб
Святого лик для нас приветит.

* * *

Покину этот мир и перейду в иной,
Когда Господь возьмёт меня с Собой;
Я попаду в небесный тот чертог,
Где обитает наш великий Бог:
Отец, и Сын, и Дух Святой — в Одним.

Надеюсь, что не много согрешил,
И добрых дел хоть малость совершил.
Всё взвесит молчаливый мудрый Бог
И мне позволит перейти порог.
Молюсь и каюсь. Господи! Я — Твой.

Ведь милость Божия даётся неспроста,
Когда глаголет сердце и молчат уста,
Когда прямы души твоей дороги
И помыслы чисты, поступки строги.
Прими молитвы, Господи! Я — Твой.

* * *

Начало — пролог,
Конец — эпилог.
Необъятное поле меж ними.
«Дни человека — как трава,
Как цвет полевой он цветёт.
Но пройдёт над ним ветер.
И нет его,
И место его не узнает его».
Где Твоё место, Бог? Человек?

Начало — залог,
Конец — недалёк.
Необъятное поле прошёл я.
Дни пролетели, как миг,
Цвет полевой расцвёл и увял,
Но не прошёл над ним ветер,
Ещё он есть,
И место его в этом поле есть.
Где Твоё место, Бог? Человек?

Начало — пролог,
Конец — эпилог.
Дни человека посеял Господь
И дал ему выбор.

Красотою блещет мир,
Он прекрасен и огромен.
Человек придёт на пир,
Если Господу угоден.

Дал Господь свободу нам
И сказал: «Живите, люди».
Ну, а люди тарарам
Принесли себе на блюде.

Надо красоту беречь,
Свет и Истина заветны,
С Господом предвидеть встречу,
Потому что все мы смертны.

Тленен, хрупок этот мир,
Царство Божие – бессмертно.
Нас Господь зовёт на пир,
Его Слово не померкнет.

Много званых человек,
Избранных совсем немного.
Только непрощённый грех
Может нам закрыть дорогу.

Красотою блещет мир,
Он прекрасен. Слава Богу!
К Господу идём на пир,
Возрастая понемногу.

ГОСПОДИ, ДАЙ МНЕ СИЛЫ

Господи, дай мне силы
Взглянуть на себя со стороны.

Господи, дай мне силы
В молчании побыть с Тобой.

Господи, я взываю
К Тебе из глубины.

Господи, Твой Свет сияет
Над грешной моей головой.

В молитве к Тебе припадаю,
Хвалу Тебе я возношу,

Свиданье, как Свет, ожидаю
В Царстве Небесном с Тобой.

Господи, дай мне силы
Изменить, то, что я могу,

И терпенье принять всё,
Что изменить не смогу.

* * *

Времени, времени нам не хватает.
Время, время стремится вперёд.
Время, время пощады не знает.
Время, время назад не придёт.

Время сквозь пальцы у нас утекает.
Время никто и не бережёт.
Время придёт, нас не узнает,
Время в грядущем нас не найдёт.

Времени, времени в жизни хватает.
Время, время отвёл нам Господь.
Время молиться нам завещает,
Время трудиться дал нам Господь.

Время добра Господь рассыпает,
Время любви неизменно придёт.
Только добро Господь нам желает
И в Царстве Небесном нас ждёт.

СТО КРАТ

Сто крат я Бога вопрошал,
Но нет, не получал ответа.
«Зачем Отец Тебя послал
На землю эту?»

Как Бог, заранее Ты знал:
Не сбудутся слова Завета.
Из рая Твой Отец изгнал
Людей за это.

Чтоб Новый заключить Завет
Любви и Истины, и Света,
Зачем же нужен был навет,
Голгофа где-то?..»

Однажды я проснулся в ночь,
И ощущаю рядом Бога.
Исчезли вдруг сомненья прочь:
Во мне дорога,

Что проложил для нас Господь, —
Крест, гроб и Воскресенье,
Ко всем безмерная любовь
И всем спасенье.

И стало радостно душе
От несказанного привета.
И в прошлом вдруг сомненья все
Остались где-то.

Зачем я Бога искушал
И понапрасну ждал ответа?
А Он со мною пребывал,
Как путь Завета,

Как Путь, начало всех начал,
Путь Истины, Любви и Жизни,
Дорогу в Вечность освещал
До самой тризны...

* * *

Мы постоянно хвалим Бога,
В душе же только блуд и срам.
Не оставляет нас тревога,
Когда приходим в Божий храм.

И топчемся мы у порога,
А благодать лишь снится нам.
Какая трудная дорога —
Ведь в душах наших тарарам.

Но приближаясь понемногу
К чертогам горним в небесах.
Не забывай молиться Богу,
Быть может, Он прогонит страх,

По милости своей безмерной
Простит грехи и пустит в рай.
А ты трудись во всём усердно,
Благодарить не забывай.

НЕ СУДИ...

С молитвой собираясь в путь
Своих желаний сокровенных,
Печаль утраты позабуди
И с Господом будь откровенным.

Как трудно нам себя познать,
Стараясь прошлое украсить,
Себя желая оправдать —
И всё постыдное отбросить.

Не осуждай других людей,
Суди себя как можно строже,
Нам в каждом видится злодей,
Но думать так совсем негоже.

Суди свои поступки сам,
Соразмеряясь с словом Божиим.
Расставь в порядке по местам
И положишься на волю Божию.

В последний собираясь путь,
Не думай о земных поступках.
Ведь впереди совсем не жуть,
А Царство Божие доступно.

Земная жизнь кратка, как миг,
Дни подготовки к жизни с Богом.
И на Престоле Божий лик
В небесном видится чертоге.

И ты воссядешь в облаках,
Приближенный к Престолу Бога,
И хоры ангелов в крылах
Помогут позабыть тревогу.

The musical score consists of five staves of music in G major, 4/4 time. The notes are as follows:

- Staff 1: Measure 1 (rest), Measure 2 (quarter note G), Measure 3 (quarter note A), Measure 4 (quarter note B), Measure 5 (quarter note C), Measure 6 (quarter note D), Measure 7 (quarter note E), Measure 8 (quarter note F), Measure 9 (quarter note G), Measure 10 (quarter note A), Measure 11 (quarter note B), Measure 12 (quarter note C).
- Staff 2: Measure 1 (quarter note G), Measure 2 (quarter note A), Measure 3 (quarter note B), Measure 4 (quarter note C), Measure 5 (quarter note D), Measure 6 (quarter note E), Measure 7 (quarter note F), Measure 8 (quarter note G), Measure 9 (quarter note A), Measure 10 (quarter note B), Measure 11 (quarter note C), Measure 12 (quarter note D).
- Staff 3: Measure 1 (quarter note B), Measure 2 (quarter note C), Measure 3 (quarter note D), Measure 4 (quarter note E), Measure 5 (quarter note F), Measure 6 (quarter note G), Measure 7 (quarter note A), Measure 8 (quarter note B), Measure 9 (quarter note C), Measure 10 (quarter note D), Measure 11 (quarter note E), Measure 12 (quarter note F).
- Staff 4: Measure 1 (quarter note A), Measure 2 (quarter note B), Measure 3 (quarter note C), Measure 4 (quarter note D), Measure 5 (quarter note E), Measure 6 (quarter note F), Measure 7 (quarter note G), Measure 8 (quarter note A), Measure 9 (quarter note B), Measure 10 (quarter note C), Measure 11 (quarter note D), Measure 12 (quarter note E).
- Staff 5: Measure 1 (quarter note F), Measure 2 (quarter note G), Measure 3 (quarter note A), Measure 4 (quarter note B), Measure 5 (quarter note C), Measure 6 (quarter note D), Measure 7 (quarter note E), Measure 8 (quarter note F), Measure 9 (quarter note G), Measure 10 (quarter note A), Measure 11 (quarter note B), Measure 12 (quarter note C).

Chord annotations above the staves are: Am, Dm (Staff 1); G, C, F, Dm (Staff 2); B, E, Am, E, Am (Staff 3); A, Dm, Am (Staff 4); F, E, Am (Staff 5).

* * *

Что мне делать со страстями,
Что меня обуревают?
Усмирить я их стараюсь,
Но ничто не помогает.

Мне б пора остановиться,
Жить спокойно и беспечно.
К Царству Божьему стремиться
И воды напиться вечной.

Но неправость всё тревожит,
Сердце бедное страдает.
Не болеть оно не может,
Ничего не пропускает.

Я в молитве неустанно.
Правый Боже, Правый Отче,
Обращаюсь покаянно,
Если слушать Ты захочешь...

Am

4 A Dm Am

8 F E Am E

ВОСПОМИНАНЬЯ

Пришла пора воспоминаний:
Что удалось, не удалось
В краю несбыточных желаний,
Где побывать мне привелось.

О том, что сделал и не сделал,
О том, что сделать не пришлось,
О том, что ведал и не ведал,
О том, что было, не сбылось.

Осталась боль воспоминаний
О трудных прошлых временах,
О недолюбленных свиданий,
О недосказанных речах.

Но были времена другие;
Где был чудесный сладкий сон.
Когда дни были молодые.
Когда был весел и влюблён.

И ни о чём я не жалею.
Что было в прошлом, то прошло.
Одну я мысль теперь лелею:
Жить с Богом время подошло.

АПРЕЛЬ

Апрель. Замычал телёнок,
Родившийся на свет.
Впервые вскричал ребёнок
Телёнку будто в ответ.

Он выбрался из потёмок...
Был весенний рассвет.
Немного было силёнок,
Миру сказать: «Привет!»

Но всё же он подал голос.
С Господом Завет,
Словно тоненький волос,
Связал их на много лет.

Долго они не встречались,
Тотальный был запрет.
Крепостью не отличались
Многие люди, нет.

Но вдруг пришло озаренье,
Будто родился вновь.
Апрель. Благодаренье.
И к Господу любовь.

ДОБРО И ЗЛО

Гляжу сквозь сумрак в небеса —
Надежды луч пробиться должен.
Не верил раньше в чудеса,
Когда в душе было тревожно.

Не верил раньше в чудеса,
Что в силе Бога всё возможно,
Что всё в природе неспроста,
И то, что плохо, то безбожно.

Прошли года, и я прозрел,
С глаз спала пелена густая.
Господень замысел узрел,
И сразу сердцу легче стало.

Слова запали в душу мне,
Какие говорил священник.
То были о добре и зле,
И было то в святой Сочельник.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Бога рожденье — Таинство Тайн,
Разумом нам не понять.
Наше рожденье — на свет появленье,
Божья на то благодать.

Отец на землю Сына послал
Своих грешных детей изменить,
В нас чистое сердце создать,
Души людей обновить.

В праздников праздник — Рожденье Христа
Мы, порождение Бога,
Славим Небесного, славим Творца,
Просим любить нас немного.

Молим Тебя о спасенье души,
Просим простить нам долги.
Младенцами мы все хороши.
Откуда ж берутся грехи?

В праздников праздник — Рожденье Христа
Славим Дух Твой и Плоть.
Молим Тебя о спасенье души.
Прости нас, прости нас, Господь!

О, ЕСЛИ БЫ...

О, если бы я смог жизнь повернуть обратно,
То главное бы сделал по-другому.

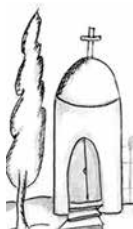
О, если бы я смог вернуть, что безвозвратно,
То уж давно пришёл бы к Божескому дому.

О, если бы я смог друзей своих вернуть,
Которых оценить не смог при жизни.

О, если бы я смог сначала выбрать путь,
То не боялся бы бесславной грешной тризны.

О, если бы Господь с начала вразумил,
То смолоду бы жил в общенье с Богом,
На пустыки бы не извёл галлон чернил,
Не испытал бы никогда тревоги.

Но на закате дней дана мне радость свыше.
И я молюсь в родимом храме Богу
И чувствую, как Он живой со мною дышит,
И приближаюсь к Божьему порогу понемногу.

СВЯЩЕННИКУ

У Бога все священники равны,
Но у людей бывает по-другому.
Хоть все с небес озарены,
Земные чувства тянут нас к иному.
Ведь мы свободными сотворены.

Отец духовный близок нам душой,
И сердце тянется неизъяснимо.
К нему однажды я пришёл.
Хоть труден путь, но всё преодолимо,
Когда Господь ведёт нас за собой.

Как батюшкино радостно лицо,
Когда молиться Богу призывает,
Словно венчальное кольцо,
На перст души с любовью надевает,
Напоминает нам святых отцов.

И лепится душа к Отцу духовно.
Извилист путь к Небесному Отцу.
Остаток дней прожить бы безгреховно.
Подвластно всё незримому истцу.
Ведь жизнь моя идёт к концу.

Путь

К совершенству труден путь,
Словно в гору восхожденье.
Ни вздохнуть, ни отдохнуть —
Лишь терпенье и смирение.

Совершенен только Бог.
Невозможно быть с Ним схожим.
Червь сомнений и тревог
Гложет душу и ничтожит.

Постигая каждый день
Мудрость Божию в ученьи,
Надо сбросить страх и лень,
Стать усердными в моленьи.

Пусть и сложен этот путь,
Путь к заветам совершенства,
Но его не обогнуть,
Начинают его с детства.

Если с детства не успел.
То ещё трудней дорога.
Много сил для добрых дел
Нужно выпросить у Бога.

И, быть может, добрый Бог
Обратит на нас вниманье
И небесный свой Чертог
Нам подарит в назиданье.

Хоть двойственна природа наша,
Но очень короток наш век.
Как осушаемая чаша,
Стремится к смерти человек.

Как избежать нам искушений,
Что сыпятся со всех сторон?
Как устоять среди лишений,
Не нанеся другим урон?

Смерть на земле не означает,
Что наступил для нас конец.
Душа на небо улетает,
Чтоб Божеский принять венец.

Про то исписаны страницы,
Советов разных — пруд пруди.
Людьми же созданы границы,
Но и врага не осуди.

Путь на земле угоден Богу,
Когда к добру тебя ведёт.
К Любви и Свету без тревоги
Он в царство Божие придёт.

Прими спокойно и достойно,
Что Бог, любя, тебе послал.
Прости неверных, недостойных —
Господь к любви нас призывал.

МЕРЦАЕТ ИСКРА

Мерцает искра одиноко,
В житейском море непогод.
До Царства Бога так далёко,
А жизнь людей полна невзгод.

Свечу задуть — пустое дело,
Свечу зажечь — тяжёлый труд.
В духовный путь пускаясь смело,
Не забывай: он очень крут.

И на извилистой тропинке,
Когда не знаешь, где свернуть,
Зажги свечу простой былинке,
Она тебе укажет путь.

Не забывай молиться Богу.
Он отвратит от многих бед,
Поможет пережить тревогу,
На все вопросы даст ответ.

И, приближаясь понемногу
К заветной цели в небесах,
Не забывай, что в Царстве Бога
Тебя отмерят на весах.

Голос

Я проснулся, вижу небо,
Всё расцветено встающей зарёй.
Я проснулся, слышу голос
С неба Бога, говорящего со мной:

«Лежебока, мир прекрасен,
Он раскинулся, как небо, пред тобой.
Поднимайся на молитву,
Встань, дружище, и помолимся со мной.

Я ж, Всеблагий, постараюсь
Подарить тебе святую благодать,
Чтоб любовь и милость сердца
Своим близким мог свободно передать».

Надо радоваться Богу,
Что сияет, как вершина, наверху.
Жизнь прекрасна, если с Богом
Будем дружно мы противиться греху.

* * *

Когда Господь нас призовет
И строго спросит, как мы жили.
И как исполнили Завет.
Который с Богом заключили.

Какой дадим Ему ответ
Раз мы такое сотворили,
Что нам не мил стал белый свет,
За что друг друга невзлюбили?

И зло, как ржа, везде цветёт,
А доброту в себе убили.
И лишь начавшийся полёт
Своею злобой погубили.

Господь свободу людям дал
Не для того, чтоб мы грешили.
Устами Сына призывал.
Чтобы друг друга мы любили.

* * *

След старости можно на время сокрыть,
Но немощь не скроешь никак.
И если ты сможешь чуть дольше прожить,
Узнаешь, что это пустяк.

Мёд сладостен, если от сладких цветов,
Но горек, политый слезой.
И если ты сможешь прожить без оков,
Господь проследит за тобой.

Мир радостен, если любовью звенит.
Но злобен, коль это не так.
И если душа тебя к Богу стремится,
Земные заботы – пустяк.

Храм Божий наполнен весь Духом Святым
Но души в потёмках лежат.
В храме царит лишь один Господин,
Рассеян и смутен наш взгляд.

А свечи, а свечи горят...

Хочу любить

Я не хочу делить,
Хочу преумножать
Земное на земле, а Богово на небе.

Я не хочу тужить,
Хочу преобразать
В любовь заботу о насущном хлебе.

Хочу всегда любить
И близких, и далёких,
Родных людей, что встретил на земле.

Хочу Христа молить,
За всё благодарить,
Тех вразумлять, кто заплутал во зле.

Я к Господу пришёл
И с Ним себя нашёл...
Земное на земле, а Богово на небе.

ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА

У каждого своя дорога в жизни,
Но есть общий путь — стремление к Богу.
От самого рожденья и до тризны
Старайся к Богу отыскать дорогу.

Но что поделатъ, не у всех всё гладко,
И многие спешат уйти в Эммаус.
Вернутся ли они или украдкой
Продолжат в страхе убегать, скрываясь?

Вопрос вопросов — что посеял в жизни,
И что ты соберёшь как урожай?
Со дня рожденья и до самой тризны —
Плевелы или добрый урожай?

Добро и зло терзают наши души,
А Дух Святой над схваткою парит.
Заветов Господа не слышат уши,
И в душах наших тарарам царит.

Каков итог тобой прожитой жизни,
В добре иль зле придётся уходить?
Добро иль зло ты сделал своим ближним?
Уж не тебе, а Господу судить.

НАШ ХРАМ

Молитва – с Богом разговор.
Молиться можно где угодно.
Молитва – мысленный простор
И с Богом разговор свободный.

Но всё же храм – молитвы дом,
Где Божий Дух живёт и дышит,
И каждый прихожанин в нём
Святого Духа голос слышит.

Здесь дух соборности живёт
Благодаря отцам духовным,
И батюшки – священства цвет,
Нас окормляют благодетельно.

Храм лихолетья пережил.
В години мрака и забвенья
Он типографией служил.
Но милость Божья неизменна.

Из пепла возродившись вновь,
Как Феникс, храм расцвёл сегодня.
Царят в нём дружба и любовь,
И двадцать лет мы все свободны.

Наш храм народом посвящён
Святому Александру Меню,
Он Духом Божиим освящён,
Ведут к Христу его ступени.

Две даты помним мы всегда:
Тридцатый год — был храм закрыт,
Год девяностый — вновь открыт.
Господь не оставлял нас никогда.

Сегодня праздник наш двойной:
Святых Космы и Дамиана,
Что вечны в памяти земной,
И двадцать лет — с открытия храма.

Времена года

Воспоминания о Феодосии

Ветер дышит морской прохладой,
Ветер дышит морской волной.
Небо льётся осенней влагой,
С неба пышет осенний зной.

Неярки осенние крымские краски,
Неярки бутоны крымских роз.
Но пылки женщин осенние ласки,
Как пылки громы весенних гроз.

В Москве холодина, подумать страшно.
В Москве непогода, дожди и грязь.
А здесь, на юге, тепло ужасно,
А здесь, на юге, ныряют влать.

Крымская осень, природы цветенье,
Крымская осень, любовь моя.
Ты предо мною как наважденье,
Мой город прекрасный, Феодосия.

Осень-разлучница, горькие слёзы,
Осень — тревоги нашей расцвет.
Час расставания, сладкие грёзы,
Час расставания, встречаю конец.

ВНОВЬ В ФЕОДОСИИ

Приехал я вновь в Феодосию,
Город моей мечты.
Прекрасен он поздней осенью,
Не изменил черты.

Я ошибся, мой друг, не скрою,
Тоньше стал силуэт,
Новоцветьем высотным, игрою
Понял это поэт.

В Феодосии встретились снова
Крымской осенью, друг.
Не забылось заветное слово,
Те же розы вокруг.

Я свиданье тебе назначу,
Как прежде, на ветру.
На груди у тебя поплачу
И слёзы не утру.

Постарели, мой друг, с тобою
Лет примерно на пять.
Но, как прежде, запах сафоры
Нас волнует опять.

Движенье жизни вечное,
Прошлое – пройденный путь.
Былое счастье заветное
Ты не позабудь.

А море играет прибоем,
Устало спит волна.
Золотою вечерней тропею
Смотрит в море луна.

* * *

Отцвело осеннее лето,
И погас пурпурный закат.
Сединой убелённым поэтом
Я почувствовал: что-то не так.

Отцвело соцветие жизни,
Отзвучал громовой раскат.
Впереди приближение тризны.
Я почувствовал: что-то не так.

Близки роковые мгновенья
И порог неизбежных утрат.
Оставленный след, сновиденье.
И ушедший из мира чудак.

ОПЯТЬ В ФЕОДОСИИ

Как прежде, я в Феодосии,
Как прежде, купаюсь в море,
Как прежде, приехал осенью,
Приехал к твоей сафоре.

К тебе я вернулся не скоро
Проверить цветенье садов.
Говорят, не цвела сафора,
И нет у неё плодов.

Крымские краски всё те же,
Так же нежны твои цветы,
Но улыбки твои всё реже,
Разошлись, видно, наши пути.

Вдалеке мы все кажемся ближе
И стремимся на встречу опять.
Крымской осенью я увижу,
Постараюсь тебя понять.

Наша встреча — как расставанье,
Как волна — набежала... и прочь.
И осеннее наше свиданье
Не устроила крымская ночь.

По-прежнему море ласкает,
По-прежнему море шумит,
По-прежнему солнце сияет,
А сердце печалью болит...

НИКОЛАЕВКА, КРЫМ
(С Левашовым и Комаровым)

Княжной Ниной возникнув из сказки,
Королевской походкой прошла.
Из волшебного мира Чарской
Звездой незабвенной плыла.

Вдруг возникнув виденьем нежным,
Из донских прискакала степей,
Как покровом окутана снежным,
Судьбой непонятной своей.

Станом тонким и гордостью пылкой,
Обаяньем своей красоты,
Тонкой прелестью черт и улыбкой
Возродила надежды, мечты.

Чем мятеж души успокоишь?
И не скроешь волнующий зов.
Крымской осенью ты откроешь
Для себя, что есть жизнь без оков.

Я же, странник, седой и незванный,
Попытался напрасно связать.
Показалось на миг, что желанный...
Но тебе того не понять.

ЛИСТ ОСЕННИЙ

Лист осенний, слегка пожелтевший
Среди кроны зелёной блестит.
Словно искра, звездою взошедшей
Нам о чём-то с небес говорит.

Средь листвы одиноко мерцает,
Как магнит, привлекает наш взор.
Лист о чём-то незбывном мечтает,
Остальным молчаливый укор.

Лист упорно за ветку цепляет,
Неизвестно, когда облетит.
Как пророк, близость осени знает,
Желтизною своей говорит.

Хмурой осени он **провозвестник**,
Выделяясь в толпе, как звезда.
Всем пророкам избитым ровесник,
Нет им веры нигде, никогда.

Мы, потомки избитых пророков,
Бросить камень готовы всегда.
Поучиться бы нам у Истоков,
Как Господь просвещал всех тогда.
Лишь усвоив Иисуса уроки,
Образумимся мы. Но когда?

ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

Издаюка смотрю на Даму
И восхищаюся красотой.
Я представляю эту драму,
Что для неё я никакой!

Скромна и в меру молчалива.
Но знает всё и обо всём.
И за собой следит ревниво —
Полнеть не хочет нипочём.

В заботах о других хлопочет,
Хоть посмотрела б на меня.
Но, видно, Бог того не хочет.
О, Боже, просвети меня.

Пошли мне в мире утешенье
И дай немножечко огня.
Ведь мир прекрасен, несомненно,
Не дай, мой Бог, забыть меня.

The musical score is written in G major and 4/4 time. It consists of five staves of music. The first staff begins with a treble clef, a key signature of one sharp (F#), and a common time signature (C). The melody starts with a quarter rest, followed by a series of eighth notes: G4, A4, B4, C5, B4, A4, G4. Above the staff are the chords Am, Dm, and G. The second staff starts at measure 4 with a quarter rest, followed by eighth notes: G4, A4, B4, C5, B4, A4, G4. Above the staff are the chords C, A, Dm, and G. The third staff starts at measure 8 with a quarter rest, followed by eighth notes: G4, A4, B4, C5, B4, A4, G4. Above the staff are the chords C, E, A, Dm, and G. The fourth staff starts at measure 12 with a quarter rest, followed by eighth notes: G4, A4, B4, C5, B4, A4, G4. Above the staff are the chords C, E, Am, A, Dm, and E. The fifth staff starts at measure 16 with a quarter rest, followed by a double bar line. Above the staff are the chords Am and E.

* * *

Не сказать, не ответить на ласку,
От меня уйти насовсем.
Как это похоже на сказку,
Приснившуюся во сне.

Ты клялась, но что клятвы и слёзы,
Они не удержат меня.
О любви нашей плачут берёзы,
Кудрявые кроны клоня.

Мы расстались, но тот зимний вечер
Запомнился мне навсегда,
Как те незабвенные встречи,
Что ты мне дарила тогда.

И память моя возвращает
К прошедшему снова меня.
Любовь неизбежно прощает,
Надежд неизбывность храня.

И время, которое вечно,
Не может ту память стереть.
Любовь будет жить бесконечно,
Не может она умереть.

Am Dm

4 E Am A Dm

8 G C A Dm

12 B E Am Dm

16 Am E Am

The image shows a musical score for guitar, consisting of five staves of music. Each staff begins with a measure number (4, 8, 12, 16) and is accompanied by chord diagrams. The chords are: Am, Dm, E, Am, A, Dm, G, C, A, Dm, B, E, Am, Dm, Am, E, Am. The music is written in a treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a common time signature (C). The notation includes quarter notes, eighth notes, and rests.

ЖЕНЩИНЫ ОСЕНИ ПЫШНОЙ...

Женщины осени пышной
В расцвете осенних лет
Вкусны, как спелые вишни,
Прекрасны, как маков цвет.

Они, умудрённые жизнью,
В душе сокровенно хранят,
Как пахнул горько полынью
Цветов полевой наряд.

Цветов полевых, что дарили
В далёкие светлые дни,
Они бы сейчас не сменили
На яхонтов дивных огни.

Теперь понимают им цену
И память о них берегут,
И всё, что пришло им на смену,
Не скроет прекрасных минут.

Am Dm

4 E Am

8 E Am Dm

12 G C

16 A Dm

20 B E

24 Am Dm

28 Am E Am E

ВРЕМЕНА ГОДА
(Подражание Чайковскому)

Январь — холодная и снежная пора,
На санках с гор съезжает детвора.
Февраль — вьюжится зимний простор.
Грустно, куда не кинешь свой взор.
Март — в воздухе пахнет надеждой,
Что жизнь возродится как прежде.
Апрель — привычно считать, что капель
Начинает, когда наступает апрель.
Май — это месяц, когда расцветают сады
Весенние грозы и грёзы, наши мечты.
Июнь — преддверие лета, во всей красе весна.
Вот тема для поэта, влюблённым не до сна.
Июль — очень жарко, купаются всласть.
Лето в разгаре, любовная страсть.
Август — это буйного лета восторг,
Пик природы расцвета, приволье и спорт.
Сентябрь — сбор урожая, осенних плодов,
Разноцветье лесов и лугов, и садов.
Октябрь — это осень, осень, осень.
Бабье лето мы очень ждём и просим.
Ноябрь — ждём зимы и прощаемся с осенью.
Холодает. Природа расцветчена проседью.
Декабрь — «буря мглою небо кроет».
Зима белым снегом жизнь покроет.

2

31 Dm

35 E

39 Am

43 A

47

51 Dm

55 Am

59 F E Am

4

F

Dm

E

Am

Dm

E

Am

ЖЕНЩИНАМ
(Наталье Юдиной)

Женщины осени пышной
Цветут красотой весны,
Как если бы стали вишни —
Застывших рубинов сны.

С годами приходит опыт,
Но сердце с тревогою вновь
Слышит чуть слышный шёпот
Волнующих слов — любовь.

Женщины жаждут счастья
И осенью, и зимой.
И это в нашей власти —
Сделаем осень весной.

Я был без тебя в Одессе,
А ты без меня была.
Но мир всё-таки тесен,
И встреча наша пришла.

* * *

Вот и закончилось лето,
Лето расцвета любви.
Маленькой жизни поэта
Кончились светлые дни.

Осень в ответе за это.
Вини ты её, не вини.
Жёлто-багряным расцветом
Красит разлучница дни.

Печалюсь закатом лета,
Вот и пошли дожди.
Не сделал я то и это,
Но сделаю, ты дождись.

Осени возраст прекрасен,
Прекрасны и зимние дни.
Всё, что имею в запасе,
Попробуй-ка, отними!

The musical score is written in G major, 4/4 time, and consists of five staves of music. The chords are indicated above the notes. The melody is written in a single voice line.

Staff 1: Am Dm E

Staff 2: 4 Am C Dm B

Staff 3: 8 E Am Dm G

Staff 4: 12 E Am A Dm Am E

Staff 5: 16 Am

Н*

Неслышные жёлтые листья
Слетают с деревьев, кружась.
Мои невесёлые мысли
Зачем-то куда-то спешат.

Спешат разлететься по свету,
Как будто их с нежностью ждут,
Как будто им кто-то ответит
И кто-то найдёт им приют.

Но в жизни случается чудо
В реальности будничных дней.
И образ тот милый повсюду,
И светлые думы о ней.

К закату клонится лето,
Осени ближе дни,
Песня ещё не спета —
Спеть её помоги.

Из осени сделай чудо,
Из нежности без конца,
Печаль свою позабуду
И превращусь в юнца.

Вновь подари надежду,
Двери мне отвори.
Наступит весна, как прежде.
Ты чудо сотвори.

СЕРОГЛАЗКА

На вернисаже
В Измайловском парке
Чудным пассажем
Вас встретил я в арке.

Аллея искусства —
Налево, направо.
На разные вкусы
Устроено здраво.

Славным парадом
В Измайловском парке
Рядом за рядом
Встречают подарки.

Было под вечер.
В Измайловском парке.
Вдруг эта встреча
В свете неярком.

И незнакомка
Возникла из сказки,
Нежно, негромко —
Цветок сероглазки.

ЮБИЛЕЙ (Другу)

День рожденья. Справлять юбилей
Установлено предками нам.
О прожитом мы судим по ярким делам.
Ещё лучше — по старым и верным друзьям,
Не забывшим поздравить тебя в юбилей.

День рожденья. Справлять юбилей —
Это значит собраться всем вместе.
Всем, кто любит друг друга без лести,
Кто прощает обиды без мести.
Узким кругом немногих, но верных друзей.

Жизнь прожить и остаться красивым —
Удаётся немногим такое свершить.
Это надо душою и сердцем любить...
Это надо и нежность, и радость дарить
Без остатка. И будешь навечно счастливым!

Жизнь прожить и остаться красивым.
Не телесной земной красотой,
А какой-то возвышенной простотой,
Словно небо бездонное над головой.
Для друзей ты останешься вечно красивым.

День осенний, ноябрьский день.
И морозцем сковалась вода.
Обступили, окутали нас холода.
Но друзьями согреты на жизнь, на года.
В цвете осени всюду мы видим сирень.
День осенний, ноябрьский день.

Милый друг, не скучай, не грусти.
Что осенен мой стих, ты прости.
Мы собрались, чтоб факел дружбы нести
Столько лет, сколько сможем пройти.

НА ДАЧЕ

Весь отдаюсь я красоте,
Лежу, смотрю порою,
Как гордо сосны в высоте
Кивают мне главою.

И солнца луч их золотит,
Щебечут где-то пташки,
И нежно ветерок струит,
Кольшутся ромашки,

Кивая нежно в танце мне.
Такой покой в моей душе!
Такая ясность в синеве!
И сладостны минуты те —
Забывать о мира суете.

ПАМЯТЬ ЧЕРНОБЫЛЯ

Когда весь мир натянут, как струна,
И океаны теперь — не расстоянья,
Когда вдруг проросли те семена,
Что нам казались — Библии сказанья,
Когда так тесно, не спасёт луна,
И ничего не стоят расстоянья.

Мы не взорвёмся.
Нас не пугает льющаяся кровь,
И вновь, и вновь, и вновь, и вновь, и вновь
Опять цветут поля.

Когда весь мир, смотри, сошёл с ума,
И перемены так модны, так желанны,
Когда, как никогда, страх разума
Преобладает, делает мир странным,
Ты, Женщина, должна решить сама
И прекратить Великие Обманы.

Мы не смеёмся.
Мы повторяем вновь, и вновь, и вновь:
Любовь, любовь, любовь, любовь —
То Небо и Земля.

Мы этот мир открыли для себя —
И ты, и я, мы с этих пор на расстояньи.
Всегда, друг, вижу я везде тебя,
И всё в одном и том же одеяньи.
Вся в белом, в белом, в белом ты, и я
Стою весь в непрестанном ожиданьи.

Мы не сдаёмся.
Нас ожидает счастье и любовь,
И вновь, и вновь, и вновь, и вновь, и вновь
Весной цветут поля.

* * *

О, дай мне Боже
На склоне лет
Заботы нежной,
Души расцвет.

Чтоб кто-то милый
Сказал: «Привет!»
Чтоб зов мой слабый
Нашёл ответ.

Прижал бы к сердцу
Любимый друг,
А в сердце дверца
Открылась вдруг.

Впустила радость,
Впустила свет.
И милый голос
Сказал: «Привет!»

БЕГ ВРЕМЕНИ (ПО ЕСЕНИНУ) — СЕБЕ

Зачем так быстро время пролетает?
Не можем мы его остановить.
Зачем так быстро розы отцветают?
Но всё равно нельзя их позабыть.

Не позабыть, что утренних рассветов
Осталось в жизни меньше, чем прошло,
И соловьиных песен больше спето
О том, что было прежде и ушло.

Была любовь и чувства волновала,
Теперь она осталась лишь к семье,
Как дерево, поднявшись ввысь сначала,
Затем приникло ветвями к земле.

Другие чувства и другие страсти
Волнуют душу, согревают кровь.
Слежу с тревогой, что не в нашей власти
Костёр рябины возвратить нам вновь.

Зачем так быстро годы пролетают?
От них осталась светлая печаль.
Как снег весной, они привычно тают,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль весны утраченную свежесть,
Не жаль мне лета жаркую пору,
Жалею, что растроченная нежность
Рассеялась, как призрак на ветру.

И если мы, собравшись в юбилей, —
Все близкие и верные друзья,
Скажите так, что жизнь прошелестела,
Но всё ж её мы прожили не зря.

Am Dm

4 E Am C G C

8 B E Am Dm

12 G C E Am A Dm

16 Am B E Am

The musical score is written on five staves in treble clef with a common time signature. It includes chord diagrams above the notes. The first staff starts with a whole rest followed by a quarter note G, then eighth notes A and B, a quarter note C, and eighth notes D and E. The second staff begins at measure 4 with a quarter note G, eighth notes A and B, a quarter note C, eighth notes D and E, a quarter note F, and eighth notes G and A. The third staff begins at measure 8 with a quarter note G, eighth notes A and B, a quarter note C, eighth notes D and E, a quarter note F, and eighth notes G and A. The fourth staff begins at measure 12 with a quarter note G, eighth notes A and B, a quarter note C, eighth notes D and E, a quarter note F, and eighth notes G and A. The fifth staff begins at measure 16 with a quarter note G, eighth notes A and B, a quarter note C, eighth notes D and E, a quarter note F, and eighth notes G and A. The score ends with a double bar line and repeat dots.

* * *

Прошёл расцвет, и наступила осень,
Пора раздумий и тревог.
На склоне лет, как милостыню, просим,
Что заслужили. Видит Бог!

Уж дом ни от чего не защищает,
И катастрофа настаёт.
И каждый полной мерой испытает.
И будет так. Оно грядёт.

Мы суетимся, думаем — не скоро
Наступит крах, но рядом рок.
Зима грядущим пологом не скроет
Время дорог, время тревог.

И если есть на свете справедливость,
Наступит час расплаты. Вызрел плод.
И нас погубит нетерпимость.
И в душах лёд. И в душах лёд.

Не так уж много сил у нас осталось,
Чтоб тратить их по пустякам.
На смену бодрости пришла усталость.
Что делать нам? Что делать нам?

Что строили, то ложью оказалось,
Построены лишь миражи.
Снаружи и внутри так не связалось.
Итог — крутые виражи.

Итак, выходим на вираж последний,
Хоть честь свою бы сохранить.
Её оставить бы тебе, наследник,
Коль нечего уже дарить.

Прощай, мой друг, суровая неволя
Заставит нас уйти скорей.
Что делать нам? Такая наша доля.
Держись бодрей и не робей.

* * *

Осень. Дожди. Непогода.
Жёлтый багрянец листвы.
Быстро летит время года,
Быстро увяли цветы.

Грустно. Любовь. Ожиданье.
Отзвуки сладкой мечты.
Нежное наше свиданье,
Память твоей красоты.

Сердце. Душа. Воскресенье.
Эти слова так просты.
Молим тебя во спасенье.
Боже! Нас, грешных, прости.

* * *

За дружеский стол собравшись в ряд,
Лишь комплименты говорят.
И, словно выстроившись на парад,
Бутылки и яства стоят.

За дружеский стол собравшись в лесу,
Чарочку водки тебе поднесу,
Чтобы ты почувствовал жизни красу,
Пей и гуляй, я ещё поднесу.

Рюкзак за спиною, по лесу бреду,
С другом беседу неспешно веду.
Ветку тугую рукой отведу,
Чтоб не наделала другу беду.

Рюкзак за спиною, еда в рюкзаке,
С тобой на прогулку идём налегке.
Подруги ползут от нас вдалеке,
Словно баржи плывут по реке.

Какое раздолье! Какая краса!
Люблю я приволье, люблю я леса,
Люблю, когда траву покрывает роса,
Люблю, когда птичьи поют голоса.

ДИСТАНЦИЯ ЖИЗНИ

Двигается поезд от станции к станции,
Вроде, идёт он вперёд.
Но возвращается к прежним субстанциям,
Скорость едва наберёт.

Слышится шорох листвы опадающей —
Осень снимает наряд.
В жизни, от нас навсегда убегающей,
Будет последний парад.

Кружится поезд от станции к станции —
Разом сужается путь,
И сокращается жизни дистанция —
Может закончится вдруг.

Хочется встретить весну запоздалую,
Яблонь душистый наряд,
Встретить травинку и ягодку малую,
Как расцветает заря.

Хочется — сбудется, нужно надеяться,
Может, ещё повезёт.
Скажем «костлявой»: «Черёд твой успеется».
Вновь начинается взлёт.

ОБЛАКА

Бегут белые облака.
Они торопятся, как всегда.
Как торопится человек
Прожить свой короткий век.

Ветром капризным гонимые,
Лёгкие, очень ранимые.
Облака, задержите свой бег!
Белые, белые, как снег.

Стоят зимние холода.
Облака рождаются, как всегда,
Как рождается человек,
Как рождается первый снег.

Годы очень недлинные,
Судьбою капризной гонимые,
Задержите свой яростный бег!
Вечные, вечные, как снег.

Летят лёгкие облака,
Они исчезают навсегда,
Как исчезает человек,
Прожив свой нелёгкий век.

Am A Dm

4 G C Am Dm

8 B E A Dm

12 G C Am Dm

16 F E Am

Detailed description: The image shows a musical score for guitar in treble clef, 4/4 time. It consists of five staves of music. Above each staff are chord diagrams for the chords used in that section. The first staff has chords Am, A, and Dm. The second staff starts at measure 4 and has chords G, C, Am, and Dm. The third staff starts at measure 8 and has chords B, E, A, and Dm. The fourth staff starts at measure 12 and has chords G, C, Am, and Dm. The fifth staff starts at measure 16 and has chords F, E, and Am. The music features a mix of eighth and quarter notes, with some rests and a double bar line at the end of the fifth staff.

* * *

Дождливая осень покровом весны
 Раздела деревья, раздела кусты,
 Багряно-зелёным убором густым
 Окутала землю нарядом цветным.

Разбила надежды, умчала мечты...
 Но память оставила миг красоты.
 То отблески лета, букетов цветы,
 А в сердце поэта одна только ты.

Л*

Я и ты. Ты ль читаешь стихи,
Что тебе подарил как букет?
Не суди их, не так уж плохи,
Не спеши отвечать сразу: «нет».

Может быть, это время придёт,
Что казалось ненужным тогда,
Вдруг нахлынет, и сердце замрёт,
Поспеши, всё уйдёт навсегда.

И останется только печаль,
Боль в груди, эхо сказанных «нет».
Бесконечно тебе станет жаль
Зря растраченных прожитых лет.

The musical score is written in treble clef with a 3/4 time signature. It consists of five staves of music. The first staff begins with an Am chord. The second staff starts at measure 4 with a Dm chord and continues with a G chord. The third staff starts at measure 8 with a C chord and continues with an F chord. The fourth staff starts at measure 12 with a Dm chord and continues with Am and E chords. The fifth staff starts at measure 16 with an Am chord and ends with a double bar line.

ВСТРЕЧА

Уходящим закатом расцвечена жизнь
Отзвуком счастья, любви и страданий.
Я полон тревог, не пойму почему,
И полон неясно каких ожиданий.

Что будет со мною нельзя предсказать,
Лишь Бог управляет судьбою желаний.
Хоть жизнь неуклонно приходит к концу,
Я полон каких-то незбывных мечтаний.

И вдруг озарилась закатная жизнь,
Я встретил созвучную душу недавно.
Господь мне послал не пойму почему,
Послал мне с любовью, как встречу, свиданье.

Мы были чужими, хоть в храме встречались,
Нас сблизило чувство душевных терзаний.
Как радостно в грусти не быть одному,
И счастье быть рядом в минуты прощаний.

Господней любовью расцвечена жизнь,
Праздником светлого дня Воскресенья.
Ты пострадал за людские грехи,
О, Господи, дай нам с любовью спасенье.

ДЕВА И ТЕЛЕЦ

Звёздное небо горит в небесах
Мерцает, сияет в горних вершинах.
Звёздное небо – вершин чудеса.
Богом написана эта картина.

В звёздных просторах живут две звезды,
Мерцают, сияют, но незнакомы.
Одна, как Телец, не знает узды,
Другая, как Дева, не знает покоя.

В звёздных просторах звёзды в разлуке,
Мерцают, сияют светом далёким.
В звёздных просторах чужие они.
Как же они в небесах одиноки.

И Господь их на грешную землю спустил,
Чтобы не были так одиноки.
Чтобы Деву Телец нежно любил
В мире нашем безумно жестоком.

И, вот, на земле живут две звезды
Друг друга любя и лелея.
Господу вверив правленья бразды,
О звёздном пути ничуть не жалея.

Am

4 Dm

8 Am

A

12 Dm

16 E

Am

20 G

24 C

Am

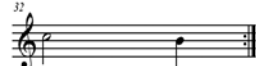

28 Dm

B

32 E

Утки зимой

(Болотце в Лихоборах зимой)

Белый снег скрипит морозцем
И искрится, и играет.
Пар клубится над болотцем,
Что зимой не замерзает.

Утки весело гурьбою
И резвятся, и играют,
Как кораблики, весною
По болотцу проплывают.

Гордый селезень убором
Сине-сизым, яркоцветным
Перед утончённым взором
Хорохорится приветно,
Хочет выглядеть приметным.

* * *

Мой милый друг,
Почему так грустно?
На пороге осень,
А на сердце пусто.

Мой милый друг,
На пороге осень.
Почему так грустно?
Мы осень спросим.

Мой нежный друг,
Она нам ответит:
«Ваше лето прошло...»
Она и не заметит.

Мой нежный друг,
Наше лето прошло.
Потому так грустно,
Что счастье ушло...

* * *

Близится лето к концу,
Осени слышно дыхание,
Крутится жизнь по кольцу.
Вот и пришло расставание.

Осень. Другая пора:
Осень холодно-багряная,
Дождь моросит до утра,
Травы по-прежнему пряные.

Летом все чувства в цвету,
Осенью ждут продолжения,
Словно листки на ветру
Замерли в вихре кружения.

Лета дождливый конец
Близится холодом осени.
Жар опалённых сердец
Сменится запахом плесени.

Это ещё не конец.
Жизнь, как всегда, продолжается.
Всё так устроил Творец,
В мире ничто не кончается.

Am

4 E Am A Dm

8 E

12 Am

16 A

20 Dm

24 Am

28 Dm E Am

32 E

Detailed description: This is a guitar score in 3/4 time, written in treble clef. The piece consists of 32 measures. The chords are indicated above the staff at the beginning of each measure. The notes are: Measure 1: Am (A2, C3, E3); Measure 2: E (E2); Measure 3: Am (A2, C3, E3); Measure 4: A (A2); Measure 5: Dm (D2, F2, A2); Measure 6: E (E2); Measure 7: Am (A2, C3, E3); Measure 8: A (A2); Measure 9: Dm (D2, F2, A2); Measure 10: E (E2); Measure 11: Am (A2, C3, E3); Measure 12: A (A2); Measure 13: Dm (D2, F2, A2); Measure 14: E (E2); Measure 15: Am (A2, C3, E3); Measure 16: A (A2); Measure 17: Dm (D2, F2, A2); Measure 18: E (E2); Measure 19: Am (A2, C3, E3); Measure 20: A (A2); Measure 21: Dm (D2, F2, A2); Measure 22: E (E2); Measure 23: Am (A2, C3, E3); Measure 24: A (A2); Measure 25: Dm (D2, F2, A2); Measure 26: E (E2); Measure 27: Am (A2, C3, E3); Measure 28: A (A2); Measure 29: Dm (D2, F2, A2); Measure 30: E (E2); Measure 31: Am (A2, C3, E3); Measure 32: E (E2). The piece ends with a double bar line.

ЖЕНЩИНЕ ПОЗДНЕЙ

Не дай нам Бог влюбиться поздно,
Напрасно ждать ответных слов.
Законы жизни непреложны.
Как молодость вернуть нам вновь?

Преклонный возраст не помеха,
Душа тоскует, сердце жмёт.
Друзья, поверьте, не до смеха,
Когда любимая не ждёт.

Мне всё понятно, ей не пара,
Намного старше я её,
Но запоздалая гитара
И в сердце старом всё поёт.

Душа и сердце просят ласки
И хоть немножечко любви,
Я понимаю, это в сказке.
Меня прости и извини.

Я с нежностью смотрю на диву,
Она в заботах тут и там.
Мелькнёт на миг виденьем дивным
И всё расставит по местам.

А я, седой и неуёмный,
Надеюсь лишь дружить с тобой.
Пошли, Господь, любви мне полной.
Хоть краткий миг побудь со мной.

Готов помочь тебе во всём я,
И выслушать, и дать совет,
И покормить, и обогреться,
Мой милый друг, тебе привет.

ЧАЙКА

Чайка летела и села
На гребень волны.
С гребня она посмотрела,
Чем же волны полны.

Куда подевались рыбки?
Мне хочется есть.
Как эти волны зыбки.
Что же в них есть?..

ЗАЧЕМ?

Зачем тебя я встретил поздно?
Зачем тебя я полюбил?
Я жил беспечно и свободно
И, вдруг, как в бездну угодил.

Ходил я в храм молиться Богу
И встретил там тебя, мой друг.
Господь привёл меня к порогу,
Где ты сияла средь подруг.

Казалось, Бог связал нас вместе,
Духовно стали мы близки.
Со мной делилась каждой вестью,
Любым движением души.

Зачем меня манила сладко?
Не знал – другому ты верна.
Зачем встречаемся украдкой?
Душа ж томлением полна.

Зачем я был так легковверен?
Зачем поверил я словам?
Ведь знал, что день и час отмерен,
Быть вместе не придётся нам.

Не молод я, минуты сладки,
Не так их мало впереди.
Минуты счастья, что украдкой
Дарила мне, те все мои.

НАВАЖДЕНИЕ

Старому сердцу важен покой.
И тут наважденье случилось.
То, что мечталось когда-то порой
Вдруг наяву приключилось.

Бедное сердце ожило вновь,
И светом оно озарилось.
С неба Господь подарил мне любовь
Ту, что во сне мне приснилась.

Старые песни на новый лад
Вдруг для меня зазвучали.
В прошлом остался душевный разлад,
Где-то остались печали.

Милые речи – сердцу бальзам,
И голос так нежно звучащий.
Вместе, подруга, приходим мы в храм,
Вместе подходим к причастью.

То, что связал на небе Господь,
Никак развязать невозможно.
Веришь, не веришь – рассудит Господь.
Мы связаны, друг мой, надёжно.

ПЕЧАЛЬ ПРОЙДЁТ

Печаль в твоих глазах,
Склонились плечи в плаче.
Лицо размытое в слезах
Всю ночь во сне маячит.

Моя прекрасная любовь
С тобой всегда я рядом.
Для утешенья нету слов,
Достаточно лишь взгляда.

Печаль пройдёт, настанут дни
И радости, и счастья.
Прольют весенние дожди
И смоят все напасти.

И в расцветающем саду
Среди мимоз и лилий
Тебя счастливой я найду
И нежной, и красивой.

А ты подаришь мне мечту,
Которая мне снилась,
Тепло в глазах твоих прочту,
А в сердце Божью милость.

Путь

Каждый день для меня,
Как встающий рассвет,
Возникающий в темени ночи.

Каждый день, что Господь,
Как свою благодать,
Неспроста мне послал между прочим.

Словно есть для меня
Предначертанный путь
С того дня, как раскрыл свои очи.

Много дней позади,
Как рассеянный дым,
Растворились в безвремени ночи.

Мало дней впереди
Мне осталось прожить.
Впрочем, сколько Господь наш захочет.

И хотелось бы мне
Их достойно прожить.
На свету, а не в сумраке ночи.

СВИДАНИЕ

Бархатный час, дивные речи
По телефону жду каждый вечер.
Они обещают нежные встречи,
Манят, ласкают и душу лечат.

Бархатный час, милые речи
Жду с нетерпеньем я каждый вечер.
И вспоминаю зябкие плечи.
А на столе горящие свечи.

Бархатный час, миг ожиданья
Жду каждый вечер наше свиданье.
Вдруг состоится, но с опозданьем,
Миг наслажденья за все страданья.

Только лишь миг длится свиданье,
Что мне сказать в своё оправданье?
Не оправдал я твои ожиданья
И мне ответом только молчанье.

* * *

Снился мне сон, что в чудесном саду
Я с тобой на скамейке сижу,
И цветной аромат мы вдыхаем.
Вдруг упал на колени,
И лицо обратив к небесам,
Я вскричал: «Слушай, Боже,
Как же мне хорошо!
Ты мгновенье продли,
Чтоб оно длилось вечно».

Я проснулся, кругом темнота
И один я в холодной постели.

Был только сон, что хотел наяву,
В этом мире я долго живу,
Но мечтал о несбыточном чуде.
Я молился всю ночь.
И лицо оросивши слезами.
Я молчал, слушал Бога...
Как же дальше мне жить?
Дай мне знак, намекни,
Я приму благодарно.

ТЁПЛЫЙ ВЗГЛЯД

Тёплым взглядом и обликом стройным,
И духовной своей красотой
Ты вошла в моё сердце спокойно,
Принеся благодатный покой.

Хоть бываешь ты вся никакая,
И эмоции бьют через край
Ты нужна мне, сестричка, такая,
Какой Боже мне к счастью послал.

Не пойму, за какие заслуги
Под конец моей жизни земной
Бог направил тебя мне в подруги.
Что готовишь мне в жизни иной?

Обрету ли покой и утешусь,
Буду ль я о тебе тосковать?
Но с небесных высот я утешу,
Ниспощлю я тебе благодать.

А пока на земле я живущий
Попытаюсь покрепче связать
Тёплый голос из сердца идущий
С нежным чувством, что сможешь мне дать.

* * *

В туманах бродит глухая осень,
И лист пожухлый лежит ковром,
И строй суровых небритых сосен
Стоит, как стража, в лесу глухом.

Ты мне приснилась в ином обличьи,
Я образ милый едва узнал.
Хотел коснуться, но стан девичий
Стал отдаляться и вдруг пропал.

Только надежда даёт мне силы
Боль разлуки с тобой пересилить.
Боль разлуки, со всем, что было,
Только надежда на встречу с милой.

Am

4 Dm E

8 Am A Dm

12 B E Am Dm

16 Am E Am

Листья

Жёлтым дождём осыпаются листья,
Землю покрыли ковром золотым.
Память тревожат тяжёлые кисти —
От бурь охраняли покровом густым.

Голым укором глядит обнажённо
Унылых стволов безжизненный вид.
Голая ветка дрожит напряжённо,
Безмолвно от боли что-то кричит.

Ветка, о ветка! Куда твои детки,
Не зная зачем, отправились в путь?
Так поступали всегда твои предки —
Может, хотели прилечь, отдохнуть?

На землю сырую легли неуютно.
Сменится осень холодной зимой.
Под белым покровом помнится смутно,
Что были когда-то зелёной листвою.

Am A

4 Dm E G

8 C A

12 Dm B

16 E Am

20 Dm E

24 F Dm

28 Am Dm F E

32 Am

Посвящения

В каких словах могу я выразить
те чувства к бабушке,
Кто светом озарил туман души моей?
И я прозрел.
Исчезла слепота,
которая так долго длилась.

Молюсь я в храме, вознося хвалу Творцу,
Господь устроил нашу встречу,
которая мне и не снилась.
Вдруг светом озарила вечер души моей.
Хоть жизнь моя идёт к концу,
прости, Господь!
За всё тебя благодарю.

II

Премудрость Божия вложила
в сердце ум
И дух вооружила мудростью
душевной
И память пастыря
о каждом грешном чаде
Любовью исторгается безмерной.
А сердце, как струна,
отзывчиво звенит
На беды откликаясь чад духовных.
Безмерно сердце доброе —
огромная страна.
Как уместается в телесном выраженье,
Нам, грешным, не понять,
ведь Истина у Бога.

ПОЭТУ

Б. Пастернаку

Какое ни выберешь время –
Хоть Пушкина, хоть Пастернака,
В душе поэта как тяжкое бремя
Российского жуткого мрака.

Одинока душа поэта,
Тоскует, страдает во мраке.
Всё видит, но нет у него ответа,
Не хочет участвовать в драке.

Как только возвысит голос
Пророка и непринятия –
«Ату его!» – слышит команды возглас
Свора готовых распять его.

И он, обложенный флажками,
Одинокий и в полном мраке,
Обороняясь только стихами
Не хочет участвовать в драке.

Но Свет, зажжённый искрой Бога,
Стихами истинного поэта,
К каждому найдёт дорогу
И не останется без ответа.

АЛЕКСАНДРУ КРЕМЛЁВУ

Сухое слово «репортёр»
И ещё суше — «папарацци» —
Не отразит души простор
И сердца жар, как ни стараться.

И Божий Дом, наш светлый Храм,
Как организм, живёт и дышит,
И всё, что происходит в нём,
Наш Саша мастерски опишет.

Когда на праздник в Божий Храм
Стремимся мы прийти пораньше,
Он с объективом ждёт нас там,
С улыбкой, радость нам дарящей.

Он, просветлённо вдохновлён,
Скользит по храму неприметно.
И, объективом отражён,
Запечатлён тот миг заветный.

Угоден Господу твой труд,
И снимки просто превосходны.
Ты всем нам нужен, милый друг,
Твоё искусство бесподобно.

ЛАДЕ НЕГРУЛЬ

I

Изящная дева поёт и танцует,
Как пена морская, прелестна она.
Сияет, играет, как пэри, волнует,
И плещет, и блещет, как в море волна.

С грацией серны покоя не знает,
Игрою, движеньем, светом полна.
Смехом, игрою к себе зазывает,
Как Лорелея, призывна она.

Изящная дева сюжеты снимает,
Актриса на сцене, снимает кино.
И Бог наш с улыбкой на это взирает —
Ведь хочется многим, но им не дано.

Идёт мимо храма старик, вспоминает...
Вдруг крест возникает в ладони его.
Откуда он взялся? Об этом не знает.
Но знает Господь — Он превыше всего.

И с помощью Божьей слепой прозревает,
И дева об этом снимает кино.
Младенец лепечет, его причащает
Священник,
и в кровь Христа превращает вино.

Изящная дева снимает, снимает...
Она режиссёр и снимает кино,

ГЕОРГИЮ КОЛОСОВУ

С тёплой улыбкой сквозь объектив
Смотрит Георгий на этот наш мир.
И мир отвечает, взгляд уловив:
«Смотри, я каков изнутри».

До неба высоко, до Бога далеко,
Но Бог среди нас, Он здесь.
И смотрит художник на мир одиноко —
И видит он мир весь.

В дымке вуали, спокоен и тих,
Сижу и блаженно смотрю в объектив.
My darling снимает, снимает меня
При свете софитов средь ясного дня.

Взор его видит, а нам не дано,
Суть мира, закваску и сула вино.
Божественным даром Господь наделил
И кистью поэта сердца обнажил.

С тёплой улыбкой, смотря в объектив,
Что он увидел, меня охватив?
Что отразил сей немой негатив?
Душу мою, в нём меня отразив?

Божьи создания глядят в объектив.
Что же художнику видится в них?
Господа милость иль слава Творца?
Царство Небесное, жизнь без конца?

Художник снимает, снимает, снимает...
Когда завершит, он не знает, не знает...
Время дарить и время любить...

Корявые строчки с нисхожденьем прими,
My darling, Джорджи, *Mon Cher Ami*.

РОМАНУ ХАРИТОНОВУ
(В юбилей)

Нам немного осталось пройти,
Нас немного осталось в пути.
Так сомкнём же шеренги свои
И сердца распахнём для любви.

Мы родились у славных отцов,
И учились мы у мудрецов.
Много слышали правильных слов.
Их исполнить не каждый готов...

Кто оценит ушедших труды?
Кто заселит пустые сады?
Память жизни у нас позади,
Свет незримый у нас впереди.

Но не стоит печали нести,
И не надо о прошлом грустить.
Поздравляем тебя в юбилей —
Горстка верных и близких друзей.

ЭМИЛИИ ЛЕОНГАРД

I

Эмилия, как лилия,
Как цветок безмятежный,
Как роза белоснежная
Очень, очень нежная.

Эмилия — идиллия,
Как остров заповедный,
Как песня заветная,
Совсем, совсем не вредная.

II

(По боговдохновенному рассказу Леночки)

Что может быть выше
Детей спасенья?
Что может быть краше
Добру служенья?

Жизнь твоя, Мила,
Для нас — восхищенье,
Хоть труден твой путь,
Но он — восхожденье.

Во всякое время
Завистников тьма,
И дьявол не дремлет
Разрушить дотла.

Что может быть выше
Блага творенья?
Что может быть краше
Детей леченья?

Ты на подъёме,
Отбрось все сомненья.
Господь наш с тобою,
Даёт вдохновенье.

Во всякое время
Нам светит звезда,
Тяжёлое бремя
Несёшь не одна.

Тебя окружают,
Как шлейфом, друзья.
Тебя не любить,
Поверь мне, нельзя.

В день юбилея
Прими, не скорбя,
Корявый мой стих,
Что сложил я, любя.

СВЕТЛАНЕ ЛУКЬЯНОВОЙ

I

Ты вечно занята. А я?
А я тобою не утешен,
тобою восхищён.
Смотрю, как молишься... А я?
Я постоянно грешен.

В молении стою
и на тебя смотрю.
В тебе Господь
вновь славой воссиял,
во всей красе
явил всю благодать.

Ты вся — стремление
вершить добро.
И даже тем,
кто осуждён мирским судом.
Пусть суд им будет Божий!

Рука твоя рождает
Божий стих,
а сердцем и душой
Господь наш управляет.

Всё разумение твоё
посвящено одной молитве:
«Люблю тебя, Господь,
и всех людей —
и грешных, и безгрешных».

Язык мой слабый
не может выразить
всю полноту твоей природы.
В молении стою
и на тебя смотрю...

II

Но что сказать мне, страннику седому?
Что счастлив я, узнав тебя, мой Свет,
И что живу теперь я по-другому?
На многое дала мне ты ответ.

На склоне лет я ощутил тревогу,
Что с Господом я потерял контакт.
Но батюшка и ты мне помогли дорогу
Вновь отыскать.
И это непреложный факт.

И, как одухотворённый Господом поэт,
Ты видишь мир немного по-другому.
А я? По-прежнему жду от тебя совет:
Как говорить мне с Господом, немому.

Мои слова, как на песке круги,
Так зыбки, что мне самому не ясны.
Дай мудрость мне понять твои шаги,
Твои слова — божественно прекрасны.

Как выразить мой слабый ум способен,
Какие новые я подберу слова?
Прекрасный мой поэт, ты Господу угодна.
А я? Другая то глава.

Стою я в храме, словом окрыленный,
В молитве со склонённой головой.
И мне рисуется твой лик нетленный
Сквозь фимиам свечей.
Твой, Господи! Побудь ещё со мной.

КОНСТАНТИНУ СЕМЁНОВУ

Жил-был писатель один,
В храме Господнем служил.
В пору суровых годин
Господа он возлюбил.

Раньше он был технарём,
Верно и честно служил.
Светом во тьме озарён —
В землю талант не зарыл.

Строчки, как люди, живут,
С нами, как друг, говорят,
Плачут, смеются и жгут,
В пышный одеты наряд.

Слог твой изящен и смел,
А диалог — как цветы.
Взяток собрать ты сумел,
Словно как пчёлка в пути.

Трудник, паломник, поэт,
В души людские взглянул,

В сумраке гибельных лет
Прах с своих ног отряхнул.

Любишь свой бедный народ
Всем сердцем своим и душой.
Терпит он касту господ,
Всех и всего он лишён.

И, несмотря ни на что,
Любишь несчастный народ.
Но ты не знаешь, за что
Может спасти нас Господь.

Трудник, поэт, эрудит,
Видишь народ свой насквозь,
Веришь, что он победит
Свой вековой «на авось»?
(Вот в чём извечный вопрос!)

ИГОРЮ ЮДИНУ

I

Мы необычны, неповторимы,
Каждый из нас и вместе.
Мы ненавидимы и любимы
По правде и из лести.

Как удивительно мы ранимы,
Каждый из нас и вместе.
Как не похожи, неистребимы,
Строгие и без чести.

Мы неразлучны, неразделимы,
Каждый из нас и вместе.
Как непонятны и несудимы
Из доброты и из мести.

Мы — юбиляры и побратимы,
Собравшиеся вместе.
Будем внимательны, неразделимы —
Клянёмся на этом месте.

Игорь, милый, неповторимый,
Живи ещё лет двести.
Мы придём на твои именины,
Каждый из нас и вместе.

II

В годы трудных испытаний,
В годы зрелости седой
Награди нас Бог желанной
Дружбой крепкой и простой.

Как-то стали нам дороже
Наша жизнь и наш покой.
Почему-то нас тревожит
«Со святыми упокой».

Почему-то стали ближе
Лес, прогулки и друзья,
Как собака, жалость гложет,
И волнует нас семья.

Мало нам с тобой осталось,
Больше прожито зазря.
Незаметно к нам подкралось:
«Пить, курить, любить — нельзя!»

Ничего нам не осталось,
Кроме хобби и цепей,
И нежданная усталость,
И нежданное: «Не пей!»

В годы трудных испытаний,
В годы старости больной
Повторяю неустанно:
«Верен дружбе я одной».

III

В этот день, взглянув устало
На нас, на близких твоих друзей,
На всё, что было, на всё, что стало,
На всё, что сделал, что не успел,

Ты скажешь мудро:
«Хоть были будни,
Хоть было трудно,
Я жил всей грудью!»

Любовь и дружба — два этих слова,
Простых и ясных, твержу я снова.
Их как молитву, как наважденье
Я повторяю в твой день рожденья.

Люби свой труд (а он тяжёлый),
Люби свой дом (а он большой),
Люби семью (она прекрасна),
Люби друзей (они... ну ладно),
Ты сам их знаешь,
А если нет, поймёшь потом.

ОЛЕ
(В юбилей)

Две пятёрки поставив рядом —
Словно два барабана бьют.
Один — то, что было началом,
Другой — впереди уют.

Жизнь свою ты окинешь взглядом,
В ней найдёшь тьму счастливых минут,
Огорченья — забытым складом —
Пусть ржавеют и там сгниют.

Впереди — чтобы только радость,
Будь любима всеми всегда,
Ты сама излучаешь сладость,
Ненаглядная дочь моя.

Светлый ум и талант общенья
Дал Господь тебе, мой свет,
Доброту и дар обольщенья,
И на всё готовый ответ.

Две пятёрки поставив рядом,
Если просто умножить их,
Возраст твой читается взглядом,
А душа сочиняет стих.

АРТЁМУ КИРАКОСОВУ

Артём, как Арарат, велик —
Художник, эссеист, поэт.
И в нём Господь явил свой лик,
Когда явил его на свет.

Искристый, непокорный нрав,
Но добротой полна душа.
И был бы я сто крат не прав,
Коль не сказал: «Как хороша!»

Вокруг тебя одни друзья,
Магнитом тянутся на свет
Твоих картин. Сказать нельзя,
Что сразу в них найдёшь ответ.

Но если в них взглядишься — в глубь,
То засияет Божий Свет,
Голгофа, Воскресенье, Путь
И Богом данный нам Завет.

Скажи, откуда мастерство?
Конечно, скажешь ты: «От Бога».
Но человечье естество —
Большая, трудная дорога.

Господь свободу людям дал,
Свою любовь и Царство Бога
А что уж человек избрал —
Талант? Иль в никуда дорогу?

Артюша, милый мой творец,
Твои творенья вдохновенны,
В искусстве вреден образец,
Ты уникален — несомненно.

II

Стихи слагаются поэтом,
Мой слабый дар — лишь рифмовать.
Но в юбилейный праздник этот
Мне невозможно промолчать.

Велик Артём, как холст станковый,
Вознёсся он на пьедестал.
Окутан славой, как вуалью,
Прекрасным образом предстал.

Скалой он высится над нами,
Встречает юбилей вдвойне:
Уж двадцать пять — с своей усладой
И пятьдесят — сам по себе.

А сколько лет творит искусство?
Нам не удастся подсчитать.
Взглянув назад, не надо грусти,
Что пятьдесят — не двадцать пять.

Как щедро делишься собою,
Искусством даришь Божий Свет.
В картинах, музыкой застывших,
Кто ищет, тот найдёт ответ.

И, мудрым взглядом оглядевши
Всех, кто пришёл на юбилей,
Ты скажешь, как бы вдруг прозревши:
«Как много у меня друзей!»

АЛЕКСАНДРУ БЕЛИНСКОМУ

Один Белинский критик был,
Другой алтарником служил.
Хотя и был большой профессор,
С простым народом он дружил.

Псалмы читая наизусть,
Он был почти как Златоуст.
И, несмотря на сан научный,
Светился как терновый куст.

Не чужд ему и форт-рояль,
Досуг он праздный презирал.
Когда от службы было время,
Нам на рояле он играл.

Науку с верой сочетать?
Не всякому дано понять.
К тому же музыку прибавить,
Вот наш Белинский — во всю статью.

Прими кургузый этот стих
И не сердись, что слишком лих.
Люблю тебя я, друг сердечный,
Стою я в храме, мал и тих...

ИРИНЕ БОГОМОЛОВОЙ

I

Всегда скромна,
Изящна и красива,
Стоит на возвышении она.
Как гранд испанский, всегда она учтива,
Хлопот хозяйственных полна.

Немыслим храм
Без Ирочкиных будней,
Хлопот о клире, тут и там,
Порою незаметных, часто трудных,
Но так необходимых нам.

Улыбка, взгляд —
Всё добротою дышит.
И, несмотря на твой простой наряд,
Господь, поверь, всегда тебя услышит,
Пришлёт на помощь ангелов отряд.

Поверь, мой друг,
Всё сложится счастливо,
И будет прочен твой семейный круг,
И будет жизнь идти неторопливо
В кругу друзей, в кругу твоих подруг.

А ты легко, изящно и красиво,
Когда по храму движешься, танцуешь.
Отбрось заботы жизни суетливой,
Прими от нас сердечный поцелуй.

II

(Благовещение)

Вплетя букет цветов в гирлянду,
Бессонной ночью потрудясь,
Взглянула ты на плод старанья,
В молитве к Богу растворясь.

И мы, простые прихожане,
Придя на праздник в храм святой,
На образ смотрим с обожаньем,
Украшенный твоей рукой.

Я и не знал — ты мастерица
Не только в танце, но в цветах.
Цветов головки, словно лица,
Живут в иконных небесах.

Живи и ты, и будь послушна
Живому голосу души.
И будь беспечна, простодушна.
И огорчаться не спеши...

III

Твой возраст — сердцевина лета,
Когда созрели Господа плоды.
И в храме ты и то, и это,
Незаменимы все твои труды.

И с высоты небесного Чертога
Господь умильно смотрит на тебя.
Плоды твои во славу Бога,
Но всё же береги себя.

В Испании была б ты католичка,
В России — православной родилась.
Обрядности столетние привычки,
У Господа едина ипостась.

Господь не обделил талантом.
Балет и храм, и красота цветов,
Когда их украшаешь бантом,
Мне не хватает слов.

В свой юбилей забудь сомненья,
Господь всё видит и тебя поймёт.
Быть с Господом — такой наслажденье!
Всё перемелется, и вся тоска пройдёт.

Будь счастлива, да сбудутся желанья,
Ведь впереди так много, много лет.
Быть с Богом — вот твоё призванье,
Трудиться для людей — вот Господа завет.

IV

Её благосклонность —
Большая награда,
Ложная скромность —
Большая преграда.

Дорогу как к сердцу найти?
Её устремлённость —
Для храма отрада.
Душевная тонкость
Не знает ограды.
Мне как бы не сбиться с пути.

Наградил же Господь
Тебя мыслимыми всеми дарами.
Родила же тебя плоть,
Знать, обласкана ты и волхвами.
Ведь во хлеве родился Господь.

Родился Бог-Христос
Всё, что в мире, спасти и утешить.
И в венце не из роз
Пострадал он за нас, многогрешных.
Молюсь я Тебе, мой Господь!

Приходит час побыть с собою,
«Томленье духа», я б сказал.
Пройдёт и это чередою,
Господь уж ангела послал.

Отбрось печали и сомненья,
Вернись в объятия друзей.
Ведь понапрасну огорченья
Лишь ранят сердце всё больней.

Нам не пристало всеу злиться,
Пристало нам прощать друзей.
В любви и дружбе всем делиться
До окончанья наших дней.

Сестра — служительница храма.
Храм без тебя — тебя лишён.
И нет цветов — пустая рама
Как украшение икон...

Что мне сказать тебе, сестрица?
Чем разогнать твою печаль?
Ты — на все руки мастерица.
Не уходи от дружбы вдаль.

VI

Всегда я рад тебя поздравить
И в будни, и в воскресный день
И настроение поправить,
Когда в глазах печали тень.

Всегда я рад тебя поздравить.
И в каждый именины день.
Не может мой язык лукавить,
Когда я славлю этот день.

Ты озаряешь нас улыбкой,
Когда заходим в Божий храм,
Ведь в жизни нашей, грешной, зыбкой
Так мало светлых, добрых дам.

Твоя улыбка словно ласка,
Ласкает взор, смиряет дух.
А для меня ты — словно сказка,
Волшебная, ласкает слух.

Заняты спортом и балетом
Лишь украшают Божий дар.
Будь весела зимой и летом,
Весной и осенью, всегда.

Я умиляюсь, как заботой
Ты окормляешь детский двор.
А батюшку — с такой охотой,
Нам, прихожанам, лишь в укор.

Живи спокойно и смиренно,
Храни наш светлый Божий дом.
И я, как друг твой неизменный
Желаю счастья во всём.

VII

Всё успевает, за всем наблюдает,
Лебедью белой по храму плывёт.
Кто же Ириночку в храме не знает,
Хозяйкой цветочных букетов слывет.

Сама, как букет всевозможных достоинств,
Друзей одаряет заботой своей.
В себе сочетает и мягкость и строгость
Сама, как источник, приникни и пей.

Будь радостна, Ирочка, Божией лаской,
Заботы, тревоги минуют тебя.
Что мне ещё пожелать, дорогая?
Всё, что захочешь, скажу я любя.

VIII

Ирина, милая сестра,
Как много у тебя достоинств.
Полна природы естества,
Перечислять — большая повесть.

Как ангел Божий ты стоишь
И раздаёшь конфеты детям.
Пусть будет радостен малыш —
Как будто в храм пришёл за этим.

Ирина, милая сестра,
Цветами лики украшаешь.
Всё это, видно, неспроста.
Господь даёт — ты это знаешь.

Опять настало Рождество.
Христа рожденье для нас радость.
И как берёзы нежный ствол
Нам сок даёт.
Какая сладость!

IX

Стихи писать я не умею,
Но для тебя сложил я стих.
И всё, что выразить сумею,
Поймёшь, коль прочитаешь их.

И грусть твоя меня заботит,
Улыбка красит всё вокруг.
В глазах усталость — душу гнобит.
Не поддавайся, милый друг.

Твоим стараньем храм украшен,
Забодишься о том, о сём.
Голубка, труд твой очень важен,
Ты сердцевинкой служишь в нём.

В дни скорби о распятом Боге
В конце туннеля виден свет.
Мы знаем, впереди дорога,
что к Воскресению ведет.

И ты, сестричка, будь послушна,
Отбрось заботы и печаль.
Мы все к тебе равнодушны,
А что прошло, уже не жаль.

КИРИЛЛУ РАЕВСКОМУ

Кто может говорить с природой,
Понять журчание ручья?
Лишь тот, кто с ней одной породы,
Кто понял замысел Творца.

Кирилл — не Бог, но близок к Богу.
Он слышит птичьи голоса,
Травинок слушает тревогу
И приближает небеса.

Какая высь в небесной сини!
Плывут по небу облака...
А по земле бежит тропинка,
Устало движется река.

Так тонко понимать природу,
Трудясь за письменным столом,
Даётся милость только Богом
Тому, кто шёл Его путём.

Твой взор проник в святая сути,
Он видит трепетность зари.

Ночные отступают жути,
Ведь перед нами Божий мир.

Твой стих — как музыка Шопена,
Трепещет обнажённый нерв.
Не терпит никакой измены,
Строка — как Библии завет.

Влюблён ты в каждую травинку,
Цветок и птичку, в небосвод.
Слагай стихи, как невидимка,
Господь поправит перевод.

Владимиру Илюшенко

Смех бывает добрый или злой,
лирический либо саркастический.
Смех бывает музыке подобен,
добрый и лирический Господу угоден.
Твой, конечно, добрый и лирический.
Но, когда ведущий ты — в память о святых,
нас безвременно покинувших трагически,
застывает смех в устах твоих,
голос твой становится эпическим,
теплотой и нежностью пронизан.
Слово злое убивает наповал,
слово доброе баюкает и лечит.
Слово доброе о наших двух святых
память их возносит и величит.
Ты сидишь на сцене в стороне,
скромный, тихий, как бы отрешённый.
Но подобен ты натянутой струне
Инструмента Бога совершенной.
Праведники наши теперь с Богом,
были с нами только краткий миг.
Смотрят с упоением в Божий лик,
вечна жизнь в божественном чертоге.
И проходят люди чередой,
поднимаются на сцену друг за другом,
каждый вспоминает
встречи с другом и отцом.
Ты сидишь, задумчивый такой...

ВЛАДИМИРУ ЕРОХИНУ

I

Какое множество талантов
Господь Володе подарил!
Звучала музыка атлантов,
Когда его Бог сотворил.

Напоен воздух звуком скрипки,
А саксофон рыдает в ритм.
И обаяние улыбки
Нас покоряет каждый миг.

Одной рукой по струнам водит,
Другою жмёт на саксофон.
Володя, милый! Джаз выходит,
Какой бы ты ни выбрал тон.

С руками голос твой не связан
Как скрипка или саксофон.
Поёшь ли джаз иль в церкви складно,
Прекрасен сочный баритон.

Пробежка босиком по снегу,
Скорей к компьютеру за пульт.
Долой расхлябанность и негу!
Издательство — ведь это культ.

Мне не понять, где твоё хобби —
Во всём ты профессионал.
Искрят талантами не боги,
А те, кому их Бог послал.

Но главный твой талант, Володя, —
Безмерная любовь к друзьям
И бесконечное терпенье,
Что очень не хватает нам.

Будь счастлив, милый мой издатель,
Господь так милостив к тебе.
Хоть стих тебе сложил я к дате,
Но не могу держать в себе.

II

Володю нежно уважая,
Я выпил чуточку вина.
То был сентябрь, не краски мая,
Но в этом не моя вина.

Большим поэтам подражая,
Скажу тебе, мой друг, любя:
Не жди большого урожая,
Не забывай при всём себя.

Люби свой дом, свою подругу.
И, всех и всё всегда любя,
Не уставай любить и друга,
Не забывай при том себя.

В молениях в храме распевая
И джаз играя для себя,
Хоть всё издать не успевая...
Храни Господь во всём тебя!

АННЕ ДУБИНСКОЙ

I

Мы поминаем наших близких
С какой-то радостной тоской.
И поминальные записки
Пусть не тревожат их покой.

Словами в горе не утешить.
Но рядом быть, как верный друг,
И лишь надежду надо тешить.
Что боль пройдёт когда-нибудь.

Плечо подставить и заботы
Делить с любовью пополам.
И строить, словно пчёлки, соты,
Все отношения и нам.

Всегда быть рядом, Бог поможет.
В молитве, в храме Он с тобой.
И если мука сердце гложет,
Господь утешит, даст покой.

II

Кто я такой, чтобы давать советы?
Но я всегда готов грустить с тобой,
Плечо подставить, сделать то иль это,
И радости делить, нам данные судьбой.

Кто я такой, чтоб быть авторитетом?
Не потому ль, что я мудрец седой?

Нам всем нужны разумные ответы.
И жизнь проходит праздно серой чередой.

Родители приходят и уходят...
Как мы уйдём, когда настанет срок.
И радостно, когда нас вдруг находят,
Печально же, когда всё это нам не впрок.

Живи и не печалься понапрасну.
Дни безвозвратно уходят чередой.
Живи сегодня — с Богом жизнь прекрасна.
А уж друзья помогут справиться с бедой.

АЛЕКСАНДРУ ЗОРИНУ
(Панегирик)

I

Саша Зорин как поэт
Состоялся, спору нет.
Состоялся как писатель,
Жизни нашей наблюдатель.
Счастлив, кто его издатель.

Даром Божьим наделён,
Обаятелен, умён.
В доброте он бесконечен,
Всеми лаврами увенчан.
В христианской жизни вечен.

Саша Зорин как эстет
Необычен, спору нет.
Всего пошлого страдатель,
Божьих искр он собиратель.
Благослови его Создатель!

Верный ученик Христа
Нам явился неспроста.
Саша Зорин в нашем храме
Как божественное знамя.
Наша гордость Саша — с нами.

II

Саша Зорин, как заря,
Озаряет нас не зря,
Мудрой скромностью украшен
На молитве в храме нашем.

Саша Зорин, наш поэт,
Божьей искрою согрет.
Мудрых книг он сочинитель
И с неправдою воитель.

От крестин до похорон
Жизнью нашей умудрён,
Он с любовью безмерной
Рассыпает всюду перлы.

А порой на сцене он,
Светлым духом озарён,
Нам читает вдохновенно
Письма верных откровенно.

Саша Зорин – образец,
Книги Мудрости певец.
Об Отцах не забывает
И всегда их прославляет.

Саша Зорин, друг ты мой,
Нам любезен голос твой.
Никогда не умолкает
И друзей не забывает.

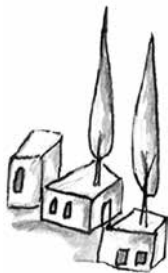
ЕЛЕНЕ ПАСТЕРНАК

Мечта о прекрасной Елене
Осталась легендой в веках.
Как память иных поколений —
Прекрасное имя в устах.

Украла жену у владыки.
Он был от неё без ума.
Она же влюбилась от скуки,
В повесу влюбилась она.

Увёз он красавицу в Трою,
Владыка же с войском за ним.
Сражаться придётся герою,
Развеялось счастье, как дым.

И вечный, как мир, треугольник,
Как Троица вечна одна.
Твержу я то имя, как школьник,
Е-л-е-н-а, ты радость моя...

ОЛЕГУ СТЕПУРКО

Трубач в трубу трубит отменно,
Заводит неизменный джаз.
В трубу трубит он вдохновенно,
Словно трубит в последний раз.

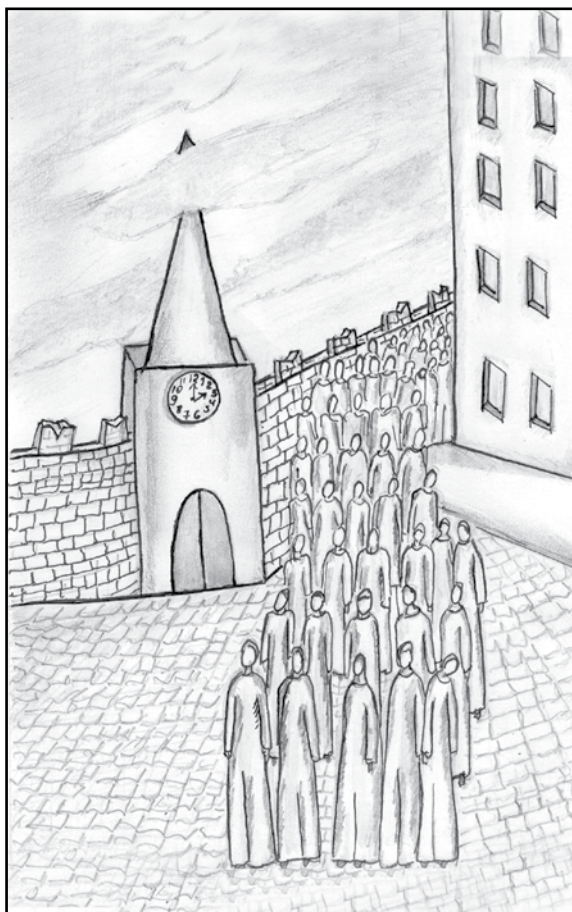
Труба поёт, ликует, плачет,
Горюет, радуется джаз.
Трубач в мундштук усталость прячет.
Народ с него не сводит глаз.

Где взять раздолье и приволье?
Земное зло сжимает грудь.
Трубач в трубу вздохнул невольно,
А джаз ответил: позабудь...

Трубач в трубу трубит, как может,
И вторит джаз ему в ответ.
Что трубача теперь тревожит,
Какой он возгласит сюжет?

Труба рыдает и смеётся,
Трубач же Богу шлёт привет,
И трубачу Бог улыбнётся
И охранит от всяких бед.

К России

«МЫ ЖИВЁМ, ЗАКРЫВАЯ ГЛАЗА...»

Волны бьются о берег канала,
Разрушая преграды людские.
Начинать всё придётся сначала,
Потому что мы не такие.

Мы построили крепость из глины
На костях, черепках и могилах.
Мы не знаем ни в чём середины,
До конца не разрушить не в силах.

Созидать нам придётся не скоро,
Так устроены души людские,
Если выпустить нас на просторы,
Век пройдёт, пока станем другие.

Мы живём, закрывая глаза,
Не отплакали слёзы людские.
И на очи, давно уж сухие,
Набежит ли, как искра, слеза?

К России

Пьяный дом, и мотаются стены,
Пьяный мат и бесстыдство кругом,
Так живём и не ждём перемены,
Родились и умрём со стыдом.

Божий дом нам присниться не может,
Так погрязли в пороках и лжи.
Зависть к ближнему подлая гложет,
Мы не знаем, как жить не по лжи.

Наш народ отлучён и унижен,
Божий дар он утратил давно.
Но зачем-то кому-то он нужен.
Значит, быть тому суждено:

Наш народ, оглянися во гневе,
Пробудиться давно уж пора,
И понять: наша жизнь не во хлеве,
Где навозная «куча мала».

Наш народ, я надеюсь и верю,
Отряхнётся от вечных оков,
Не поклонится адскому зверю
И услышит Божественный зов.

И очистит себя он от скверны
И полюбит других, как себя,
Перестанет искать он неверных.
Мир один, надо жить в нём, любя.

ПРАВИТЕЛИ

Эти нелюди, что нами правили,
Столько людям наделали зла, —
Полнарода в тюрьги отправили —
Что полмира покрыла мгла.

Эти нелюди людям оставили
Только горе, разруху дотла,
Доносить друг на друга заставили,
Чтобы в душах злоба цвела.

Забрели мы в потёмки истории,
Дети грустной огромной земли.
Всюду тьма, лихоимство и горе.
Как до жизни такой мы дошли?

Сотни лет нам не хватит исправиться,
Чтоб вернуть благородство души,
Остаётся лишь только покаяться.
Сделать это никто не спешит...

* * *

Влюблён с рождения в стихи я,
В размер и ритм
Прекрасных фраз.
 Бывают строчки и плохие,
 Но облакаю
 В них рассказ.

Саморождённая стихия
Добра и Зла
Встречает нас.
 Самовлюблённая Россия
 Отца и мать
 Продаст за квас.

И ожидает, что Мессия
Придёт опять
В желанный час.
 И без трудов и без усилий
 Мы благодать
 Получим враз.

Хоть опыт жизни и всемогущ,
Но, как всегда,
Нам не указ.
 И реки полны изобилий
 Мы без труда
 Хотим тотчас.

Я родился...

Я родился в стране запретов,
Как все, в очереди на свет.
Я родился в стране Советов,
Где главным словом было Нет.

Смутное было это время,
В это время в стране был НЭП.
Власти думали, это стремя
Поможет сделать скачок наверх.

Посадили Их, сели Сами,
Посадили всех, говоривших Нет.
НЭП закрыли, сами с Усами,
В лагерях и колхозах ответ.

Что мы выжили, это чудо.
Знать, Господь заключил Завет.
Голод, холод, разруха всюду.
Видно, с небес посылал Привет.

* * *

О, царедворцы, льстивые и лживые,
Кого вы судите несправедным судом?
Зачем позорите Россию, вам немилую,
И воду носите дырявым решетом?

Ваши слова, что гниль на плесени,
Не поддаются переводу на язык.
Каким же ветром к нам занесены?
Народ российский, ты ко всему привык.

И новояза эвфемизмы сыпятся,
Захват чужого называют «маски-шоу».
Слова лукавые и днём и ночью слышатся,
А ваши «подвиги» лишь только сухостой.

Вы клеите нелепицу с нелепицей,
Их отодрать потом не смогут целый век.
Несёте нам сплошную окоlesiцу
И поклоняетесь тому, кто выдаст чек.

Несправедным богам вы все молитесь,
И вам Маммона заменяет всё и всех,
На мерседесах, как чумные, носитесь.
О Господи! Наставь и отпусти им грех.

* * *

Страна с перекосом,
Страна большевизма.
Стоим мы утёсом,
А жизни не видно.

Строим мы храмы,
Души там лечим.
Не строим тюрьмы
И души калечим.

Всё разрушаем
До основанья.
Если же строим,
То с опозданием.

Быстро построить
Не удаётся.
Даже ребёнок
Над нами смеётся.

Всем мы не стали,
И долго не будем,
Пока большевизм
Навсегда не забудем.

НА СМЕРТЬ ЖУРНАЛИСТА

Анне Политковской

«Что в имени твоём...» —
Сказал поэт великий.
Убита благодать
Толпою многоликой.

Начало всех начал —
Сначала было Слово,
И словом журналист
Провозглашал основы.

Ату её, ату! —
Травила волчья свора.
Но совесть на посту
Не знает уговора.

Вновь выглянул оскал
Нечеловечьей стаи,
Растерзан журналист...
И вновь глумится дьявол.

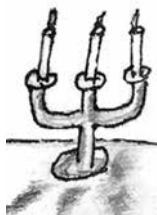
И миром правит злость.
Убита Божья милость,
Но в имени одном
Кровавое случилось.

Защитница людей,
Как Александр, Аня
Вся до последних дней
Горела, словно пламя.

Но мы остались,
Трепещи, злодей!
Поднимем Правды знамя,
И Бог накажет нелюдей.

Их участь ждёт
Содома и Гоморры.
За всё расплаты час придёт.
Мы головы поднимем в горе.

И будем радостны в беде,
Сомкнём ряды —
И грозным строем пойдём вперёд.
Ведь с нами Бог.
Храни нас всех Господь!

МЫ ПРОСНУЛИСЬ

Мы проснулись, отрешились
От иллюзий рукотворных
И у бездны очутились,
Что разверзлась перед нами.

Пробудились, содрогнулись
От страданий непритворных.
Столько лет привычно гнулись
Перед ложными богами.

Распрямились, устремились
От «богов» освободиться,
Чтоб Единому молиться
Непривычными устами.

Обратились, возвратились
К вере предков непокорных.
Позабыли, как трудились
С неоплатными долгами.

Разогнулись, увидали
Частоколы истин спорных.
Что наделали? Смутились.
Лишь разводим мы руками...

* * *

Страшен миф как образ жизни.
Всех страшнее миф державный,
Миф порочный и неправый,
Где тюрьму зовут отчизной.

Страшен мир, где право сильных.
Но страшнее мир кровавый,
Мир порочный и неправый,
Где господствует насильник.

Страшен пир как образ жизни.
Но страшнее пир безбожный,
Посреди кумиров ложных,
Тех, кому не важен ближний.

Не приемлю образ жизни
На потребу сил державных,
Алчных, властных и неправых,
Для кого страна — как тризна.

Ведь, как в книге Оруэлла,
Превращает мир безнравный
В беспросветных и несмелых
Нас — спасённых, богоравных.

РУКОРУБЫ

Скорбный вид обрубленных деревьев,
Словно инвалиды на войне
Потеряли руки после битвы
И гниют на матушке-земле —

На земле, которая родила
И дарила ласку и тепло,
А теперь сырая им могила,
Рукорубов время подошло.

По весне цветочки не зацветят,
Не покроются убором лиственным,
Птичек рой покоем не приветит,
Оголённый ствол потерянный стоит.

Вспоминает шелестенье кроны,
Путника усталого покой.
Попраны природные законы,
Вместо жизни голый сухостой.

И зияют раны оголённо,
Кровью плачет оголённый ствол
И, страдая от тоски безмерной,
Обращает к Богу скорбный стон.

Господи, всесильный и могучий,
Помоги безумных вразумить.
Может быть, прозренье их научит
Жизнь других лелеять и ценить.

* * *

Слепой не видит, глухой не слышит,
Как всё вокруг живёт и дышит,
Как всё стремится опять к началу,
Как корабли спешат к причалу.

Мы не слепые, мы не глухие,
Есть среди нас не очень плохие.
Но наступаем на прежние грабли,
Но обнажаем по-прежнему сабли.

Опыт не учит, жизнь не научит
Делать для пользы, а не на случай.
Не для идеи, не для начальства —
Больше добра, меньше нахальства.

НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ...

На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Раскаты грома слышатся вдали.
То танки русские границу перешли,
Уничтожая по дороге всё дотла.

Грузин бежит от русского медведя.
Он машет лапами, беснуясь как всегда,
Трясёт башкой, вокруг себя не видя,
От сёл сгоревших не осталось и следа.

А осетин ликует и гогочет,
Дома грузин сжигает он дотла.
Как будто независимости хочет,
А получил лишь только кучу зла.

Уж не шумит Арагви подо мною,
В садах грузин цветёт лишь сухостой.
И потеряв и землю, и покой,
Свою судьбу и дом он вверил Богу.

Объята Грузия печалью и заботой,
В развалинах лежит цветущий край.
Сосед раздавлен русской пехотой.
А в результате — там и здесь раздрай.

Остановитесь, милые соседи,
И соберитесь вместе в общий круг,
Ведь люди вы, не злобные медведи,
Господь поможет выбрать верный путь.

Конечно, если только Он захочет
Мирскую пакость резко изменить,
Мозги вождей надёжно пропесочить,
Чтоб научились и других любить.

* * *

Скажу тебе, друг сердечный,
Прожил я жизнь беспечно.
К Богу не знал дорогу
И ощущал тревогу.

Не значит, что было гладко,
Многое было гадко.
Трудное было детство,
Малые были средства.

Война погубила много,
Люди забыли Бога,
Жили под гнётом власти.
Только одни напасти...

Не сразу сменились власти.
Думали, это к счастью.
Но не сбылись надежды,
Гнобят народ, как прежде.

Нам надо молиться Богу
И попросить немного.
Власти бы мудрость дал Он.
Где же ты, Соломон?

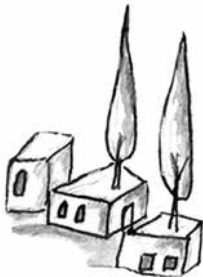
ЖАРА

Душа болит печалью лета,
Когда окутал землю зной,
И отблески пожаров где-то
Палёной обернулись мглой.

Дышать так трудно, невозможно,
Носы укутаны в платок,
На сердце тяжело и тревожно,
С надеждой смотрим на Восток.

Когда как Путь, как избавленье,
Звезда Вифлеема к нам придёт,
Не царство Ксеркса, но стремленье,
Что Царство Божие грядёт.

И ждём, надеемся на Бога,
Не прикладая к делу рук.
Не к царству Бога нам дорога,
А в сатанинский адский круг.

МЫ НЕ БАНДЕРЛОГИ

Живёт в душе Твой Дух Святой,
Который послан нам на радость.
И Сын небесный и простой
Явил в миру нам Божью сладость.

Но мы живём как дикари,
Небесной радости не чуя.
Господь для нас всё сотворил
Любя, милюя и целуя.

Премудрость Божья нам не впрок,
Свободу не пришлют на блюде.
Нам нужно выучить урок —
Не бандерлоги мы, а люди.

Молиться радостно Христу
И исполнять заветы Бога,
Вернуться надо к естеству.
Но как трудна к нему дорога...

НЕСВОБОДА

Нас поманили запахом свободы,
Но что с ней делать, не сказал никто.
Преступно нарушать закон природы.
Ведь зоопарк, как признак несвободы,
На волю выпущенный,
всё превратит в ничто.

Олень не может ягель рыть под снегом,
А тигр утратил остроту зубов,
Волк перестал своим гордиться бегом,
Жирафу негде проявить свою любовь.

Так человек, утративший свободу,
Проживший век в неволе словно скот,
Не может выжить в бурю, в непогоду,
Как человек, не знающий,
где скрыться от невзгод.

СТРАНА

Мы живём в стране откатов,
В стране распилов и воровства.
В стране без права, где откаты
Вошли в привычку естества.

Мы привыкли, что нас гнобят.
Пространство зачищено под каток.
Нам оставлено, что нас гробит:
Водка, курево и маток.

Страна движется к закату,
А начальству на всё наплевать.
Лишь бы карманы набить богато.
Нас не видит новая знать.

Наша жизнь бесчеловечна.
Придёт расплата за всё и всех,
Страх не может длиться вечно,
Когда же мы отмолим грех?

Страх сидит как зверь в берлоге,
Пронизал всё наше существо.
Мы же люди не бандерлоги,
Господь не любит баловство.

Я видел, как храмы взрывали,
И как взрывали монастыри.
Я слышал, что людей пытали,
И к стенке ставили — раз, два, три...

Я видел, как людей сдавали,
И как соседей уволокли.
Не видел, как донос писали
Те, кого пыткой сломить смогли.

Людей, как скот, перевозили,
В стужу выбрасывали в тайгу.
Как звери, в лесу они жили,
Трупы закапывали в снегу.

И когда закончился этот ужас,
Другие люди власть обрели,
Сорок лет продолжалась стужа,
Пока и этих от власти «ушли».

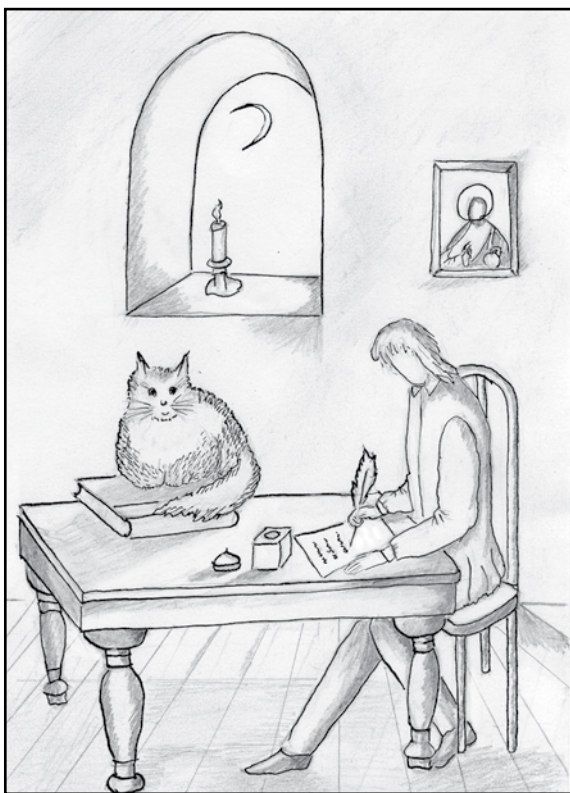
Годы прошли, явились другие
И захотели править вечно,
Забыв, что времена иные
И править вечно бесчеловечно.

Несогласные убежали,
А кто не успел, того — в тюрьму.
Яхты, замки подорожали
У тех, кто затеял кутерьму.

Два народа остались в граде:
Один в палатах, другой — в хлеву.
Один всё делает денег ради,
Другой страдает в отхожем рву.

Всё закончится страшным крахом,
Когда, кто в хлеве, начнёт стрелять,
Не дай нам Бог, чтоб покрылись прахом
Все те, кто не успели убежать.

Проба пера

РОМАНС
(Проба пера)

Наш уголок я уберу цветами,
В наш уголок я позову весну,
Наш уголок всегда заполнен снами,
Я в нём тебе скажу, что я влюблён в мечту.

Зачем слова? Ты чувствуешь душою.
Не надо слов. Я знаю, всё прошло.
Зачем слова? Я сердце приоткрою.
Я всё тебе скажу. Что было, то ушло.

Забыто всё, цветы и сновиденья.
Осенним днём грустим мы о былом.
Забыто всё, мечты и те мгновенья.
Тебе я так скажу: то было дивным сном.

* * *

Я выстроил империю в стихах.
В ней попытался жизнь свою украсить.
Я не святой, парящий в небесах
И раздающий милость тем, кто просит.

Я и не царь, и не герой, подавно.
Империя моя — бумажный лист.
В тех строчках жизнь, прожитая не плавно.
Но и в делах, и в помыслах я чист.

* * *

На минуту закройте глаза
И представьте, что я знаменитый,
И что льются стихи, как слеза,
И поэт я не Богом забытый.

Что лиричен и нежен мой стих,
О любви и друзьях если сложен,
Но бывает порою он лих
И поэта намного моложе.

И щемят, и тревожат слова,
И печалится глупая строчка.
В ней и рифма совсем не нова,
И стихи на каких-то листочках.

Но слова, что я людям дарил,
Разбрелись по семейным альбомам,
А стихи, что я прочно забыл,
Вновь кочуют по светским салонам.

Вы представьте, мой стих покорил
И пространство, и время, и страны,
Жизнь немногих друзей озарил,
Хоть поэт я печальный и странный.

Ну и пусть! Если даже и так:
Да, поэт я немножечко странный.
Для друзей я, наверно, чудак,
Для других же и вовсе туманный...

* * *

Вырастают строчки из сердца,
Когда оно говорит,
Открывается как бы дверца,
И слово в мир полетит.

Когда замолкает сердце
И жалостью защемит,
Прерывается наше скерцо,
И муза моя молчит.

Чего же ты хочешь, сердце?
Говорить или стучать?
Хотелось бы с единоверцем
От радости помолчать.

Но тяжесть сжимает сердце,
Как Каинова печать.
Жжёт она хуже перца
И заставляет молчать.

ПАМЯТЬ

Если у памяти возраста нет,
Сердце полно любви,
Значит, ещё не утрачен Свет,
Сделавший нас людьми.

Если единственный этот день
Всех собирает незванно,
Значит ещё не загнан Олень
Памяти и Желанья.

Если утраченный образ живёт
Вечно в душе твоей,
Значит ещё не окутал лёд
Сердца большинства людей.

Всё в этом мире имеет конец,
Всё исчезает и длится.
Время придёт и скажет Ловец:
«Пора перестать суетиться».

Вечная память живущему в нас,
Вечный покой и услада.
Если у Света огонь не погас,
Высшая будет награда.

СТИХИ

Стихи – не песни,
Их петь не надо.
Запомнишь если,
Творцу награда.

Коль позабудешь,
Беды не будет,
Коль не полюбишь,
Нас не забудет.

Зачем жалеешь
О том, что было?
Зачем вздыхаешь?
Что нам не мило?

Поют другие
Песни в народе,
Стихи иные
Теперь уж в моде.

Теперь уж в моде
Поп-арт и джинсы.
Кайфуют, вроде,
Сидят, как сфинксы.

Стихи – не песни,
Их петь не надо.
Поверь, ровесник,
Лишь жизнь – награда.

ЭЛЕГИЯ

«Влюблённый антропос», —
Сказала она шутя.
А у меня вопрос —
Сказала ль она любя?

Любит иль только дразнит,
Какая моя судьба?
Будет ли это праздник
Или с мечтой борьба?

Лишь бы была здорова,
Радостна и нежна,
И не была сурова,
Зная, как мне нужна.

Непостижимый Боже!..
Послал мне на склоне лет
Женщину всех пригоже,
Улыбку которая — свет!

И что бы ни случилось,
Радость или беда,
Ни о чём не кручинься
Рядом буду всегда.

Детям

Отцы и дети — тема вечна,
Проблема общечеловечна.
Любовь и дружба поколений
Не избавляет от волнений.

Особенно, когда взрослеют,
Им кажется, они умнеют.
Житейский опыт лишь стесняет
И жить, как хочется, мешает.

И рвутся узы поколений
От непродуманных решений.
Отцы страдают в стороне,
А дети — сами по себе.

Помочь? Но как? Они взрослеют.
Им кажется — они умнеют.
Всё дальше уходят дорогой лет.
А мы с любовью глядим им вслед.

P. S. «Без нас им трудно,
с нами нелегко!»

ХОЛОДНЫЙ ВЕЧЕР

Холодный вечер.
В мире и в сердце зима.
Снег лёг на плечи.
Нас она предала.
 Точно так же шёл он,
 Когда мы встречались.
 Что горе, что счастье,
 Ему всё равно.
 Белый снег идёт опять.
 И не хочет он понять,
 Что тоскует по тебе
 Неизменно и вечно.

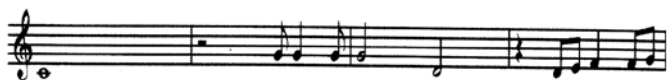
И снова вечер.
Тебя я жду, как всегда.
Цветами встречу.
Не придёшь никогда.
 Моё сердце грустит
 О счастье недавнем.
 Дорогая, прости,
 Что я незванный.
 Белый снег идёт опять...

И снова вечер,
Крутится снег надо мной.
Мудрый и вечный,
Он не добрый, не злой.
 Просто он напомнил
 О счастье недавнем,
 Пришёл, как всегда, он,
 А ты не придёшь...
 Белый снег идёт опять....

Am E

Am G

C A

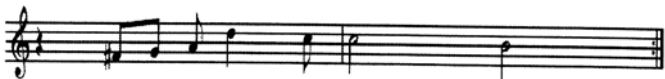
Dm Am

E Am A

Dm B

* * *

В квартире один.
Тишина.
Нет, не один, а с кошкой.
Тихо крадётся.
Смотрит в глаза.
Словно спрашивает: «Можно?»
Скок.
Уже у меня на коленях.
Мурлыкает. Лапками топчет.
Выражает нежность.
Кошка.
Выразить нежность хочет?
А может быть, кушать хочет?

* * *

Трепет ручья услышал,
В зеркало заглянул.
О Боже, он ведь дышит!
Я под журчанье уснул...

* * *

Вспоминаю счастливые дни —
Где они?
Промелькнули, погасли огни —
Где они?
Счастье есть или нет —
Не вспугни.
Ты придёшь и уйдёшь —
Догони.
Чередюю прошли наши дни —
Где они?
Разноцветьем сияли огни —
Где они?
Встречи есть или нет —
Не вспугни.
Жизнь пришла и ушла —
Догони.
Вспоминаю счастливые дни...
Где они?

ВОЙНА

Две семёрки поставив рядом,
Вспомню жизни своей рассвет,
Возвращаюсь к нему, шаг за шагом,
И мне только семнадцать лет.

Год тысяча девятьсот сорок третий,
Рядом папы и мамы нет.
«Ветер, ветер на всём белом свете»...
Почти сирота с пятнадцатью лет.

Папу отправили в неизвестность,
Мама — на фронте с начала беды.
Мне оставили только честность,
Но не заменит она еды.

АКТЁРЫ

Краски поблекли у Арлекина,
Что на витрине у магазина.
Солнце палило неумолимо,
У Арлекина жизнь прошла мимо.

Мы все — актёры на жизненной сцене
И декораций ждём перемены.
Любим, страдаем, готовим измены
И декораций ждём перемены.

Люди и куклы у магазина,
Люди, как куклы, у Господина.
Плачем, смеёмся, рисуем картины:
И буратины, и арлекины.

Наши седины неистребимы,
Но Коломбиной не разлюбимы.
И эта любовь дарит нам силы.
А жизнь прошла мимо,
Жизнь прошла мимо...

* * *

На заре туманной юности
На войне сложили головы
И не дожили до старости.
Ах, как тогда мы были молоды.

На заре туманной юности
При войне мы были голодны
И познали много горести.
Ах, как тогда нам было холодно.

На закате мудрой зрелости
Вновь склоняем наши головы,
В мирной жизни много подлости.
Ах, как тогда мечтали много мы.

Господом по своей милости
На исходе жизни, данной мне,
Наблюдаю много горести,
Оказались мы на самом дне.

На Тебя надеюсь, Господи,
На Твою любовь и милости.
Мою голову остуди
И прибавь хоть кроху жалости.

А в конце туманной старости
Ниспошли немного радости,
Чтобы не было усталости
Ни в молитве, и ни в благости.

СВИДАНИЕ

Обманутые ожидания,
Неразделённые страдания.
Где наше первое свидание,
Невоплощённая любовь?

Остались лишь воспоминания,
Неисполнимые желанья.
Где трепетные ожидания,
Чтоб взволновали душу вновь?

Внезапный миг очарования
Жизнь подарила на прощанье.
Я говорю Вам — «До свидания»,
Чтоб завтра Вам сказать — «Привет!»

* * *

Что будет с нами,
Нельзя угадать.
Сердце — не камень,
Ему и страдать,

Если разлука
Нас разлучит.
Память — не мука,
Но сердце стучит.

Жизнь так прекрасна,
Надобно жить.
Зачем напрасно
Страдать и любить?

СЕБЕ

Пролистал шестьдесят страниц
Богом отведённой книги жизни.
И намёком её границ
Никакой не укажет признак.

Ни один не ответит маг,
Сколько жить и не жить осталось.
Это знает зловещий враг —
Накопившаяся усталость.

Наступает грядущий день —
Принести должен только радость,
И отступят невзгоды в тень,
Неизбежная в жизни гадость.

Мы ещё, друг мой, поживём.
Бог услышит молитву нашу
И наполнит своим ковшом
Нектаром Божественным чашу.

РИФМУЮЩЕМУ

Не завидуй поэту, он выше тебя.
Он знает про это и всё про себя.
А ты на пороге у Господа просишь,
Чтоб рифму послал, и её ты уносишь...

Смотрю с удивленьем на строки свои —
Как плохо, коряво ложатся они.
На чистый бумажный листок их наносишь,
У Господа милости просишь и просишь...

Не в почерке дело, а в смысле стиха.
Чем мельче рыбёшка, тем лучше уха.
Господь посылает, а ты только варишь.
Глядишь — получилось. Себе ты не веришь.

Не гоняйся за славой, она подведёт
И в туманные дали тебя заведёт,
Где дорогу к Всевышнему быстро забудешь
И очнёшься внезапно. Кого ты осудишь?

Не суди понапрасну, себя осуди,
И пыл свой опасный чуть-чуть охлади.
Рассудит Господь, если только захочет,
А ты помолчи и молись — (многоточие)...

ИНЖЕНЕРУ

Когда инженер рифмовать начинает,
Сначала от ужаса он замирает.
Как это случилось, не понимает.

Конструктор рисует предметы чертёжно.
Законы проекции там непреложны,
Но линий сплетенье понять невозможно.

В мыслях проекты, расчёты и схемы,
Масштабы, размеры, посадки, замены.
Так, изо дня в день, он не ждёт перемены.

Вдруг — «щёлк», и внезапно откуда-то свыше
Посыпались рифмы — «поехала крыша».
Конструктор в смятении, едва-едва дышит.

Откуда подсказки всё время он слышит?
Не может понять, это сил его выше.
Рука инженера всё пишет и пишет...

Коряво выходит — он всё понимает.
Стихам не обучен, и это он знает,
Но кто-то его рифмовать заставляет.

Инженер ты рифмующий, мой дорогой,
Иди по дороге за рифмой любой,
Лишь пела б душа и Господь был с тобой.

Друзья

Мой век талантами велик
Друзей, каких мне Бог послал.
И будет мой рассказ про них,
О, если б Бог мне силы дал...

Господь друзьями наделил,
В далёкий путь меня отправил,
Когда на свет меня родил,
Он полюбить друзей наставил.

Одни ушли, другие где-то.
Но горстка преданных друзей,
Как свет, живёт в душе поэта
До окончанья жизни дней.

Своё я место в жизни знаю,
Во многом я не преуспел.
Одним талантом обладаю:
Любить друзей – вот мой удел.

И счастлив я, что принимают,
Какой я есть, меня друзья
И нежной дружбой отвечают.
Я рад, что Бог родил не зря.

Один поэт, другой художник,
А третий – музыкант, певец,
Четвёртый – ас-фотохудожник,
Иконок Божеских творец.

Неутомимый литератор,
Врач, логопед, лихой издатель,
И меломан, и реставратор,
Талантов многих обладатель.

Но первый среди них священник,
Духовно родственный во всём.
Нежно любимый исповедник.
Живой Христос пребудет в нём.

ПРЕМУДРОСТЬ

Премудрость Божия летала над землёй
И сотворила всё, что видим и не видим,
И свет свечи, что трепетный такой,
И что в природе движим и недвижим.

Адам и Ева потеряли Божий страх
И сотворили то, что им не полагалось,
Забыв, что человек есть только прах,
Лишь Богом оживлённый, — и попались.

Господь с небес прогнал их за грехи,
Дав им свободу жить с Богом иль не с Богом,
Но падший ангел ждал их у реки,
Чтоб утопить в ничтожестве убогом.

С тех пор добро и зло гуляют по земле,
Зло проявляется повсюду в нашей жизни.

Добра так мало, что запутавшись во мгле,
Оно молчит до самой горькой тризны.

В НЕВОЛЕ

Природы цветенье, весенний разлив
Смотрю из палаты больничной.
И радуюсь жизненным сокам прилив,
Мне Господом посланных лично.

Господь в небесах, Господь на земле,
Ты всюду в движеньи природы.
Ты луч, отражённый в зеркальном стекле,
Ты ветер, бегущий свободно.

Мы века чело, как песчинки на дне,
Колеблемы прихотью моря.
Невзгоды проносятся в сумрачном сне,
Как призраки вечного горя.

Я вдруг загрустил, о Господь, мне прости.
Минутную слабость неволью.
Ты Духа Святаго на землю пустил,
Чтоб жили все люди приволью.

Лежу я в палате, а жизнь за окном
Проносится мимо и мимо.
А мысль сверлит и сверлит об одном:
Когда же вернусь я к любимой?

* * *

Как много женщин непохожих,
Но волновала лишь одна.
Одно лишь имя из пригожих
Лишало нас покоя, сна.
Нам не до сна...

Любовь! Она приходит и уходит.
Любовь! Как ты прекрасна и горька.
Любовь! Она нежданно в сердце входит
И как печально, когда уходит от тебя.

Любовь! Она приходит и уходит...

Любовь нечаянно уходит.
Когда ответа не найдёт.
Она к сопернику приходит,
Который лучше нас поёт,
Любовь крадёт...

Любовь! Она приходит и уходит...

И это имя, что тревожит,
Перестаёт для нас звучать
Любовь в неволе жить не может,
Когда не хочет нас понять.
И нас принять...

Любовь! Она приходит и уходит...

Прольют дожди

Прольют весенние дожди,
Скоро настанет жаркое лето.
Потерпи немножко и дождись,
Всё пройдёт, пройдёт и это.

Уйдёт печальная пора,
Уйдут тревоги и огорченья.
Всё пройдет как сон и игра,
Игра твоего воображенья.

Покой души наступит вновь,
Снова почувствуешь свободу.
Чтобы быть рядом не нужно слов,
Жить надо Господу в угоду.

Живёшь на отдыхе вдали
И наслаждаешься зеленью леса.
Я в больнице коротаю дни,
Господи, за что мне всё это.

Пройдут разлуки времена,
Скоро наступит наша встреча.
Уйдут носимые бремена.
Букетом цветов тебя я встречу.

МАСКА

Осенние дали
Под дымкой вуали
Тревожат и манят,
Меня не обманут.

Под маской не скроешь
И спрятать не сможешь,
Что лава пылает
Под пеплом лукавым.

Под внешностью томной
Озера бездонны,
Скрываешь ты нежность
И вечную свежесть.

Невинные страсти
И капельку счастья
Не в силах украсть я.
Напасти, напасти...

Am

4 A

8 Dm

12 B G

16 C A

20 Dm

24 B E Am

28 A Dm Am Dm

32 E Am

Detailed description: This is a musical score for guitar in 9/4 time. It consists of ten staves of music. The first staff starts with a whole rest followed by a sequence of eighth notes: G2, A2, B2, C3, D3, E3, F3, G3, A3. The second staff begins at measure 4 with a whole rest, followed by eighth notes: G2, A2, B2, C3, D3, E3, F3, G3, A3, B3, C4, D4, E4, F4, G4, A4, B4, C5, D5, E5, F5, G5, A5, B5, C6, D6, E6, F6, G6, A6, B6, C7, D7, E7, F7, G7, A7, B7, C8, D8, E8, F8, G8, A8, B8, C9, D9, E9, F9, G9, A9, B9, C10, D10, E10, F10, G10, A10, B10, C11, D11, E11, F11, G11, A11, B11, C12, D12, E12, F12, G12, A12, B12, C13, D13, E13, F13, G13, A13, B13, C14, D14, E14, F14, G14, A14, B14, C15, D15, E15, F15, G15, A15, B15, C16, D16, E16, F16, G16, A16, B16, C17, D17, E17, F17, G17, A17, B17, C18, D18, E18, F18, G18, A18, B18, C19, D19, E19, F19, G19, A19, B19, C20, D20, E20, F20, G20, A20, B20, C21, D21, E21, F21, G21, A21, B21, C22, D22, E22, F22, G22, A22, B22, C23, D23, E23, F23, G23, A23, B23, C24, D24, E24, F24, G24, A24, B24, C25, D25, E25, F25, G25, A25, B25, C26, D26, E26, F26, G26, A26, B26, C27, D27, E27, F27, G27, A27, B27, C28, D28, E28, F28, G28, A28, B28, C29, D29, E29, F29, G29, A29, B29, C30, D30, E30, F30, G30, A30, B30, C31, D31, E31, F31, G31, A31, B31, C32, D32, E32, F32, G32, A32, B32, C33, D33, E33, F33, G33, A33, B33, C34, D34, E34, F34, G34, A34, B34, C35, D35, E35, F35, G35, A35, B35, C36, D36, E36, F36, G36, A36, B36, C37, D37, E37, F37, G37, A37, B37, C38, D38, E38, F38, G38, A38, B38, C39, D39, E39, F39, G39, A39, B39, C40, D40, E40, F40, G40, A40, B40, C41, D41, E41, F41, G41, A41, B41, C42, D42, E42, F42, G42, A42, B42, C43, D43, E43, F43, G43, A43, B43, C44, D44, E44, F44, G44, A44, B44, C45, D45, E45, F45, G45, A45, B45, C46, D46, E46, F46, G46, A46, B46, C47, D47, E47, F47, G47, A47, B47, C48, D48, E48, F48, G48, A48, B48, C49, D49, E49, F49, G49, A49, B49, C50, D50, E50, F50, G50, A50, B50, C51, D51, E51, F51, G51, A51, B51, C52, D52, E52, F52, G52, A52, B52, C53, D53, E53, F53, G53, A53, B53, C54, D54, E54, F54, G54, A54, B54, C55, D55, E55, F55, G55, A55, B55, C56, D56, E56, F56, G56, A56, B56, C57, D57, E57, F57, G57, A57, B57, C58, D58, E58, F58, G58, A58, B58, C59, D59, E59, F59, G59, A59, B59, C60, D60, E60, F60, G60, A60, B60, C61, D61, E61, F61, G61, A61, B61, C62, D62, E62, F62, G62, A62, B62, C63, D63, E63, F63, G63, A63, B63, C64, D64, E64, F64, G64, A64, B64, C65, D65, E65, F65, G65, A65, B65, C66, D66, E66, F66, G66, A66, B66, C67, D67, E67, F67, G67, A67, B67, C68, D68, E68, F68, G68, A68, B68, C69, D69, E69, F69, G69, A69, B69, C70, D70, E70, F70, G70, A70, B70, C71, D71, E71, F71, G71, A71, B71, C72, D72, E72, F72, G72, A72, B72, C73, D73, E73, F73, G73, A73, B73, C74, D74, E74, F74, G74, A74, B74, C75, D75, E75, F75, G75, A75, B75, C76, D76, E76, F76, G76, A76, B76, C77, D77, E77, F77, G77, A77, B77, C78, D78, E78, F78, G78, A78, B78, C79, D79, E79, F79, G79, A79, B79, C80, D80, E80, F80, G80, A80, B80, C81, D81, E81, F81, G81, A81, B81, C82, D82, E82, F82, G82, A82, B82, C83, D83, E83, F83, G83, A83, B83, C84, D84, E84, F84, G84, A84, B84, C85, D85, E85, F85, G85, A85, B85, C86, D86, E86, F86, G86, A86, B86, C87, D87, E87, F87, G87, A87, B87, C88, D88, E88, F88, G88, A88, B88, C89, D89, E89, F89, G89, A89, B89, C90, D90, E90, F90, G90, A90, B90, C91, D91, E91, F91, G91, A91, B91, C92, D92, E92, F92, G92, A92, B92, C93, D93, E93, F93, G93, A93, B93, C94, D94, E94, F94, G94, A94, B94, C95, D95, E95, F95, G95, A95, B95, C96, D96, E96, F96, G96, A96, B96, C97, D97, E97, F97, G97, A97, B97, C98, D98, E98, F98, G98, A98, B98, C99, D99, E99, F99, G99, A99, B99, C100, D100, E100, F100, G100, A100, B100, C101, D101, E101, F101, G101, A101, B101, C102, D102, E102, F102, G102, A102, B102, C103, D103, E103, F103, G103, A103, B103, C104, D104, E104, F104, G104, A104, B104, C105, D105, E105, F105, G105, A105, B105, C106, D106, E106, F106, G106, A106, B106, C107, D107, E107, F107, G107, A107, B107, C108, D108, E108, F108, G108, A108, B108, C109, D109, E109, F109, G109, A109, B109, C110, D110, E110, F110, G110, A110, B110, C111, D111, E111, F111, G111, A111, B111, C112, D112, E112, F112, G112, A112, B112, C113, D113, E113, F113, G113, A113, B113, C114, D114, E114, F114, G114, A114, B114, C115, D115, E115, F115, G115, A115, B115, C116, D116, E116, F116, G116, A116, B116, C117, D117, E117, F117, G117, A117, B117, C118, D118, E118, F118, G118, A118, B118, C119, D119, E119, F119, G119, A119, B119, C120, D120, E120, F120, G120, A120, B120, C121, D121, E121, F121, G121, A121, B121, C122, D122, E122, F122, G122, A122, B122, C123, D123, E123, F123, G123, A123, B123, C124, D124, E124, F124, G124, A124, B124, C125, D125, E125, F125, G125, A125, B125, C126, D126, E126, F126, G126, A126, B126, C127, D127, E127, F127, G127, A127, B127, C128, D128, E128, F128, G128, A128, B128, C129, D129, E129, F129, G129, A129, B129, C130, D130, E130, F130, G130, A130, B130, C131, D131, E131, F131, G131, A131, B131, C132, D132, E132, F132, G132, A132, B132, C133, D133, E133, F133, G133, A133, B133, C134, D134, E134, F134, G134, A134, B134, C135, D135, E135, F135, G135, A135, B135, C136, D136, E136, F136, G136, A136, B136, C137, D137, E137, F137, G137, A137, B137, C138, D138, E138, F138, G138, A138, B138, C139, D139, E139, F139, G139, A139, B139, C140, D140, E140, F140, G140, A140, B140, C141, D141, E141, F141, G141, A141, B141, C142, D142, E142, F142, G142, A142, B142, C143, D143, E143, F143, G143, A143, B143, C144, D144, E144, F144, G144, A144, B144, C145, D145, E145, F145, G145, A145, B145, C146, D146, E146, F146, G146, A146, B146, C147, D147, E147, F147, G147, A147, B147, C148, D148, E148, F148, G148, A148, B148, C149, D149, E149, F149, G149, A149, B149, C150, D150, E150, F150, G150, A150, B150, C151, D151, E151, F151, G151, A151, B151, C152, D152, E152, F152, G152, A152, B152, C153, D153, E153, F153, G153, A153, B153, C154, D154, E154, F154, G154, A154, B154, C155, D155, E155, F155, G155, A155, B155, C156, D156, E156, F156, G156, A156, B156, C157, D157, E157, F157, G157, A157, B157, C158, D158, E158, F158, G158, A158, B158, C159, D159, E159, F159, G159, A159, B159, C160, D160, E160, F160, G160, A160, B160, C161, D161, E161, F161, G161, A161, B161, C162, D162, E162, F162, G162, A162, B162, C163, D163, E163, F163, G163, A163, B163, C164, D164, E164, F164, G164, A164, B164, C165, D165, E165, F165, G165, A165, B165, C166, D166, E166, F166, G166, A166, B166, C167, D167, E167, F167, G167, A167, B167, C168, D168, E168, F168, G168, A168, B168, C169, D169, E169, F169, G169, A169, B169, C170, D170, E170, F170, G170, A170, B170, C171, D171, E171, F171, G171, A171, B171, C172, D172, E172, F172, G172, A172, B172, C173, D173, E173, F173, G173, A173, B173, C174, D174, E174, F174, G174, A174, B174, C175, D175, E175, F175, G175, A175, B175, C176, D176, E176, F176, G176, A176, B176, C177, D177, E177, F177, G177, A177, B177, C178, D178, E178, F178, G178, A178, B178, C179, D179, E179, F179, G179, A179, B179, C180, D180, E180, F180, G180, A180, B180, C181, D181, E181, F181, G181, A181, B181, C182, D182, E182, F182, G182, A182, B182, C183, D183, E183, F183, G183, A183, B183, C184, D184, E184, F184, G184, A184, B184, C185, D185, E185, F185, G185, A185, B185, C186, D186, E186, F186, G186, A186, B186, C187, D187, E187, F187, G187, A187, B187, C188, D188, E188, F188, G188, A188, B188, C189, D189, E189, F189, G189, A189, B189, C190, D190, E190, F190, G190, A190, B190, C191, D191, E191, F191, G191, A191, B191, C192, D192, E192, F192, G192, A192, B192, C193, D193, E193, F193, G193, A193, B193, C194, D194, E194, F194, G194, A194, B194, C195, D195, E195, F195, G195, A195, B195, C196, D196, E196, F196, G196, A196, B196, C197, D197, E197, F197, G197, A197, B197, C198, D198, E198, F198, G198, A198, B198, C199, D199, E199, F199, G199, A199, B199, C200, D200, E200, F200, G200, A200, B200, C201, D201, E201, F201, G201, A201, B201, C202, D202, E202, F202, G202, A202, B202, C203, D203, E203, F203, G203, A203, B203, C204, D204, E204, F204, G204, A204, B204, C205, D205, E205, F205, G205, A205, B205, C206, D206, E206, F206, G206, A206, B206, C207, D207, E207, F207, G207, A207, B207, C208, D208, E208, F208, G208, A208, B208, C209, D209, E209, F209, G209, A209, B209, C210, D210, E210, F210, G210, A210, B210, C211, D211, E211, F211, G211, A211, B211, C212, D212, E212, F212, G212, A212, B212, C213, D213, E213, F213, G213, A213, B213, C214, D214, E214, F214, G214, A214, B214, C215, D215, E215, F215, G215, A215, B215, C216, D216, E216, F216, G216, A216, B216, C217, D217, E217, F217, G217, A217, B217, C218, D218, E218, F218, G218, A218, B218, C219, D219, E219, F219, G219, A219, B219, C220, D220, E220, F220, G220, A220, B220, C221, D221, E221, F221, G221, A221, B221, C222, D222, E222, F222, G222, A222, B222, C223, D223, E223, F223, G223, A223, B223, C224, D224, E224, F224, G224, A224, B224, C225, D225, E225, F225, G225, A225, B225, C226, D226, E226, F226, G226, A226, B226, C227, D227, E227, F227, G227, A227, B227, C228, D228, E228, F228, G228, A228, B228, C229, D229, E229, F229, G229, A229, B229, C230, D230, E230, F230, G230, A230, B230, C231, D231, E231, F231, G231, A231, B231, C232, D232, E232, F232, G232, A232, B232, C233, D233, E233, F233, G233, A233, B233, C234, D234, E234, F234, G234, A234, B234, C235, D235, E235, F235, G235, A235, B235, C236, D236, E236, F236, G236, A236, B236, C237, D237, E237, F237, G237, A237, B237, C238, D238, E238, F238, G238, A238, B238, C239, D239, E239, F239, G239, A239, B239, C240, D240, E240, F240, G240, A240, B240, C241, D241, E241, F241, G241, A241, B241, C242, D242, E242, F242, G242, A242, B242, C243, D243, E243, F243, G243, A243, B243, C244, D244, E244, F244, G244, A244, B244, C245, D245, E245, F245, G245, A245, B245, C246, D246, E246, F246, G246, A246, B246, C247, D247, E247, F247, G247, A247, B247, C248, D248, E248, F248, G248, A248, B248, C249, D249, E249, F249, G249, A249, B249, C250, D250, E250, F250, G250, A250, B250, C251, D251, E251, F251, G251, A251, B251, C252, D252, E252, F252, G252, A252, B252, C253, D253, E253, F253, G253, A253, B253, C254, D254, E254, F254, G254, A254, B254, C255, D255, E255, F255, G255, A255, B255, C256, D256, E256, F256, G256, A256, B256, C257, D257, E257, F257, G257, A257, B257, C258, D258, E258, F258, G258, A258, B258, C259, D259, E259, F259, G259, A259, B259, C260, D260, E260, F260, G260, A260, B260, C261, D261, E261, F261, G261, A261, B261, C262, D262, E262, F262, G262, A262, B262, C263, D263, E263, F263, G263, A263, B263, C264, D264, E264, F264, G264, A264, B264, C265, D265, E265, F265, G265, A265, B265, C266, D266, E266, F266, G266, A266, B266, C267, D267, E267, F267, G267, A267, B267, C268, D268, E268, F268, G268, A268, B268, C269, D269, E269, F269, G269, A269, B269, C270, D270, E270, F270, G270, A270, B270, C271, D271, E271, F271, G271, A271, B271, C272, D272, E272, F272, G272, A272, B272, C273, D273, E273, F273, G273, A273, B273, C274, D274, E274, F274, G274, A274, B274, C275, D275, E275, F275, G275, A275, B275, C276, D276, E276, F276, G276, A276, B276, C277, D277, E277, F277, G277, A277, B277, C278, D278, E278, F278, G278, A278, B278, C279, D279, E279, F279, G279, A279, B279, C280, D280, E280, F280, G280, A280, B280, C281, D281, E281, F281, G281, A281, B281, C282, D282, E282, F282, G282, A282, B282, C283, D283, E283, F283, G283, A283, B283, C284, D284, E284, F284, G284, A284, B284, C285, D285, E285, F285, G285, A285, B285, C286, D286, E286, F286, G286, A286, B286, C287, D287, E287, F287, G287, A287, B287, C288, D288, E288, F288, G288, A288, B288, C289, D289, E289, F289, G289, A289, B289, C290, D290, E290, F290, G290, A290, B290, C291, D291, E291, F291, G291, A291, B291, C292, D292, E292, F292, G292, A292, B292, C293, D293, E293, F293, G293, A293, B293, C294, D294, E294, F294, G294, A294, B294, C295, D295, E295, F295, G295, A295, B295, C296, D296, E296, F296, G296, A296, B296, C297, D297, E297, F297, G297, A297, B297, C298, D298, E298, F298, G298, A298, B298, C299, D299, E299, F299, G299, A299, B299, C300, D300, E300, F300, G300, A300, B300, C301, D301, E301, F301, G301, A301, B301, C302, D302, E302, F302, G302, A302, B302, C303, D303, E303, F303, G303, A303, B303, C304, D304, E304, F304, G304, A304, B304, C305, D305, E305, F305, G305, A305, B305, C306, D306, E306, F306, G306, A306, B306, C307, D307, E307, F307, G307, A307, B307, C308, D308, E308, F308, G308, A308, B308, C309, D309, E309, F309, G309, A309, B309, C310, D310, E310, F310, G310, A310, B310, C311, D311, E311, F311, G311, A311, B311, C312, D312, E312, F312, G312, A312, B312, C313, D313, E313, F313, G313, A313, B313, C314, D314, E314, F314, G314, A314, B314, C315, D315, E315, F315, G315, A315, B315, C316, D316, E316, F316, G316, A316, B316, C317, D317, E317, F317, G317, A317, B317, C318, D318, E318, F318, G318, A318, B318, C319, D319, E319, F319, G319, A319, B319, C320, D320, E320, F320, G320, A320, B320, C321, D321, E321, F321, G321, A321, B321, C322, D322, E322, F322, G322, A322, B322, C323, D323, E323, F323, G323, A323, B323, C324, D324, E324, F324, G324, A324, B324, C325, D325, E325, F325, G325, A325, B325, C326, D326, E326, F326, G326, A326, B326, C327, D327, E327, F327, G327, A327, B327, C328, D328, E328, F328, G328, A328, B328, C329, D329, E329, F329, G329, A329, B329, C330, D330, E330, F330, G330, A330, B330, C331, D331, E331, F331, G331, A331, B331, C332, D332, E332, F332, G332, A332, B332, C333, D333, E333, F333, G333, A333, B333, C334, D334, E334, F334, G334, A334, B334, C335, D335, E335, F335, G335, A335, B335, C336, D336, E336, F336, G336, A336, B336, C337, D337, E337, F337, G337, A337, B337, C338, D338, E338, F338, G338, A338, B338, C339, D339, E339, F339, G339, A339, B339, C340, D340, E340, F340, G340, A340, B340, C341, D341, E341, F341, G341, A341, B341, C342, D342, E342, F342, G342, A342, B342, C343, D343, E343, F343, G343, A343, B343, C344, D344, E344, F344, G344, A344, B344, C345, D345, E345, F345, G345, A345, B345, C346, D346, E346, F346, G346, A346, B346, C347, D347, E347, F347, G347, A347, B347, C348, D348, E348, F348, G348, A348, B348, C349, D349, E349, F349, G349, A349, B349, C350, D350, E350, F350, G350, A350, B350, C351, D351, E351, F351, G351, A351, B351, C352, D352, E352, F352, G352, A352, B352, C353, D353, E353, F353, G353, A353, B353, C354, D354, E354, F354, G354, A354, B354, C355, D355, E355, F355, G355, A355, B355, C356, D356, E356, F356, G356, A356, B356, C357, D357, E357, F357, G357, A357, B357, C358, D358, E358, F358, G358, A358, B358, C359, D359, E359, F359, G359, A359, B359, C360, D360, E360, F360, G360, A360, B360, C361, D361, E361, F361, G361, A361, B361, C362, D362, E362, F362, G362, A362, B362, C363, D363, E363, F363, G363, A363, B363, C364, D364, E364, F364, G364, A364, B364, C365, D365, E365, F365, G365, A365, B365, C366, D366, E366, F366, G366, A366, B366, C367, D367, E367, F367, G367, A367, B367, C368, D368, E368, F368, G368, A368, B368, C369, D369, E369, F369, G369, A3

ЕЩЁ РАЗ О ЛЮБВИ
(Романс)

Что можно сказать о любви,
О чём не сказали поэты?
Но каждый влюблённый
По-своему скажет об этом.

И каждый находит слова,
Ещё не звучащие где-то,
Как стих сокровенный
На зависть маститым поэтам.

И только живущий в любви
Горит удивительным светом,
С небес освящённым
От Бога идущим приветом.

(Музыка Александра Таллера)

Милостью Божьей

СЕРДЦЕ ЧЕЛОВЕКА ОБДУМЫВАЕТ СВОЙ ПУТЬ,
НО БОГ УПРАВЛЯЕТ ШЕСТВИЕМ ЕГО

Эти отдельные фрагменты моей скромной жизни, как они запомнились мне самому или из рассказов родителей и родственников, подвигнул меня написать отец Александр Борисов, настоятель храма свв. бесср. Космы и Дамиана Асийских, проникновенный проповедник и прекрасной души человек.

Я ни в коей мере не претендую на полную объективность и последовательность изложения фактов и дат описанных событий, так как все мои воспоминания имеют личностную окраску и давнее время. Однако достоверность излагаемых событий, как надеюсь, не вызывает сомнения.

При рождении мама нарекла меня — Самиль, как она шутя говорила, от слов «самый милый», а может быть, по другой причине.

Окрещён я был в начале декабря 1926 года в храме свв. бесср. Космы и Дамиана («что в Шубине» или «на Ржищах») с наречением имени Александр. Таинство крещения, как мне впоследствии рассказывали, совершалось тайно, так как в то время были кровавые гонения на Церковь, монастыри и храмы повсеместно разрушались или закрывались, священнослужители и прихожане подвергались жестоким репрессиям.

Крёстная Анна с новокрещёным
младенцем Александром. 1926 год

Сохранилась фотография моей крёстной матери Нюры (Анны), дальней родственницы, с ребёнком на руках по выходе из церкви. Крёстный отец мне неизвестен. Как мне помнится, крёстная рассказывала, что окрестил меня о. Пётр.

Родился я 21 апреля 1926 г. в больнице № 25 (б. Екатерининская), что на углу Страстного бульвара и Каретного ряда (тогда там было родильное отделение), и жил с младенчества на углу Петровки и Столешникова пер., можно сказать, в церковном окружении: в Столешниковом переулке — церковь Космы и Дамиана, выше по Петровке, в Богословском (Петровском) переулке — церковь Георгия Богослова, немного подалее — Высокопетровский монастырь, в начале Большой Дмитровки, в Георгиевском переулке, — Георгиевский монастырь (церковь Георгия Победоносца, церковь иконы Казанской Божией Матери), выше по улице, на углу Козицкого переулка, — церковь Сергия Радонежского, немного выше — Страстной монастырь (женский) на Страстной площади, ниже, на Рождественке, — Рождественский женский монастырь, церковь Николая Чудотворца, на углу Неглинной и Пушечной улиц — церковь Марии Магдалины. А совсем рядом, на углу Столешникова переулка, — церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Если мысленно соединить все эти храмы на карте Москвы, то получится фигура в виде вытянутого в длину овала. А если соединить противоположно расположенные храмы линиями, то в центре их перекрестия, в середине овала, окажется дом, где я родился и прожил большую часть жизни. Господь, через святых своих предстателей, таким образом послал мне Своё благословение. Я считаю это чудесным явлением, которое ниспослал

Младенец Самиль (Александр)

мне Господь, и это Божье Провидение охраняло меня и поддерживало всю жизнь.

Одно из ранних и страшных воспоминаний детства (мне было 10–11 лет) — разрушение в 1937 г. белокаменного Страстного монастыря на Страстной площади. Монастырь занимал всю ширину площади, от Тверской до Большой Дмитровки. Много народу толпилось и смотрело на ужасающее зрелище — взрывы, пыль столбом, падающие стены ограды, монастырских зданий и храмов, невероятный грохот. Милиция оттесняла людей. Это событие часто вспоминали в семье, и оно запечатлелось в моей памяти.

Мальчишками мы бегали смотреть, как разрушались церкви Казанской иконы Божьей Матери в Георгиевском переулке (в Георгиевском монастыре) и Преподобного Сергия Радонежского в Козицком переулке. Это я хорошо помню.

Родителей папы я плохо помню. А две комнаты в коммунальном деревянном двухэтажном домике в Елоховском переулке я помню хорошо. Эти комнаты почему-то располагались на разных этажах, и на второй этаж вела деревянная лестница, по которой ходили и соседи. В этих двух комнатах жило семейство Таллеров: родители, дети и дети детей. У папиных родителей было четверо мальчиков и три девочки.

Например, у старшего брата Григория было четыре сына и две дочери. Вот, кстати, интересный факт: дядя Григорий был членом профсоюза, какого уж, не помню, с 1873 года. Вот такой был муравейник.

Фамилия Таллер древнего происхождения и тянется, как мне рассказывал дядя Григорий (он старше папы почти на 20 лет), из Богемии. В средние века, а может быть, и ранее там был

небольшой городок Иоахимсталь (он существует и сейчас). Близ него были золотоносные и серебряные рудники, где добывалось золото и серебро, из которых чеканили монеты — талеры (талеры). (Доллары США и других стран — это те же «талеры»). В Италии круглые серебряные монеты называли «талеро». В России некоторое время они имели хождение под названием «ефимки».

Долгое время я полагал, что Таллеры живут только в Москве и они все мои родственники. Но оказалось, что Таллеры проживают в Санкт-Петербурге, Самаре, Саратове, по-видимому, и в других городах. Некоторые несмелые и достаточно редкие попытки войти с ними в контакт как с родственниками каждый раз терпели неудачу. Фамилия Таллер распространена у немцев Поволжья.

По радио я как-то раз услышал фамилию Таллер, это был немецкий чемпион мира по бобслею.

Я довольно рослый (180 см), а Таллеры, мои родственники, все небольшого роста, коренастые, физически очень сильные.

Откуда я такой? По-видимому, от рода Верников, девичьей фамилии моей мамы Евгении Михайловны.

Родителей моей мамы дедушку Михаила и бабушку БERTУ я помню очень хорошо, так как они жили в нашем доме в центральном корпусе. Папа после Гражданской войны привёз их вместе с сестрой мамы в Москву и способствовал получению комнаты.

Дедушка и бабушка были деревенские, дедушка был плотником в деревне под Екатеринославом (теперь Днепропетровск), бабушка — из соседней деревни. Дедушка был большого роста (под

метр девяносто) с пышными казацкими усами и седой окладистой бородой, широкоплечий, статный, этакий богатырь. Бабушка — хрупкая, стройная блондинка с добрыми голубыми глазами. В Москве дедушка работал бригадиром плотников на стройках. Он умер от пневмонии в 1944 г. в возрасте 71 года. Бабушка его пережила на 17 лет, была инвалидом и передвигалась на костылях (сломала шейку бедра), однако умудрялась всё делать по дому, убирать, стирать, готовить.

Уже в пожилом возрасте я узнал, что окрещён в православную веру, но почему-то в детстве родители и окружающие меня называли то Саша, то Миля.

Когда я учился в 8-м классе, вдруг в класс вошли какие-то молодые люди и сказали, что сейчас всех будут записывать в комсомол. Стали вызывать к «доске», спрашивать имя, фамилию, не заглядывая в журнал, который тут же лежал на столе учителя. Когда очередь дошла до меня, я сказал «Александр Таллер». Так в комсомольском билете я стал Александром, потом это имя прилипло ко мне и когда я учился в институте, и позже, в семье, знакомые и друзья звали меня Саша.

Что это было? Наитие, Божие провидение? Я же тогда не знал, что был окрещён под именем Александр. Мне всегда нравилось это имя, я как бы изнутри ощущал себя Александром (Алексей плюс Андрей).

Святой князь Александр Невский — мой небесный покровитель — не только был храбрым воином, но и дипломатом, миротворцем, неоднократно ездил в Орду и к хану в Монголию улаживать важные дела.

Человек невольно старается в своей жизни подражать святому покровителю, небесному

заступнику имя которого он носит. Я наблюдал это во многих случаях.

Мой папа, Лев Петрович Таллер, 1881 года рождения, православный христианин, в 1913 году в возрасте 32 лет окончил экстерном мужскую гимназию.

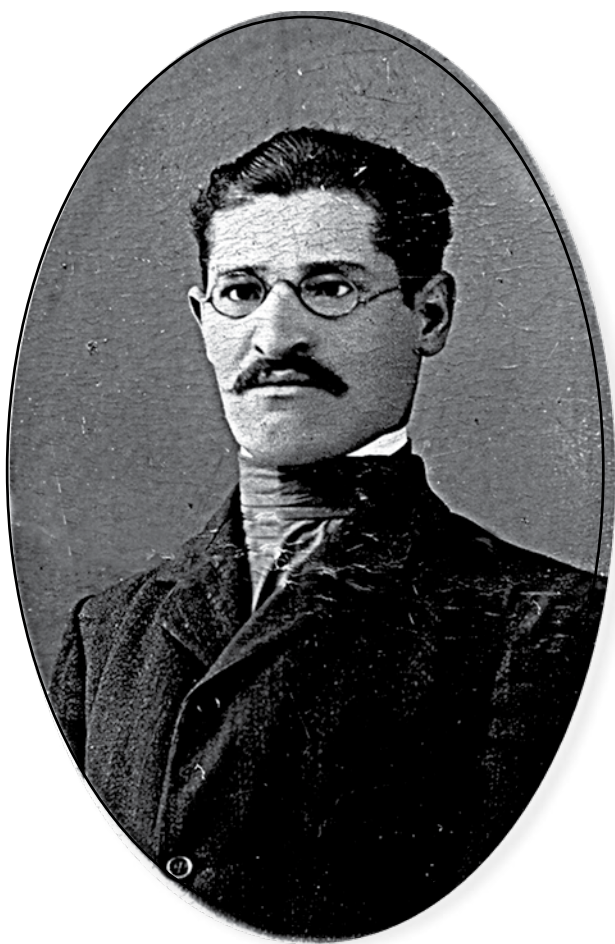
В 1917 году папа окончил университет с дипломом «Помощник присяжного поверенного» (адвокат в суде присяжных).

Он был высокообразованным человеком.

До 1923 года папа с братьями и сёстрами (у него было три брата и три сестры) проживал в Елоховском переулке, рядом с Богоявленским кафедральным собором. С 1923 года родители проживали в доме 15/13 – угол Петровки и Столешникова переулка, который последовательно назывался Рождественским, Мамоновским, Шубинским, до 1922 года – Космодамиановским – по названию храма.

В этот дом меня принесли из роддома. Это огромное шестиэтажное здание с четырьмя подъездами и корпусом в центре двора до революции принадлежало страховому обществу «Якорь», на пятом и шестом этажах раньше размещалась гостиница «Марсель». В нём было более десяти торговых точек, в том числе три продуктовых магазина. Теперь на всём протяжении Петровки и Каретного ряда остался только один небольшой продуктовый магазин, и то – «супер-маркет».

На углу Петровки и Столешникова переулка стояла церковь Рождества Пресвятой Богородицы, снесённая в 1927 году. На её месте построена освящённая в 1997 году одноимённая часовня. Выше по Петровке, во дворе дома 26, – каток «Динамо», там с четырёх лет я встал на коньки-

Лев Петрович Галлер

«снегурки», потом «английский спорт», «гаги» и, наконец, «норвежки» («норвежский спорт», теперь «беговые коньки»), потом играл в волейбол. Так я приобщился к спорту и неплохо выступал на соревнованиях и был кандидатом в мастера спорта.

После окончания Гражданской войны папа вернулся в Москву. В 1925 году у него внезапно случилось кровоизлияние в мозг (инсульт), он был комиссован из армии, так как начал быстро слепнуть. Затем, будучи полуслепым инвалидом, до окончательной слепоты работал редактором в ОНТИ. Одновременно был бессменным председателем домкома (домового комитета), и двери нашей квартиры практически не закрывались — люди шли к нему посоветоваться по различным вопросам, попросить помощи, а к маме шли за помощью как к врачу.

Мама, Евгения Михайловна, была моложе папы почти на 20 лет. Она работала детским участковым врачом в доме, где мы жили.

У мамы была и вторая специальность — фтизиатр, от туберкулёза у неё лечился знаменитый архитектор академик А.В. Щусев. В доме её все любили за отзывчивость и готовность оказать врачебную помощь в любой час дня и ночи. Она была высококлассным врачом, работала очень много, на двух ставках, чтобы прокормить инвалида-мужа и меня, подношений не брала никогда.

Я научился читать в раннем возрасте, с четырёх лет, думал, что всё знаю и умею, поэтому был большой неслух, непоседа, как говорят, «сорви-голова», однако воспитание получил строгое.

Где-то в возрасте 5 лет я прочитал все книжки, они мне надоели, и у меня наступил, как говорят, «кризис жанра», я их все порвал. Сел посреди

Евгения Михайловна Талер (Верник)

кучи бумаги и заревел. Мама всё это увидела и хорошенько мне наподдала, приговаривая:

— Книжки рвать нельзя никогда. Это большая ценность.

Я заревел ещё сильнее, но книжки я больше никогда не рвал и относился к ним с великим почетом.

Прибегая несколько раз на кухню, не всегда здоровался. Мама говорит:

— Как придёшь на кухню, поздоровайся.

— Почему? Я уже здоровался несколько раз.

— Сколько раз бываешь на кухне, столько раз и здоровайся, потому что там может быть сосед или соседка, с которыми ты ещё не здоровался.

Если я её не слушал, то получал подзатыльник, и так 100 раз. Поэтому здороваюсь всегда, везде и со всеми.

Мне было 7 или 8 лет. Я нашёл во дворе в снегу перочинный ножик со множеством предметов. Такое это было детское счастье, что невозможно описать. Прибежал домой показать маме — было воскресенье, и она была дома.

Мама сказала:

— Иди во двор и положи на место ножик.

— Мама, я его нашёл в снегу, он мой.

— Кто-то его потерял, это не твоё, иди и положи на место. Кто потерял, придёт и найдёт.

Так как я не слушался, то она наградила меня подзатыльниками, приговаривая: «Нельзя брать чужое». Горько плача, я долго плёлся к этому месту, а мама стояла в коридоре у окна и наблюдала за мной. Зато я на всю жизнь запомнил, что чужое брать нельзя.

Во время праздников детям нашего двора раздавали подарки: конфеты, печенье и пирожные. Те несколько десятков пирожных, которые сразу

не разбирались, в лотках приносили в нашу квартиру (папа, будучи слепым, был председателем домкома), и они стояли на шкафу. Редко кто заходил потом за ними. Представляете, какие были тогда пирожные? Какой от них шёл запах? И какой это был соблазн для ребёнка? Пирожные: эклеры, корзиночки, наполеоны, песочные, бисквитные, картошка были в 3–4 раза больше нынешних и из натуральных ингредиентов.

Я просил: «Мама, дай мне пирожное, всё равно они пропадут!»

Но она их сохраняла для тех, кто может прийти. Через несколько дней они портились, и мама выбрасывала их на помойку. Опять звучало рефреном: «То, что предназначено другим детям, брать нельзя».

Папа всегда повторял: «Относись к своим товарищам так, как ты хочешь, чтобы они относились к тебе». «Никогда не говори неправду, лучше промолчи, ложь не спасёт тебя». «Ни перед кем не унижайся, и если чувствуешь, что ты прав, то твёрдо отстаивай свою позицию». «Чужое не сделает тебя счастливым, ты всегда будешь знать, что это не твоё». «Не делай другому гадости, это недостойно тебя». «Не будь мстительным, от этого лучше тебе не станет». «Больше друзей – меньше врагов».

Я привёл только несколько примеров воспитательного характера, и я бесконечно благодарен своим незабвенным и любимым родителям за то, что с раннего детства они практически и наглядно показывали мне, как надо соблюдать заповеди Господа нашего. И это навсегда запало мне в душу, стало моей органической сущностью.

Однажды папа рассказал мне о ветхозаветных заповедях и заповедях Господа нашего Иисуса

Христа. И я своим детским разумением понял, что наставления, нравоучения моих родителей имеют один корень, что есть Книга, где всё это было всегда. Но в дальнейшем папа об этом со мной не говорил. По прошествии лет я понял, что он меня оберегал, так как по наивности я мог вслух при всех высказать эти мысли, и в то время — время ожесточённой борьбы с религией и Церковью, мои слова могли привести к нежелательным для меня последствиям.

Средняя школа № 635, в которой я учился, была в Петровском переулке (б. Богословский — по храму Григория Богослова), напротив театра Б.А. Корша. Класс был довольно хулиганистым, часто срывались уроки, но в нём были интересные ребята. Например, я дружил с Володей Саратовским, сыном главного режиссёра театра Музыкальной комедии им. Немировича-Данченко на Большой Дмитровке. Сбегая с уроков, мы из репертуара театра пересмотрели все спектакли по многу раз. Друг моего детства — многие годы живший в нашем доме Толя, впоследствии Анатолий Иванович Баранцев — ведущий артист театра им. Моссовета, заслуженный артист республики. В детстве на столе у него стоял плакатик с надписью: «Что ты сделал сегодня, чтобы стать тем, кем ты хочешь?»

В раннем детстве, с четырёх лет, он любил разыгрывать спектакли, и мы, одноклассники, собирались у него, я — чаще других, так как в этой же квартире жили мои бабушка и дедушка. С Толей у меня были многие приключения, и когда наказывали меня, то одновременно наказывали и Толю.

Знаменитый оперный певец С.Я. Лемешев пользовался очень большой любовью и популярностью. Восторженные дамы и девицы посто-

янно толпились у «чёрного» выхода Большого театра (выход на Петровку), ожидая его. Чтобы разогнать толпу, с окна над подъездом на них выливалось ведро воды, поклонницы с визгом разбегались в стороны, Лемешев мчался к машине марки М1, где его ожидал шофёр, и мгновенно уезжал. Мы, мальчишки со двора, неоднократно наблюдали эту картину.

Как-то мы узнали, что в Большом театре проводится конкурс в детский хор мальчиков. Я, Коля Баулин и Толя Баранцев (нам было по 9 лет) втайне от родителей пошли поучаствовать в этом конкурсе. Меня и Толю не приняли, а Колю приняли, у него был прекрасного тембра дискант, и он пел в хоре более полутора лет, пока не сорвал голос. Вот такие мы были сорванцы.

Рядом с нашей школой за железной сетчатой решёткой, ближе к Большой Дмитровке, располагалась школа № 170. Некоторое время в ней училась Света Сталина, мы на переменах бегали посмотреть на дочь Сталина, прилипали к сетке и кричали: «Светка! Светка!» Разве я тогда понимал, что её отец был виновником всех разрушений и репрессий? Мы жили тогда под лозунгами: «Сталин — друг детей!», «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»

В нашей квартире жил известный ещё до революции театральный и эстрадный режиссёр, заслуженный артист республики, основатель Ансамбля красноармейской песни и пляски (впоследствии им. Александрова), Павел Иванович Ильин с супругой — пианисткой Надеждой Надеждиной. Сын Павла Ивановича служил старшим администратором в Большом театре. Павел Иванович был верующим человеком. Когда я иногда забегал к ним, то видел иконы, перед которыми

он молился. Они не висели на стенах комнаты, он их всегда прятал.

Супруги Ильины были удивительные. Я никогда не видел, чтобы Павел Иванович или Надежда выходили из комнаты в халатах, в небрежном виде. Всегда одетые, как на выход, — Надежда в белоснежной блузке, в жакете и строгой юбке, подтянутая, причёсанная, с полным макияжем на лице, Павел Иванович в белоснежной рубашке и строгом костюме, иногда в свободного покроя пиджаке с бархатным воротником. Всегда изысканно вежливые и благожелательные. Надежда такой бывала и на кухне, когда готовила. Обедали и ужинали они на кухне, за отдельно стоящим столом. Надежда накрывала на стол, как если бы они ожидали гостей. Мы, соседи, старались в это время на кухню не заходить.

Надо отметить, что в квартире среди соседей царил благожелательно-вежливая обстановка, споры происходили крайне редко, в основном из-за очередности уборки. Эта аккуратность, подтянутость и изысканная вежливость Ильиных, которые я повседневно наблюдал в детстве, по-видимому, отложили благотворный отпечаток на всю мою жизнь.

В нашей же квартире некоторое время жил сотрудник НКВД Б.Н. Нейман (или Нейманов, точно не помню), об этом мы узнали, когда его, ранее арестовывавшего безвинных людей, тоже арестовали в 1938 году и вынесли в коридор его вещи, по-видимому, награбленные у арестованных, — в том числе картины, старинную мебель и механическое пианино. У него были конфликты с папой, я это отчётливо помню.

Эти отдельные эпизоды моего детства описаны, чтобы дать наглядное представление о том

времени, и в какой среде я вырос, и какой след оставило всё это в моей душе.

С начала 30-х годов начали бесследно исчезать близкие друзья и товарищи папы по Гражданской войне и по службе, особенно в период 1936–1938 гг. Помню, что в углу комнаты постоянно стоял чемоданчик с необходимыми вещами. Папа ждал, что и за ним могут прийти в любую минуту. Но не пришли. Может, потому, что к этому времени папа ничего не видел, он полностью ослеп, был болен, и «органы» потеряли к нему интерес. Это были тяжёлые годы. Людей побуждали доносить друг на друга, и ни у кого не было уверенности в завтрашнем дне.

В 1941 году, когда началась война, маму как врача призвали на фронт, и она с медсанбатом прошла весь путь до Германии, а затем участвовала в войне с Японией, совершив переход через Хинган.

16 октября 1941 года папу внезапно увезли в неизвестном направлении, и вернулся он в Москву в 1944 году. Где он был в это время, никогда не рассказывал. Сестра мамы также была на фронте, а бабушку и дедушку также эвакуировали.

Когда маму призвали в армию, она привела меня в военкомат и попросила, чтобы меня отправили на фронт вместе с ней, работать санитаром в госпитале, так как позаботиться обо мне было некому. В военкомате сказали, чтобы она не беспокоилась — обо мне военкомат позаботится. И действительно, комнату почему-то опечатали, а мне сняли угол у хозяйки в другом доме в Богородском, за который я не платил, потом помогли мне с работой и сдачей школьных экзаменов экстерном. Вернулся я в свою квартиру зимой 1944 года, когда возвратился в Москву мой отец.

Мои двоюродные братья по отцу, меня значительно старше, все были на фронте, один из них, Семён, погиб, трое вернулись — с ранениями, но живыми. Их семьи 16 октября 1941 года были эвакуированы из Москвы.

Во время войны, оставшись один, без родителей, я сильно бедствовал, но учился и одновременно работал на оборону (в Москве и в Рыбинске), за что в 1947 году был удостоен правительственной награды — медали «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (позже были и другие правительственные награды). Тем не менее мне удалось окончить среднюю школу в 1943 году, в этом же году поступить в Московский авиационный институт и в 1949 его окончить. После окончания института долгие годы работал в промышленности, активно участвовал в создании первого искусственного спутника Земли, космических кораблей и в других аналогичных проектах.

Родители мои скончались: папа в 1952 году, мама, тяжело болея в последние годы (последствие ранений и контузий), в 1971 году. Погребены на Донском кладбище.

В начале 50-х годов в нашем доме в коммунальной квартире центрального корпуса некоторое время жила ещё очень молодая Галина Вишневская, тогда только начинавшая блистательную карьеру оперной певицы в Большом театре. Мне помнится, что Галина несколько раз приходила к нам в квартиру, по-видимому, для встречи с сыном Павла Ивановича, когда он приходил. Это была красивая, высокая, статная молодая женщина с крупными, выразительными чертами лица и огромными глазами. У меня в то время был трудный период: кончина отца, тяжёлая болезнь

мамы из-за «дела врачей-убийц», перемена работы. И я не особенно обращал внимание на жизнь соседей. Только потом, посещая Большой театр и слушая её в опере, я осознал, какая это великая певица. После кончины Павла Ивановича его вдова Надежда, потеряв кормильца, вынуждена была готовить обеды, и артисты Большого театра приходили к ней поесть, отдохнуть и помузицировать.

В 1967 году с Петровки нашу семью переселили на Ленинградское шоссе (бывшее село Аксиньино за Речным вокзалом). Тогда начиналась кампания очищения центра от жителей, в основном от коренных москвичей. Эта кампания продолжается до сих пор. И исторический центр Москвы пуст от населения.

С начала 1970-х годов я перешёл на научную работу в один из научно-исследовательских институтов. Мне посчастливилось стать одним из ведущих специалистов в области классификации и кодирования информации и технической (конструкторской и технологической) документации. Будучи в преклонных годах, мне радостно наблюдать, что разработки, в которых я непосредственно участвовал и которыми руководил, не остались втуне, живы и по сей день. Миллионы научных работников, конструкторов, технологов, производственников в нашей стране и за рубежом используют плоды моих трудов.

Господь дал мне силы совершить всё это, и я благодарен Господу за то, что он поддерживает меня в деле, которое приносит практическую пользу людям, облегчает их труд, и помогает мне продолжать трудиться на этом поприще.

По роду своей деятельности мне приходилось выступать с лекциями и докладами по тематике моих разработок на семинарах и конференциях во многих городах нашей необъятной Родины. И где бы я ни был, поскольку за мной там не было пристального пригляда, я старался попасть в местный храм, чтобы посетить богослужение, помолиться, так как в Москве я был лишён этого. Отовсюду я привозил моей несравненной дорогой и любимой теще Варваре Васильевне и её сестре Анне, проживавшим с нами, крестик либо образок, либо иконку. Они были деревенские; таких мудрых, благородных и достойных людей, как они, я в жизни больше не встречал. Супруга моя Зоя Николаевна (в девичестве Кашкина) родилась в одной из деревень Рязанской области и в младенчестве привезена в Москву, когда родители туда переехали.

Расскажу один из случаев. В Краснодаре после лекции директор Дома техники сопровождал меня в поездке по городу. Проезжая мимо Кафедрального собора, я захотел зайти в него и пригласил директора. Но он сказал, что подождёт в машине. Божественную литургию в храме совершал архиерей, я пробыл в храме до конца богослужения. Когда я вышел, то спросил директора, православный ли он. Тот ответил: «Да», — но при этом добавил, что он член горкома КПСС, и если бы кто-либо увидел, что он вошёл в храм, то, по меньшей мере, он получил бы строгий выговор. Такое было время.

В настоящее время многие храмы и соборы восстанавливаются, а некоторые воссоздаются вновь. Я с большой радостью и некоторой горечью непосредственно наблюдал за восстановлением храма свв. бесср. Космы и Дамиана, за воссозданием храма Христа Спасителя, раз-

рушенного в 1931 году, и Казанского собора на Никольской, разрушенного в 1932 году, был на их освящении.

Поблизости от меня расположено несколько действующих храмов: рядом со станцией «Речной вокзал» — храм Знамения Божьей Матери (к счастью, всегда был действующим), немного дальше по Фестивальной улице — храм Знамения Пресвятой Богородицы в Ховрине, на Правобережной улице — храм свв. бесср. Космы и Дамиана (в Риме пострадавших) в Космодемьянском, который был освящён 275 лет назад. Эти два храма восстанавливаются медленно, с большими трудностями, но они действуют и, к моей радости, многие жители окрестных мест обрели возможность участвовать в церковной жизни.

В заключение мне хотелось бы кратко рассказать о нескольких незабываемых встречах.

С митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем) я познакомился, кажется, поздней осенью 1959 года в Суханове (ст. Расторгуево), в Доме творчества архитекторов (бывшая усадьба князей Волконских), где я проводил отпуск. В это время там отдыхал и Его Высокопреосвященство. Гонения на церковь продолжались и после смерти Сталина. Однако часто по вечерам владыка приходил в гостиную главного корпуса и вёл беседу. Каждый раз собирался небольшой кружок постоянных слушателей. Ему задавали вопросы на разные темы, и владыка в благожелательной манере обстоятельно отвечал на них, проявляя обширные познания в толковании христианских ценностей.

Среди внимательных слушателей была известная актриса Людмила Целиковская, которая отдыхала вместе с сыном (я учил её играть на

карамбольном бильярде, а сына — игре в шахматы).

В одной из бесед была затронута тема разрушения храмов. Они в то время продолжали неуклонно разрушаться на наших глазах. Владыка Николай сказал: «Храм — это не только религиозное учреждение, Дом Божий, но памятник духовной культуры народа, архитектуры. Православный храм — творение русского народа, дом памяти, обрядов, обычаев, традиций, праздников и печальных событий, т. е. всего того, что делает народ единым духовным социумом. И тот, кто разрушает то, что создано предками, разрушает истоки, память народа. Эти люди берут на свою душу очень большой грех. Да простит их грешные души Господь!»

Владыка добавил, что когда-нибудь народ опомнится, и то, что было порушено, будет восстановлено. «И все возвратится на круги своя» (к 1966 году из 14000 церквей осталось 700, из 560 монастырей осталось всего 14).

Его высокопреосвященство был достаточно пожилым человеком благолепной внешности, прекрасно образованным богословом и весьма эрудированным человеком (владел несколькими иностранными языками). От него как бы исходило сияние благодати. Таким он мне и запомнился. Через несколько лет он скончался, и, как мне рассказывали, при не до конца выясненных обстоятельствах.

С протоиереем Александром Менем мне повезло познакомиться в 1961 году, но по печальному поводу.

Тамара, дочь моего близкого друга, Саши Комарова, морского офицера-кавторанга, проживавшего с семьёй в то время в Тарасовке, скончалась после тяжёлой болезни во время операции.

И отпевали её в Новой Деревне, в храме Сретенья. Комаровы раньше посещали этот храм. В храме собралось много родственников и друзей, отпевание усопшей Тамары совершал настоятель о. Александр после Божественной литургии. Он произвёл на меня неизгладимое впечатление своей проникновенностью, исходящими от него добротой и сопереживанием. Позже я познакомился с его богословскими сочинениями и проповедями. И они произвели на меня неизгладимое впечатление.

Мне посчастливилось в 70-е годы вместе работать и в последующие годы близко дружить с братом о. Александра Борисова, Юрой Блохиным — кандидатом технических наук, крупным учёным в области авиационной техники и теории систем классификации и кодирования информации, автором Единой системы классификации и кодирования технико-экономической информации (ЕСКК ТЭИ). Юра был глубоко религиозным человеком, порядочным и целеустремленным.

У меня работал во ВНИИКИ Володя Прокопчук, он окончил духовную семинарию, но далее не стал продолжать духовную карьеру и, как он говорил вышел из Епархии, затем, закончив технический ВУЗ, кажется, по строительству, попал ко мне. Был он сотрудник не надёжный, никакую порученную ему работу не мог довести до конца. В моё отсутствие постоянно говорил сотрудникам, что вот-вот наступит конец света и даже называл конкретные даты. Когда же наступали эти даты и ничего не происходило, он говорил, что всё в руках Господа, конец света наступит в следующий раз.

Однажды Юра, он тогда занимал должность заместителя директора института по научной работе, во время аттестации побеседовал с Прокопчуком.

Потом Юра мне сказал, что для того, чтобы быть священнослужителем надо иметь особое призвание и усердие в постижении библейских истин и способность к пастырскому служению, это тяжёлый и подвижнический труд. Не многие способны на такое служение, а некоторые просто этого недостойны.

Мы участвовали во многих научных конференциях по классификации в Москве, Киеве, Санкт-Петербурге и других городах, где Юра и я выступали с докладами. У меня сохранилось несколько монографий с его дарственной надписью. В последние годы он тяжело болел и, к глубокой скорби родных и друзей, в расцвете лет покинул нас. В это время меня не было в Москве, и я не смог, к сожалению, проводить коллегу и дорогого друга в последний путь.

Господь подарил мне счастье дожить до преклонных лет. Как я сейчас представляю, по прошествии многих лет, несмотря на трудности, которые мне пришлось испытать и преодолеть, в душе я остался верным христианином, православным, и внутренняя вера в Господа помогла мне не ожесточиться, остаться доброжелательным человеком, всегда готовым помочь ближнему своему. И в горе и в радости Господь был всегда со мной.

Всю жизнь я помнил и пытался соблюдать две главные заповеди Господа нашего Иисуса Христа — «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всей крепостью твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя» (Лк. 10:27).

Ещё о себе. У меня, слава Богу, двое детей: дочь — архитектор и сын — художник-аниматор, кинорежиссёр. И две внучки: Анна и Алина (Акилина).

Дети – Ольга и Юрий

Завершить своё краткое жизнеописание хочу словами из книги о. Александра Борисова: «Пусть Господь благословит всех нас, чтобы эта радость не осталась в нас только напоминанием, только названием, а действительно вошла в наше сердце, жила в нас, ширилась и заполнила все уголки нашего сердца».

В заключение особую признательность я хочу выразить мною глубоко почитаемому о. Александру Борисову за то, что он сумел пробудить в моей душе желание поделиться с вами, моими благожелательными читателями, некоторыми событиями моей скромной жизни.

С искренней молитвой о здравии ко всем, кто прочтёт эти записи.

ПУТЬ КО ХРИСТУ

*Блаженны изгнанные за правду,
ибо их есть Царство Небесное*
(Мф. 5, 9)

В советские времена отношение номенклатуры к Церкви, к верующим было совершенно нетерпимым. Да и простые люди, оглулённые неистовой атеистической пропагандой, воспитанные в условиях страха перед репрессиями, к священнослужителям и верующим людям, не скрывающим принадлежность к Церкви, относились с неприятием.

У каждого человека свой путь ко Христу.

Мой папа, Таллер Лев Петрович, был верующим православным христианином, но скрывал это от советских властей. До революции он окончил гимназию (экстерном) и университет. В то же время участвовал в политической деятельности, примыкал к группе интернационалистов, возглавляемых А. Лозовским. В 1917 году был призван на фронт в качестве вольноопределяющегося. Через три месяца (в октябре) грянула революция, всё смешалось в войсках, воинская часть, в которой он служил, была распропагандирована большевиками и в полном составе влилась в красногвардейские отряды, которые в последствии, в 1918 году были по указу Троцкого наименованы Красной армией.

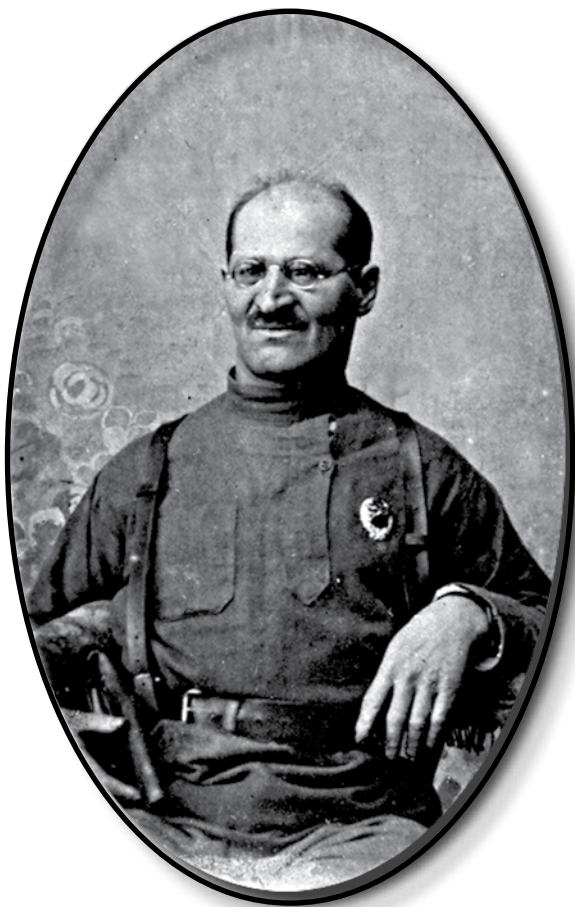
Будучи близоруким и не имея военного образования, папа был назначен батальонным комитетом, который заменил руководство воинской частью, политработником, так как единственный в части имел высшее образование.

В каждой воинской части Красной армии была организована художественная самодеятельность, состоящая из бригады артистов: певцов, музыкантов, чтецов и т. д. Эта бригада с обозом передвигалась вместе с войсками. Бригада выполняла агитационную работу, но главным образом выступала с концертами.

Вот эти артисты непосредственно подчинялись моему папе. А он, рискуя своей жизнью, спас жизнь захваченным в плен белым офицерам и просто попавшим в беду людям, определяя их в бригаду артистов под предлогом того, что надо укомплектовывать самодеятельность профессионалами, имеющими хоть какое-то музыкальное либо артистическое образование. Так он помог, можно сказать, спас жизнь многим людям, в том числе о ком мне известно: М.О. Рейзену (оперный певец, впоследствии народный артист), Ирме Яунзем (певица, впоследствии народная артистка), Миловидову (артисту), Коршуну (режиссёру театра им. Моссовета, до Ю.А. Завадского, который впоследствии женился на племяннице известного азербайджанского композитора Кара-Дмитриева), Дябло (офицеру Белой армии).

Про него говорили: «Опять Таллер беляков спасает».

Все его друзья и коллеги в период Большого террора и ранее подверглись арестам, ссылкам, а многие были расстреляны. Его пощадили, за ним «органы» не пришли, по-видимому, посчитав, что от слепого старика (папа полностью

«Опять Таллер беляков спасает»

ослеп в 1935 году) мало проку. Работать он не может, надо его кормить и поить, да ещё и сопровождать, вообще, сплошные хлопоты.

Родителей моего папы я не застал в живых. Когда я родился, их уже не было.

Как мой папа пришёл к Богу, мне неизвестно. Но я знаю, что это произошло до 1913 года (тогда моему папе было 32 года).

Откуда я это знаю? В нашем доме сохранилось трёхтомное собрание сочинений Гёте, издание 1912 году, подаренное ему педагогическим советом гимназии после успешной сдачи экзаменов с надписью: «На память экстерну Льву Петровичу Таллеру за внимание и проявленные им на испытании зрелости познания, достигнутым неустанным и усердным трудом», с подписями Председателя Совета и всех педагогов, включая священников о. Михаила (Русакова) и о. Михаила (Степанова).

Из этого следует, что папа был православным христианином уже до этого. Могу только предположить, что на это повлияло и то, что папа и вся его родня до 1923 года проживали в Елоховском переулке рядом с Богоявленским Кафедральным собором, куда и ходили молиться. И только глубокая вера в Провиденье Господне помогла пережить моему папе все эти лихие годы.

Педагогическій Совѣтъ Екатеринославской I-ой
 мужской гимназіи даритъ эту книгу на память
 экстерну Льву Петровичу ТАЛЕРУ во вниманіе
 къ проявленнымъ имъ на испытаніи зрѣлости
 познаніямъ, достигнутымъ неустаннымъ и усерд-
 нымъ трудомъ.

Г. Екатеринославъ. Іюня 13 дня 1913 года.

Предсѣдатель Совѣта,
 Директоръ *Щербина В. В.*

Члены Совѣта: *Менделѣевъ А. П.*
М. С. Сидоровъ
Дубровинъ С. М.
М. Сидоровъ
С. Сидоровъ
Н. Камаловъ
М. Мухоморовъ
Д. Камаловъ
А. Варахнинъ
М. Сидоровъ
 Секретарь Совѣта *Ширинъ В. В.*

Моя мама, Талер Евгения Михайловна, была дочерью простого деревенского плотника, родом из деревни под Екатеринославом (теперь Днепропетровск). После окончания 1-го Медицинского института и интернатуры с 1931 года работала детским участковым врачом в доме, где мы жили. Наши соседи по дому — родители детей, да и сами дети её очень любили, так как она самоотверженно заботилась о заболевших детях, лечила их, не считаясь ни со временем, ни с усилиями.

Мама была очень хорошим врачом, хорошим диагностом, что давало ей возможность распознать болезнь на ранней стадии и назначить эффективное лечение. Многим детям она фактически спасла жизнь. Двери нашей квартиры, точнее, комнаты в коммунальной квартире, были всегда открыты для консультаций практически днём и ночью, многие советы она давала родителям и по телефону.

Это удивительное сочетание доброты, искренности, преданного отношения к своему врачебному долгу и высокий профессионализм, конечно, шло от Бога. Но я не помню, чтобы она когда-нибудь ходила в церковь или в синагогу. Однако, нет сомнения в том, что она упорно молилась Господу, иначе, как бы она смогла пережить Гражданскую войну, голодомор, Большой террор и пройти, как военврач (командир госпитального взвода медсанбата), все дороги войны с фашистами (с 1941 года) и с Японией (1946), остаться в живых (правда, с ранениями и контузией).

Совершенно ясно, что Господь постоянно был с моей мамочкой и помогал ей.

Многие люди приходят к Господу во взрослом возрасте, испытывая внезапное прозрение, либо долгими трудными путями.

Примером тому является жизнь знаменитого хирурга и впоследствии архиепископа Луки (Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого), человека, высшими ценностями которого были «разум, воля и аскетически понятое чувство долга».

Во время болезни жены — Анны Ланской, которая, в отличие от него, всегда была очень религиозной, Валентин Феликсович в течение двух недель упорно молился у постели супруги, умирающей от скоротечной чахотки, о её выздоровлении.

Евгения Михайловна с внучкой

Даже написал молитву. Сказал детям: «Я написал молитву — молитесь за маму».

После кончины жены Валентин Феликсович избрал духовный путь, не оставляя деятельности врача и научной работы.

М.М. Поповский пишет:

«Век двадцатый стал свидетелем глубокой религиозности физика Альберта Эйнштейна, врача Альберта Швейцера, антрополога Тейяра де Шардена. Среди наших знаменитых современников верующими были физиолог И.П. Павлов, офтальмолог В.П. Филатов, геохимик В.И. Вернадский, академик-востоковед Н.И. Конрад, хирург С.С. Юдин, патологоанатом А.И. Абрикосов».

Глубоко религиозным был выдающийся хирург, профессор Сергей Сергеевич Юдин. Человек, благодаря которому Московский институт им. Склифосовского ещё в тридцатых, сороковых годах превратился в хирургическую Мекку. Сюда, чтоб посмотреть на его работу художника-хирурга, простую, как кто-то однажды выразился, до гениальности и гениальную до простоты стремились знаменитейшие мастера рукоделия Европы и Америки.

Сергей Сергеевич, как известно, после войны в декабре 1948 года был арестован по ложному обвинению и провёл в тюрьме, а затем в ссылке 5 лет, до 1953 года. И его вера помогла ему выстоять во время избиений и издевательств, которым он подвергался в тюрьме, так как отказывался ложно обвинять других людей.

Мне посчастливилось многие годы быть близким другом Игоря Юрьевича Юдина, племянника С.С. Юдина, также блестящего хирурга, доктора медицины, профессора, который был близок со своим дядей. Нас познакомил Сергей Юдин, сын

Сергея Сергеевича, артист театра им. Моссовета, в котором также играл характерные роли Анатолий Иванович Баранцев, заслуженный артист республики. А Толя был моим близким другом детства, т. к. родился и жил в нашем доме в квартире, где жили мои дедушка и бабушка; мы и учились в школе в одном классе.

Игорь много мне рассказывал о своём дяде, о его духовном мире:

«Я был аспирантом, когда дядю арестовали, и это трагическое событие отразилось и на мне. Вызывали, расспрашивали, действительно я являюсь родственником врага народа...»

Игорь Юдин — проктолог, провёл многие успешные операции, которые спасли жизнь очень многим людям, был исключительно добрым, порядочным человеком, настоящим русским интеллигентом, преданным друзьям и внимательным к пациентам, прекрасным семьянином. И мне доподлинно известно, как Игорь пришёл ко Христу.

Это происходило постепенно. Только уже в преклонном возрасте Игорь стал регулярно посещать храм Спаса Преображения на Песках (он жил поблизости, в Денежном пер.), молиться, исповедоваться и причащаться. Духовным отцом и исповедником Игоря был протоиерей Александр Туриков.

А как пришёл к Господу наш замечательный проповедник, богослов и пастырь о. Александр Борисов, настоятель нашего храма? Атеистическая семья, биофак пединститута, диссертация по генетике, вдруг резкий жизненный поворот — в 33 года поступление в 4-й класс Московской духовной семинарии, затем дьякон, священник, настоятель храма.

Об этом о. Александр рассказывает:

«Уверовал я в 19 лет, произошло это как бы в один день, но явилось итогом всей прошедшей жизни. И здесь Промысел Божий. Я понял, что наряду с миром видимым существует мир невидимый, духовный, что своим бытием мир обязан Господу, что наша земная жизнь — лишь миг, и она должна быть посвящена духовному служению».

И далее о. Александр рассказывает, что на его дальнейшую судьбу повлияло близкое знакомство с семьёй Александра Меня:

«С Александром и его братом Павлом я дружил ещё в детстве, были соседями на Серпуховской улице... У них дома уже тогда была целая православная библиотека, и поэтому, когда меня заинтересовали вопросы веры, то мне было где взять необходимые книги. Но и в дальнейшем знакомство с Александром Менем оказало большое влияние на моё формирование, ведь христианство о. Александра Меня — это глубокая вера, полная любви и радости, ориентированная не на средневековье, не окаменевшая, а являющаяся источником вечного возрастания в познании Христа, Сына Божьего».

Мне посчастливилось работать вместе и дружить с Юрой Блохиным, братом о. Александра Борисова (в то время я этого не знал).

Это случилось так. После того как я, можно сказать, убежал из организации, где я много лет работал (о том, что произошло в этой организации, я поведаю далее), с 1969 года я работал начальником лаборатории в институте Госстандарта в Гранатном переулке.

В начале 1970 года сменилось руководство института: директором стал Евгений Алексеевич Панфилов, а его заместителем по научной

работе — Юрий Ильич Блохин. Оба — авиационные инженеры из авиационной фирмы — ОКБ «Наука».

Сразу общие интересы, корпоративное братство (я тоже авиационный инженер) сблизили нас, в особенности я сдружился с Юрой Блохиным, т. к. вместе работали в области создания систем классификации и кодирования информации.

Юра был блестяще эрудированным, высокопрофессиональным специалистом, кандидатом технических наук, крупным учёным, основоположником Единой системы классификации и кодирования технико-экономической информации (ЕСКК ТЭИ). Я же в то время создавал единую систему конструкторско-технологической классификации и кодирования (ЕСКК КД и ТД), включающую Классификатор ЕСКД и плеяду конструкторско-технологических классификаторов.

По внешнему облику Юра был элегантный, изящный, с тонкими благородными чертами лица, огромными глазами, быстрый в движениях, на лету схватывающий мысли собеседника. Так и чувствовалась в нём доброжелательность, неиссякаемая творческая энергия и целеустремленность.

Впоследствии выяснилось, что у нас с Юрой и общие духовные интересы. Частые беседы, совместные поездки на различные семинары и конференции, общая работа над научной проблемой ещё более сблизили нас (в то время это научное направление только зарождалось). В частных разговорах постоянно возникали религиозные темы: отношение к гонениям на Церковь, к православной вере, — но по многим причинам мы тогда были далеки от настоящей церковной жизни.

Постепенно Юра и, конечно, я всё более приближались к духовной жизни во Христе, но открыто исповедовать православную веру в то время для нас было немислимо из-за специфики работы.

Трудности у Юры начались после ухода из института Е.А. Панфилова в 1972 году (тогда же я со своими сотрудниками и тематикой по приказу Госстандарта был переведён во ВНИИНМАШ, где и работаю по нынешний день).

Трудности были следующие. Во-первых, Юра лишился поддержки своего друга Евгения Алексеевича. Тут же резко проявили себя завистники, как к наиболее успешному и талантливому творческому коллеге.

Во-вторых, Юре стали настойчиво предлагать вступить в ряды КПСС, зная, что Юра не мог на это согласиться, так как был уже глубоко верующим христианином. Как мне думается, это предложение делалось с заведомо провокационной целью. Всё вместе послужило причиной его отстранения от должности заместителя директора и перевода на должность рядового сотрудника. Однако, несмотря на наветы и все трудности, Юра продолжал оставаться в институте, так как любил свою работу и хотел видеть результаты своих плодотворных трудов.

Так как мы работали в смежных институтах Госстандарта, занимались практически одним и тем же делом, мы продолжали встречаться. Юра часто приезжал ко мне в институт и рассказывал о своих неурядицах, и я видел, как сильно он всё это переживает, совершенно незаслуженно. Я не хочу называть его недругов и гонителей, хотя знаю их. Пусть Господь будет им судьёй и простит их, неразумных. Я полагаю, что все эти обстоятельства повлияли

на ухудшение здоровья моего друга и в результате, к глубокой скорби родных и друзей, привели к его преждевременной трагической кончине.

Как мне стало известно значительно позже, Юра, уже тяжело больной, жил в семье своего брата о. Александра. И о. Александр вместе с матушкой Нонной трогательно за Юрой ухаживали и скрашивали его последние дни. Умер Юра глубоко утверждённым в вере, в вере в Господа нашего Иисуса Христа. Царствие ему Небесное!

Я храню написанные Юрой книги в области классификации и кодирования, подаренные мне с дружескими дарственными надписями. И они все время напоминают мне о светлой дружбе с замечательным человеком и о том, как мы вместе в те далёкие годы приближались к Господу нашему Иисусу Христу.

После окончания института (МАИ) в 1949 году я был направлен на работу в КБ по специальности (в области ракетных двигателей) и был зачислен на должность инженера-конструктора.

По-видимому, моя работа была достаточно полезна, и руководство продвигало меня по службе. Начиная с 1951 года, мне настойчиво стали предлагать вступить в ряды партии, т. к. к этому времени я работал ведущим инженером, и по тогдашнему установившемуся порядку «секреты» можно было доверить только членам КПСС. Я упорно сопротивлялся, но не потому, что знал, что папа — православный, а я окрещён, но потому, что какая-то внутренняя сила удерживала меня от этого поступка. В результате меня в 1952 году уволили, и я лишился интересной творческой работы. Другую работу я должен был найти в течение месяца, иначе пропадал непрерывный трудовой

стаж. Проблемой была и моя национальная принадлежность (в то время евреев изгоняли из всех закрытых организаций). Всем известно, какое это было непростое время, поэтому новую работу я нашёл с величайшим трудом, и пришлось начинать всё сначала. В этой организации я проработал по 1969 год, и рассказом о случае, который в ней произошёл, хочу поделиться.

Начал я опять с должности рядового конструктора; продвигаясь по должностной лестнице и не будучи членом партии, я испытывал определённые трудности. Мне опять настойчиво стали предлагать вступить в партию. И я опять упорно сопротивлялся. Когда я стал руководителем крупного комплекса, нажим усилился, мне прямо заявили, что если не вступлю в партию, то меня уволят. Я уже был семейным человеком, на моём попечении была тяжело больная мама, инвалид войны, я уже не мог думать только о себе, надо было зарабатывать на жизнь, чтобы кормить семью. При этом моя супруга должна была вот-вот родить, мама лежала в больнице с диагнозом рак ноги. И мне пришлось, как говорится, поступиться принципами и уступить. Ох, как тяжело далось мне это решение! Это произошло в 1961 году. Я держался 9 лет, но слаб человек, и это мой грех.

Мама моей жены Варвара Васильевна была глубоко, по-настоящему верующим человеком — соблюдала все посты, постоянно молилась в храме Всех Святых во Всехсвятском на Соколе. Варвара Васильевна, простая деревенская женщина, была удивительным — чистым и добрым человеком, наделенным чувством внутреннего благородства и народной мудрости. К моей маме, тяжело больной, Варвара Васильевна относилась как

к сестре, а ко мне — как к родному сыну, и я платил ей взаимностью. Мы были с ней, как говорится, не разлей вода. Она оказала огромное влияние на мое духовное становление. Где бы я ни был в командировке (где за мной не было такого, как в Москве, присмотра — а с лекциями и докладами я побывал во многих городах), пытался молиться в храмах; Варваре Васильевне всегда привозил то крестик, то иконку, то образок.

Также на мое духовное возрождение повлияла встреча с о. Александром Менем в начале 60-х гг., — правда, по печальному поводу. О. Александр отпевал в Новой Деревне в храме Сретенья дочь моего близкого друга, морского офицера Саши Комарова, жившего в то время в Тарасовке. Сначала литургия, беседа с о. Александром, отпевание, само богослужение, личность священника и вся аура храма произвели на меня оглушающее впечатление, я как бы вдруг проснулся от глубокого сна. Я понял, что о. Александр — необычный священник. Я стал интересоваться, кто он, и выяснил, что им написано много духовных книг. Я стал пытаться их достать, и мне дали почитать «Сына Человеческого». И всё. После этого я стал другим человеком. Я прочитал почти всё, написанное о. Александром. Многие книги хранятся в моей библиотеке.

Живя с 1967 года на Ленинградском шоссе вблизи Речного вокзала (в бывшем селе Аксиньине), я иногда с оглядкой приходил в храм Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине, где служил долгие годы о. Александр Борисов.

Так как я старый москвич и вырос в центре, мы с моим близким другом Игорем Юдиным каждую субботу или воскресенье совершали длительные пешие прогулки по переулкам и улочкам Белого города, любуясь изяществом и благородством

архитектуры чудом уцелевших старинных зданий, особнячков и особнячков, вдыхая неповторимый аромат уходящей в небытие старой московской жизни.

Обязательно заходили во встречающиеся на пути храмы, чтобы помолиться, и в храмы на Таганке, где до переворота в собственном доме жили родители Игоря и где он родился в 1923 году, и в Высокопетровский монастырь, который постепенно восстанавливался, и, конечно, в храм свв. бесср. Космы и Дамиана в Столешниковом переулке, где меня окрестили. Но это было нерегулярно.

Однако что-то тянуло меня в этот храм, и я стал приходить всё чаще уже без Игоря, в свободное время, не к началу Божественной литургии, а позже, постояю тихонько, помолюсь и уйду. Я считал себя недостаточно подготовленным, недостойным принять непосредственное участие в богослужении, подойти к священнику для исповеди и, тем более, прикоснуться к Святым Дарам.

Где-то начиная с 2003 года я стал приходить в храм на литургию почти каждое воскресенье, но не исповедовался и не причащался. Стал ещё более активно изучать библейские тексты, Святое Евангелие, литургические каноны, читать книги митрополита Антония Сурожского, отцов Иоанна Мейендорфа, Георгия Чистякова и других богословов, постоянно стал читать журнал «Истина и Жизнь».

Огромное впечатление произвели на меня дневники о. Александра Шмемана, поразительно откровенная книга отца-настоятеля Александра Борисова «Добро и зло в нашей жизни», и, конечно, проповеди. Проповеди великого проповедника и великого богослова, поистине святого чело-

века, Георгия Чистякова проникали прямо в душу, очищая от всякой скверны. До сих пор так и звучит в моих ушах проникновенно-вдохновенный голос, постоянно повторяющий: «Боже, очисти меня грешного!», «Боже, очисти меня грешного!»

Назидательные, наполненные глубоким смыслом проповеди о. Александра Борисова, поучительные и разъясняющие проповеди отцов Иоанна Власова и Александра Кузина приближали меня к пониманию существа Святого Евангелия, проповедей Господа нашего Иисуса Христа.

Большую роль в становлении моей духовной церковной жизни сыграли теперь уже мои очень близкие друзья, тепло принявшие меня в свою среду как брата, прихожане Светлана Лукьянова, Елена Пращицкая и Владимир Крупецков, Ольга Ривкина, Елена Пастернак и служители храма Георгий Колосов, Константин Семёнов и, конечно, незаменимая, за всем приглядывающая Ирина Богомолова. За всё им моя огромная благодарность. Да хранит их Господь многие, многие лета!

Вдруг совершенно неожиданно в одной из бесед с о. Александром Борисовым выяснилось, что в 1970-е годы я несколько лет работал с его братом Юрой Блохиным, что мы были с ним близкие друзья, соратники на ниве построения систем классификации и кодирования информации. В храме же я встретил Романа Харитонов, моего друга и бывшего коллегу, который также работал в эти годы и позже вместе с Юрой Блохиным. Оказалось, что его сын дружит с дочерьми о. Александра.

Постепенно, незаметно о. Александр стал для меня духовным пастырем, а я его недостойным чадом.

И всё это не могло быть случайным совпадением. На все воля Божия. Воистину пути Господни неисповедимы!

Вот так постепенно, шаг за шагом, с помощью священников и поддержкой моих друзей я приближался к пониманию священного Слова Божия и, наконец, стал постоянным и верным прихожанином нашего благословенного храма, где меня когда-то окрестили — много, много лет назад.

И другого я не мыслю.

В этих заметках я хочу рассказать об одном из путей, которые приводят человека к Господу нашему Иисусу Христу, человека, полностью отрицающего Бога, более того, профессионально занимающегося антирелигиозной пропагандой.

Припоминаю случай, произошедший в начале 60-х годов с сотрудником предприятия, где я тогда работал. Это была закрытая крупная организация, (так называемый, почтовый ящик — п/я), занимающаяся научными исследованиями и практическими разработками в области военной техники.

В организации был строгий режим. Сотрудники, приходя на работу, получали в проходной пропуск, который сдавали, уходя домой. При этом отмечалось время прихода и ухода. Только у крупных руководителей были особые пропуска, которые они носили с собой.

В этой организации в начале 1960-х годов я уже работал руководителем достаточно крупного комплекса.

Приходил я на работу к девяти часам, как все сотрудники, и работал допоздна — до десяти, одиннадцати часов вечера. Приходилось часто работать в субботу и воскресенье. Постоянно проводились технические совещания, обсуж-

дения различных научных и практических проблем, совещания перемежались бесконечными партийными, комсомольскими и профсоюзными собраниями на различных уровнях управления.

Так работали почти все руководители подразделений института. Рядовые и среднего уровня сотрудники в соответствии с режимом должны были покидать институт в 18 часов. Рабочие работали посменно.

Подобным образом работали во всех достаточно крупных научных, опытно-конструкторских и заводских подразделениях всех оборонных организаций и предприятий страны. Поэтому велика была заболеваемость и смертность среди руководителей от инфарктов, инсультов, переутомления. Но даже при таком режиме некоторые особенно талантливые сотрудники, успевали защитить кандидатские и докторские диссертации. Также и в нашем институте, где была аспирантура и докторантура.

Грубость процветала сверху донизу, особенно этим отличалось высокое начальство. С людьми практически не считались, человеческий материал был дешёв.

Например, наш генеральный директор, находясь где-то в высших сферах, звонил вечером и говорил:

— Не расходитесь, ждите меня, я приеду и дам поручения.

Мы собираемся и ждём. Часов в десять или одиннадцать вечера раздаётся звонок, и бодрый голос Николая Степановича сообщает:

— Я уже дома, на работу не приду, можете расходиться по домам.

Кстати сказать, он жил рядом с институтом — в пяти минутах ходьбы. Иногда, правда, очень

редко, я уходил пораньше. На следующий день утром раздавался звонок секретаря:

— Вас требует генеральный.

Захожу в кабинет, Николай Степанович в позе мученика спрашивает:

— Я вчера был на территории вечером, ни одной собаки не нашёл, заходил к тебе, свет погашен, никого не нашёл; где ты был?

Я переспрашиваю:

— Николай Степанович, в котором часу это было?

Он отвечает:

— Наверно, часов в десять или одиннадцать.

Я начинаю оправдываться. Однажды я не выдержал и на его вопрос неожиданно ответил:

— Дома я был, дома!

Надо было видеть его удивлённое и расстроенное лицо, как будто я нанёс ему личное оскорбление. Его начальствующий ум не мог себе представить, что у людей есть личная жизнь, семья, друзья, что, кроме работы, есть ещё что-то.

Несомненно, Николай Степанович был талантливым человеком, крупным организатором. Мало-значущий институт он превратил в крупный научно-исследовательский и проектно-конструкторский центр, монополиста в разработке определённого вида техники, имеющий филиалы и лаборатории по всему Советскому Союзу.

Поговаривали, что у него родственники в высших органах власти. Однако это не давало ему права грубо вести себя с подчинёнными, правда только с руководителями (своими заместителями, начальниками отделов и лабораторий). С рядовыми же сотрудниками института, с рабочими он вёл себя очень вежливо, многих знал в лицо, называл по именам и фамилиям, со многими был на ты, сло-

вом, вёл себя как добрый и заботливый дядюшка. Николай Степанович был тонкий политик.

Однако в этих воспоминаниях я хотел рассказать об одном из путей, приведших человека к Господу нашему Иисусу Христу. Но мне хотелось показать среду, в которой происходили описываемые далее события.

В одном из подчинённых мне отделов работала чертёжница (помощник конструктора) Валентина Капунова, красивая молодая девица, стройная, сероглазая, улыбчивая блондинка, очень обаятельная. Одновременно она училась в ВЗПИ (Всесоюзный заочный политехнический институт), один из факультетов которого располагался на территории нашего института.

Валентина была активной комсомолкой, вела большую общественную работу, входила в элиту комсомольской организации, в то время насчитывавшей несколько тысяч человек. Вскоре после окончания вуза Валентина была избрана освобождённым секретарём комсомольской организации и возглавила комитет комсомола, так что она даже не успела поработать на инженерной должности. Однако отношений со мной как со старшим товарищем она не прервала, часто приходила посоветоваться по различным вопросам и просто поговорить.

Комитет комсомола, естественно, работал под непосредственным руководством партийного комитета. Он состоял из нескольких подразделений, в том числе отдела антирелигиозной пропаганды (такие подразделения были во всех без исключения комсомольских организациях Советского Союза). Этот отдел возглавлял физик-теоретик, заведующий научно-исследовательским сектором, окончивший

в своё время физтех, умный, деловой и весьма эрудированный молодой человек, обладавший при этом ораторским талантом. Назовём его Р.

Он серьезно относился к порученной ему общественной работе, настойчиво и упорно изучал религиозную литературу, которую каким-то образом где-то доставал (как известно, ни Библия, ни Новый Завет, ни какая-либо серьёзная религиозная литература в Советском Союзе не издавалась, на прилавках магазинов таких книг просто не было).

Под его руководством, в связи с этим, антирелигиозная пропаганда в нашем институте, да и среди местного населения, которое входило в наш избирательный округ, была поставлена, как говорится, на широкую ногу (или находилась на должной высоте).

Проводились лекции, беседы, слёты и т. п. на темы марксистско-ленинской идеологии, диалектического материализма, где, конечно, не было никакого места для Бога. Всё это стройно аргументировалось внешне логическими построениями в терминах и понятиях, присущих тогдашней антирелигиозной литературе.

Слава о нашем комсомольском отделе антирелигиозной пропаганды разнеслась по всему району, достигла руководителей райкома комсомола и даже райкома партии. К нам приезжало много проверяющих инспекторов, все хвалили работу комитета комсомола, хвалили Валентину и, конечно, Р., которого награждали различными грамотами и призами. В порядке обмена опытом постоянно приезжали представители других комсомольских организаций.

Это произошло в начале 60-х годов прошлого века. Вдруг, в один прекрасный день, буквально

врывается ко мне Валентина, очень возбуждённая, с широко раскрытыми глазами, какая-то потрясённая и чем-то панически расстроенная, плюхается на стул и говорит, почти плача:

— Помогите мне, случилось нечто ужасное!

Я недоуменно, поддаваясь её настроению, спрашиваю:

— Что, что случилось? Успокойся и расскажи, в чём дело.

Валентина, заклёбываясь, вся в слезах не может вымолвить ни слова. Наконец она прошептала:

— Р. написал заявление, что выбывает из комсомола в связи с тем, что крестился в православную веру. И положил мне на стол комсомольский билет.

Я Р. хорошо знал и поэтому был ошарашен. О том, что мой отец был православный и что я в младенчестве был окрещён, на работе не знали. Но это в нашей семье тщательно скрывали, и долгое время об этом я и сам не знал. Я думаю, что родители меня оберегали от опрометчивых поступков (кстати, я был окрещён в декабре 1926 года в нашем храме свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине).

Да, такие тогда были времена... Остаётся только скорбеть и горько горевать.

Я внимательно на неё посмотрел и спросил:

— Валя, что же ты от меня хочешь?

Она:

— Поговорите с ним, разубедите, вы представляете, какой разразится ужасный скандал и какой пример всем остальным комсомольцам. Как мне быть?

По её трагическому поведению можно было представить, что творится в её душе, какая чудовищная тяжесть обрушилась на её голову, рухнул

весь её мировоззренческий мир. И кто же всё это сделал? Человек, от которого она меньше всего могла этого ожидать.

Я сначала опешил, потом, подумав, сказал ей, что не вправе отговаривать Р. от выбранного им пути, и что я, впрочем, недостаточно компетентен в богословских вопросах. Это дело идеологов марксизма-ленинизма, комсомольских и партийных деятелей. Но в душе почему-то, не отдавая себе отчёта, я ощутил не разочарование, а какое-то облегчение и даже, можно сказать, гордость за Н., что он открыто заявил о своей вере.

Валентина грустно сказала:

— Теперь такой поступок немедленно станет известен райкому комсомола и райкому партии. Лучше мне самой сообщить им об этом.

И она ушла. Потом мне стало известно, что райкомовские и партийные идеологи много раз разговаривали с Р., пытались убедить его, что Бога нет, что всё это выдумки попов, и пр. и пр. Но главное, что их возмущало и ставило в тупик, это то, что человек объявил о своём крещении открыто, заявил, что он глубоко уверовал в Богочеловека Иисуса Христа, что Библия, Евангелие — богооткровенные, боговдохновенные книги, близкие его сердцу.

Никакие аргументы не могли переубедить Р. Но оказалось, что эти люди, мнящие себя философами, пропагандистами безбожия, материалистической идеологии, марксистско-ленинской теории, слабо себе представляли предмет христианского вероучения да и свои теории; все они оказались недалёкими, полуграмотными людьми в этих вопросах.

Выходит, эти люди занимали такие посты в руководстве партии и комсомола по недоразумению,

случайно. И чему они могли научить рядовых членов КПСС и ВЛКСМ? Впоследствии, общаясь с секретарями парткомов, райкомов партии и другими деятелями, не говоря уже о комсомольских работниках, я убедился в их полной беспомощности и некомпетентности в вопросах религии.

И поэтому искусственно нагромождённая, чудовищная пирамида немедленно распалась после краха Советского Союза. Вдруг все бывшие партноменклатурные работники стали верующими, даже руководители и сотрудники многочисленных кафедр марксизма-ленинизма при учебных заведениях всех уровней.

Но это уже другая история.

Научное и партийное руководство института (в то время в подобных организациях человек не мог занимать руководящую должность, не будучи членом КПСС либо, в крайнем случае, членом ВЛКСМ) стало обсуждать, что делать с Р., как он может выполнять работу физика-теоретика, не опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма.

Просто уволить? Формально нельзя, нет закона о том, что верующий не может работать на оборонном предприятии. И кто-то из макиавеллистов придумал: а давайте ограничим Р. доступ к материалам. Под каким предлогом? А под предлогом того, что теперь Р., будучи православным, будет ходить на исповедь к священнику и может выболтать ему государственные секреты, несмотря на то, что он давал соответствующую подписку о неразглашении. Так и поступили. И молодой талантливый физик, заведующий научно-исследовательским сектором, вынужден был уволиться, потерял интересную творческую работу, хотя занимался важными научными

исследованиями, необходимыми институту, и даже писал кандидатскую диссертацию по утверждённой Учёным советом теме.

Можно себе представить, что переживал, пережил Н. за это время гонений. Практически рухнула в одночасье его жизнь, карьера, он лишился любимой, интересной работы, привычной обстановки. Но зато он приобрёл Господа, который вёл его по жизни и помог всё это преодолеть. Ходили слухи, что Р. имел, наряду с библейской литературой, публикации некоего священника Александра Меня, мало тогда известного в широких кругах. Возможно, что и они, в том числе, повлияли на решение креститься, чтобы быть ближе к Господу нашему Иисусу Христу. Был ли он знаком с о. Александром, я не знаю. Многие, многие люди пришли к Господу под впечатлением боговдохновенных книг о. Александра и личного с ним общения.

Дальнейшая судьба Р. мне неизвестна. Валентина же получила строгий выговор с занесением в личное дело. За что? За то, что проглядела, своевременно не приняла меры (какие?), не заставила взять заявление обратно или что ещё? В выговоре было кратко сказано: «За утрату бдительности к идейным противникам».

Вот такая история.

Теперь на оборонных предприятиях России работает много верующих людей каких угодно исповеданий: православных, католиков, баптистов, мусульман, иудеев и др., они посещают церкви, мечети, синагоги, и никто не препятствует их работе под предлогом общения со священнослужителями. И всё нормально.

Так что это было? Помутнение разума, неосветная глупость либо что ещё похуже? Трудно

признать, что мы более 70 лет жили в мире нелепых иллюзий, отгородясь от всего остального мира. И до сих пор пожинаем горькие плоды. И ещё долго, долго будем их пожинать.

Я эти воспоминания написал, имея в виду, что такие случаи были, наверное, и в других местах, когда отдельные честные и порядочные люди не скрывали своих верований, своих убеждений, и многие за это пострадали. И я радуюсь за них и печалюсь.

Горячо надеюсь, что Р. впоследствии работал нормально. И, конечно, Господь, наш Спаситель, был на его стороне, споспешествовал ему, был всё время рядом.

С искренней молитвой о здравии всех, кто прочитает эти строки.

Храни Вас всех Господь.

Р. S. Когда я попросил прочитать эти воспоминания о. Александра Борисова, он воскликнул: «Да это Лев Львович Регельсон. Он потом начал писать богословские книги!» И действительно, «зайдя» в интернет, я прочитал о нём. Там же в своей краткой автобиографии Лев Львович описывает этот случай, и действительно его окрестил о. Александр Мень. Пути Господни неисповедимы.

О ДОБРЕ И ЗЛЕ

*Способность чувствовать то,
что чувствует другой,
и отозваться на боль другого,
будто это ты сам.*

Митр. Антоний (Блум)
в книге о. Георгия Чистякова
«На путях к Богу Живому»

Перечитывая, уже в который раз, замечательную боговдохновенную книгу мною глубоко почитаемого прот. Александра Борисова «Добро и зло в нашей жизни», я вспомнил один из эпизодов моей жизни, когда я на зло ответил добром.

В 80-е годы в нашем институте работал начальником крупного подразделения некто Н. Он также занимал большой общественный пост — был заместителем председателя профсоюзного комитета. Был он человеком недобрым, амбициозным, конфликтным, неприятным в общении, с коллегами не дружил, с мнением других людей не считался. Его сотрудники долго у него не задерживались, их он просто угнетал. Слава Богу, наши служебные интересы не пересекались, но в тех редких случаях, когда мы должны были что-то сделать вместе, после общения с ним оставался неприятный осадок. На всё и на всех у него была какая-то органическая злость.

Известно, что Н. вырос в полноценной семье, у него были и папа, и мама. Мне неизвестно, кто таким воспитал Н., в какой среде он вырос, но, полагаю, что далеко не в религиозной семье. Иначе откуда всё это? Однажды, избираясь куда-то вверх, он на собрании коллектива подвергся честной, нелицеприятной критике коллег. Однако, когда была включена «машина голосования» все, в том числе и те, кто его критиковал, кто всегда в кулуарных беседах осуждал его поведение, проголосовали «за». Как всегда в то время, всем было «всё до лампочки», поговорили, побазарили, а голосовали, как всегда, «за». Единственный голос, поданный «против», единственная рука, поднятая «против», была моя.

Н., оглядев орлиным взглядом зал, естественно, заметил мою поднятую одинокую руку. Конечно, мой одинокий голос «против» не мог повлиять на результаты голосования, и его избрали, но Н. это запомнил и с этого момента он начал мне мелко пакостить, где мог.

Например, в те времена было положение о том, что в научно-исследовательском институте каждые пять лет научный сотрудник должен был проходить конкурс, подтверждающий его компетентность на занятие должности заведующего научно-исследовательским отделом, сектором и т. д. Конкурсная комиссия состояла, как правило, из членов Учёного совета института, в которую, кроме учёных, входили представители дирекции, парткома КПСС, профкома, комитета комсомола — всего 25 человек.

Многие годы я занимал должность заведующего научно-исследовательским сектором, пользуясь большим уважением, члены Конкурсной комиссии всегда единогласно подтверждали

мою компетентность и высокий профессионализм как специалиста. Но на этот раз несколько членов комиссии (три человека) высказались против.

Видимо, Н. очень постарался и смог очернить меня в глазах трёх членов Комиссии. Конечно, 22 голоса против трёх, такое голосование не повлияло на моё избрание, но многих этот случай удивил. Были и другие неприятные моменты. В моё отсутствие («за глаза») злословил на меня, пытался опорочить в глазах моих коллег и друзей. Я старался не обращать на это внимание, так как чувствовал себя уверенно, пользовался уважением, но всё-таки это было не совсем приятно.

Вскоре Н. вынужден был уволиться из института из-за неблагоприятной обстановки, которая сложилась в силу его, мягко выражаясь, неуживчивого, претенциозного характера.

Прошло несколько лет.

В начале 80-х годов под моим руководством и непосредственном участии была завершена крупная научно-техническая разработка — созданы государственный Классификатор изделий машиностроения и приборостроения и государственный Стандарт по системе обозначения изделий и конструкторских документов, которые должны были быть реализованы во всех организациях и предприятиях промышленности в соответствии с постановлением правительства и приказами в каждом ведомстве. Тогда это было так.

Поздней осенью 1982 или 1983 года, точно не помню, вдруг раздаётся звонок телефона. Звонит Н. и говорит, что он работает начальником подразделения крупного машиностроительного

завода, и им предписано министром реализовать эти Стандарт и Классификатор, и он просит принять его и проконсультировать. Чувствую, что он напряжён, нервничает, по-видимому, ожидая от меня отказа в грубой форме. Видно, до этого Н. пережил много неприятных минут, преодолевая своё нежелание обратиться ко мне. Но необходимость получить квалифицированные советы заставила его преодолеть свою антипатию и возможные неприятные последствия своих попыток наладить со мной контакт.

Я уже хотел было нагрубить ему, как вдруг меня что-то осенило, как будто Божья благодать коснулась меня, словно сам Господь заглянул мне в душу, и я, преодолевая сопротивление, самым вежливым тоном пригласил его приехать, сказав, что внимательно выслушаю его и окажу необходимую помощь. В телефонной трубке «послышалось» долгое молчание, потом облегчённый вздох, и тихо-тихо трубка была положена.

В назначенный срок Н. приезжает, заходит в мою комнату, здоровается и, по моему приглашению, садится напротив меня. Гонора как не бывало, на лице растерянность. Чувствуется, что человек напряжён, ожидает какого-либо подвоха — что я специально его пригласил, чтобы грубо с ним поступить, может быть, даже выгнать, то есть каким-то образом ему отомстить.

Но Божье Провидение продолжало мною руководить. Со всей благожелательностью, на которую был способен, я внимательно выслушал его, и самым вежливым тоном стал объяснять положения Системы, подробно отвечая на его вопросы, давая при этом рекомендации, как наиболее успешно эту сложную Систему можно было бы реализовать на заводе.

Знаете, мне даже стало как-то неловко наблюдать изменения в поведении Н. во время нашей беседы. Чувствую, что в голове Н. крутятся разные мысли, идёт бурная работа сознания, когда же он (то есть я) нагрубит, когда же, наконец, начнётся его унижение. И когда, к его удивлению, этого не происходит, в сознании у Н. на моих глазах происходит трансформация. Как же, он сделал столько пакостей человеку, а в ответ получает доброе отношение! Такое поведение не укладывается в его голове, противоречит его жизненным принципам: что на зло надо отвечать злом, — и это ставит его в тупик. И вот в таком душевном состоянии он меня благодарит и в недоумении покидает комнату. Потом он мне звонил несколько раз, уточнял некоторые вопросы.

Через некоторое время звонит Н., а уже была зима, и очень любезно приглашает меня приехать на завод встретиться с руководством и договориться о проведении цикла лекций для руководства и инженерного состава завода (разработчиков, конструкторов, технологов и других сотрудников).

Я согласился. В то время у меня была машина, и я на ней ездил и зимой, и летом. На машине в назначенное время я подъехал к заводу. Н. меня встречал на улице, а мороз был достаточно чувствителен, присутствовал при оформлении пропуска, затем проводил к руководству завода, представил меня и активно участвовал в беседе. Я почувствовал изменения в его поведении, он стал менее резок в своих суждениях, амбициозность и злость исчезли, и, в общем, он стал как-то мягче, спокойнее.

Когда он взглядывал время от времени в течение беседы на меня, по его лицу пробегала

какая-то тень, взгляд его становился как бы недоумённым, вопрошающим. Такое сложилось у меня впечатление, будто он молчаливо вопрошал меня о чём-то. Мне показалось, что он постоянно переживает либо оценивает своё поведение.

Впоследствии, когда я в течение нескольких месяцев посещал завод, проводя занятия с коллективом (регулярно два раза в месяц в заводском актовом зале собиралось около двести человек, сотрудники различных отделов и руководители разного ранга, была строгая дисциплина, журнал посещаемости, и всё это организовывал и контролировал Н.), я обратил внимание на его отношения с коллегами, на отношения коллег к нему.

Человека как будто подменили, не было ни заносчивости, ни язвительности, не было безапелляционных заявлений. Он вёл себя почти доброжелательно. Каждый раз, когда я приезжал на завод, он встречал меня в проходной и провожал как лучшего друга. И потом Н. много раз звонил мне, спрашивал совета по различным техническим вопросам. Конечно, близкими друзьями мы не стали, но доверительные и дружеские отношения наладились и продолжались всё время, пока Н. работал на заводе.

Божья искра, которая надоумила меня на зло ответить добром, коснулась и Н., проникла в его сердце, совершила переворот в его душе и изменила поведение.

Я тогда не особенно задумывался об истинном источнике добра и любви. Но независимо от нас Господь наблюдает за нами, касается нас Своей благодатью, и, наконец, приходит озарение, и добрый поступок приносит свои благодатные

плоды, желаем ли мы этого рассудком или не желаем.

Потом ещё несколько раз при общении с коллегами, знакомыми, родственниками, когда я пытался добром и лаской ответить на грубость, причинённые мне неприятности, не держать, как говорится, на них зла, то в результате люди смягчались, становились не такими агрессивными, более доступными.

С течением лет, становясь всё опытнее, мудрее, при общении я старался в каждом человеке отыскать доброе начало.

Только потом я полностью осознал, что большой моей личной заслуги в этом нет, что мной руководила Божья воля, всё от Бога — Господа нашего Иисуса Христа, что Бог это Любовь.

А если бы я раньше поступал по велению Божьему? И другие также? Можно было бы избежать множества конфликтов. И тут, мне кажется, вполне уместно вспомнить строки нашего современника иеромонаха Романа (Матюшина):

Без Бога нация — толпа,
Объединённая пороком,
Или слепа, или глупа,
Иль что ещё страшней — жестока.
И пусть на трон взойдёт любой,
Глаголющий высоким слогом,
Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу!

Но есть и другая крайность «борьбы со злом», когда при этом о добре забывают.

И об этом вполне справедливо и почти пророчески записал в своём дневнике 17 апреля 1978 года протопресвитер Александр Шмеман.

Он написал:

«Пафос нашей эпохи — «борьба со злом» — при полном отсутствии идеи или видения того «добра», во имя которого борьба эта ведётся. Борьба, таким образом, становится самоцелью. А борьба как самоцель неизбежно сама становится злом. Мир полон злых борцов со злом! И какая же это дьявольская карикатура... Теперь даже верующие и, может быть, больше всего именно верующие, знают только «зло» и не понимают, что террористы всех мастей, о которых каждый день пишут газеты — продукт вот такой именно веры, это от провозглашения борьбы целью и содержанием жизни, от полного отсутствия сколько бы убедительного опыта добра».

По-моему, лучше и не скажешь. Воистину пророческие слова.

С искренней молитвой о здравии всех прихожан и причта нашего Храма.

Храни вас всех Господь!

О СЕБЕ И РОДНЫХ

Мои детские воспоминания начинаются с раннего возраста — мне было полтора или два годика, когда я чуть не погиб. Папа, придя поздно с работы, уставший, перед ужином решил немного подремать на диване. Он, не зажигая света, взял мягкую подушку и привалился к спинке дивана, где я лежал и во что-то тихо играл, прижал меня, а мама в это время на кухне готовила поздний ужин. Папа уже тогда плохо видел. Мама каким-то шестым чувством ощутила мертвящую тишину (это из коммунальной кухни!), как пуля влетела в комнату с воплем:

— Где ребёнок?

И буквально вытащила меня, полузадохнувшегося, из-под папы.

Научился я читать очень рано, с трёх с половиной лет и так пристрастился к чтению, что в четыре года я уже прочитал все детские книжки и взялся читать взрослые, конечно, мало что в них понимая.

Однажды, где-то в это время случился «кризис жанра», детские книжки мне надоели, и я их все порвал. Мама, придя с работы и увидев пол, весь усыпанный листками книг, пришла в ярость и надавала мне тумаков. Успокоившись, она долго мне втолковывала, что книжки рвать нельзя, с ними обращаться нужно бережно, в них заключена вся Божественная и человеческая мудрость.

Урок я запомнил на всю жизнь и всегда относился к книгам необыкновенно почтительно, с тех пор прочитал тысячи книг, всю отечественную и зарубежную классику, историческую литературу, «толстые» журналы, «Ниву», даже весь энциклопедический словарь «Брокгауз и Эфрон» (у папы была неплохая библиотека, которая почти полностью пропала во время войны) и даже те книги, которые прятали от меня, в том числе «Закон Божий».

Отечественную классику я прочитал до семи лет, а остальную массу книг до пятнадцати лет. Считать и писать я научился, примерно в то же время, что и читать. Так что, когда я пришёл в школу, то в первом и втором классах я баловался на уроках, неряшливо писал и содержал тетради, в связи с чем получал плохие отметки. Но с третьего класса до окончания средней школы учился отлично и постоянно получал Похвальные грамоты (до сих пор хранятся в семье), хотя родители помогали мне мало, так как постоянно были заняты, а во время войны — вообще отсутствовали.

Второй раз я чуть не погиб, когда мне было около трёх с половиной лет.

У нас в квартире в коридоре, около парадной двери было большое окно, выходящее во двор. Между двойными рамами было значительное расстояние — 35–40 см (надо сказать, что высота от пола до потолка в наших комнатах было около 4,5 метров), ограниченное двумя порожками. У меня была детская деревянная коляска с деревянными колёсами. Однажды я и Толя Баранцев, играя у меня, взгромоздили эту коляску на подоконник между рамами окна. Окно во двор было открыто, уселись в коляску друг против друга

и, отталкиваясь от противоположной стенки, катились и заливались смехом, ничего вокруг не замечая. Эту картину случайно увидела тётя Шура, наша соседка по дому. Она не стала нам кричать, а поднялась на четвёртый этаж, тихонько своим ключом открыла парадную дверь. Схватила нас за рубашки, и мы вместе с коляской вывалились в коридор. Тётя Шура была пожилая женщина, уже не работала, и мама просила её иногда присматривать за мной, так как целыми днями, как врач, занималась другими детьми, то принимая их в поликлинике, то до позднего вечера посещая по вызовам на дому.

В третий раз я чуть не погиб в пятилетнем возрасте. Наш двор представлял из себя большое кольцо, так как в центре двора был расположен шестизэтажный корпус.

Во двор из основного и центрального корпусов выходило шесть чёрных выходов из подъездов. В квартире было два входа (выхода) — из парадной двери и из кухонной двери. Кроме того, во двор выходили подъезды множества торговых точек и складов. Было где разгуляться детворе. Целые дни разновозрастные мальчишки и девочки проводили во дворе, дворовая жизнь была ключом, разнообразные игры, компании по интересам, стычки, любовь, дружба, ревность, т. е. всё то, что сопровождает человеческое общение.

Однажды, когда мне было пять лет, группа подростков почему-то облила меня бензином, гонялась за мной по всему двору, зажигая спички, чтобы меня поджечь. Я убежал от них со всей возможной скоростью, до конца не осознавая, какая мне грозит опасность, думая, что это игра. Случайно увидев это, тётя Шура бросилась за нами, догнала меня и буквально выхватила из

шайки веселящихся подростков, надавав им подзатыльники, тем спасла от жуткой трагедии. Видимо сам Господь приставил её наблюдать за мной. Моя благодарность ей вечная, Царствие Небесное добрейшей душе — тётке Шуре.

До семилетнего возраста во дворе меня все обижали, щипали. А я, довольно крепкий мальчик, отходил в сторону, убегал, а потом долго и горько плакал. Когда я приходил домой заплаканный и весь в синяках, родители меня спрашивали, в чём дело, мне было стыдно признаться в этом, я пытался уклониться от ответа. Когда же они вырывали у меня признание, то я получал противоречивые наставления и советы.

Мама говорила, что я поступаю правильно, надо быть выше всего этого, всем прощать, не ввязываясь в драки, потому, что это не хорошо.

Папа же говорил, что надо не давать себя в обиду, быть смелым, иначе потом в жизни мне будет тяжело, надо всегда поступать по справедливости и даже заступаться за слабых, за тех, кого обижают. Видимо, до какого-то времени наставления мамы брали верх в моей душе.

Но одажды, когда ко мне подошёл очередной мучитель (это был Толя Баранцев — будущий ведущий артист театра им. Моссовета, заслуженный артист Республики), я вспомнил наставления папы, и в ответ на его приставания я его сильно оттолкнул от себя, он упал и заплакал, я его поднял и сказал, что он теперь почувствовал на себе всё, что испытывал я. Я долго потом с ним разговаривал. Когда в следующий раз очередной мучитель попытался меня ущипнуть, я также неожиданно для него оттолкнул его, он упал и заплакал. И я повторил ему те же слова. И так несколько раз.

Я осмелел, почувствовал, что только личный пример поведения в сочетании с благородством (толкнул-поднял) будет иметь успех во дворе. Сверстники, да и дети постарше стали меня уважать, даже советоваться со мной, слушать мои рассказы (я много читал и поэтому знал много интересных историй).

Многие мои бывшие мучители, стали близкими друзьями, в том числе и Толя Баранцев. Эта манера поведения сохранилась у меня на всю жизнь, многим родственникам, своим друзьям и коллегам и даже недругам я в сложные моменты жизни всегда приходил на помощь: то в трудоустройстве, то в личной или семейной жизни, то во время болезни.

Я пытался жить по принципу: иметь больше друзей. Даже недруг станет другом, если отнестись к нему по-хорошему.

Мне приходилось наблюдать несколько случаев, когда мой недруг или идеологический противник через некоторое время был вынужден обратиться ко мне по указанию начальства, или в связи с обстоятельствами и, ожидая в ответ резко неприязненное заслуженное отношение, вдруг чувствовал благожелательность, желание искренне ему помочь. Он всё время чувствовал какой-то подвох, вёл себя настороженно, думая, что в какой-то момент я раскроюсь и отвечу ему грубостью, отомщу ему.

Он никак не мог поверить, что я искренен и не хочу сатисфакции. Такое моё поведение его потрясало, давало больший эффект, чем если бы я на него накричал или попросил удалиться. Некоторые из этих людей становились впоследствии моими друзьями, другие резко изменяли своё отношение ко мне.

Так я на практике применял заповедь Господа нашего Иисуса Христа: «Возлюби ближнего своего как самого себя».

Действительно, любовью можно достигнуть большего, чем ненавистью.

Если бы люди старались жить по библейским заповедям, то, как говорится: «Был бы мир на земле и в человецах».

Мне вспомнился ещё один эпизод из детства.

Я и Толя Баранцев, нам было по восемь лет, окончили первый класс, сдали учебники и получили за них по 80 или 90 копеек (в нашем доме рядом с моим подъездом располагался магазин «Техническая книга»). Это был субботний день. Мы сели на трамвай, он в то время ходил по Петровке, и доехали до Зоопарка. По нашим понятиям, это были огромные деньги, поездка в трамвае стоила 2 копейки. Конечно, ничего не сказали родителям, или забыли, или специально.

Там мы погуляли вволю, всласть поели мороженого и других всяких сладостей: «вату», вафли, конфеты и т. д. Обошли все вольеры с животными: зверями, птицами, пресмыкающимися, кормили их, долго стояли у слонов, жирафов, львов, обезьян, гиппопотамов и даже ездили на маленьких лошадках-пони. Не заметили, как стемнело.

Решили возвращаться, а денег нет. Все израсходованы. Не долго думая, мы пошли пешком вдоль трамвайных путей. А в это время в наших квартирах началась паника — мальчики не вернулись из школы, где они? Я уже упоминал, что в квартире, где жили Баранцевы, проживала моя бабушка, поэтому нас быстро вычислили. Начались поиски, звонки другим родителям, обращение в милицию.

И вот поздно вечером мы ввалились домой, уставшие, озябшие, голодные и напуганные, но полные впечатлений. Родители даже не могли себе представить, что тихие, как они думали, мальчики выкинули такой фортель, конечно, были обозлены и, не мудрствуя лукаво, начали нас колотить, вымещая на нас всё своё беспокойство и тревогу.

Это вместо того, чтобы нас пожалеть, обогреть и накормить! Экзекуция проходила одновременно, но в разных квартирах, она нам запомнилась надолго. Может быть, они были правы, наши родители? Как иначе оценить поступок восьмилетних малышей, вдруг исчезнувших из дома, принесших столько тревог? Эх, бесшабашные мальчишки.

Ещё о детстве.

Мама имела вторую специальность — врач-фтизиатр (туберкулёзник). В этом деле она была крупным специалистом. Курортное управление наркомата здравоохранения имело в своём распоряжении специализированные санатории, в том числе и в Башкирии, где лечили больных кобыльим сквашенным и взбитым молоком (кумысом). Он эффективно помогал бороться с болезнью (уничтожал палочки Коха, либо прекращал их рост).

Она была уникальным специалистом по наложению первичного пневмоторакса (это когда в плевру вводится через иглу воздух, образуется воздушный пузырь, который зажимает каверну, она во время дыхания не работает, поэтому или это место зарубцовывается — излечивается, либо не развивается, не увеличивается каверна). Потом этот пузырь надо всё время поддерживать, т. к. он со временем опадает.

Немногие врачи умели это делать в то время. Надо было иглой попасть в нужное место лёгких, а потом в течение длительного срока опять туда проникать чтобы поддерживать воздушный пузырь. И это в те времена, когда о рентгене и ультразвуковых наблюдениях можно было только мечтать. Поэтому таких специалистов Курупр держал под присмотром, и каждый год обращался с просьбой в горздрав, чтобы маму на летний сезон отпускали с постоянной работы в детской поликлинике на работу в одном из санаториев под Уфой: либо в Степной Маяк, либо в Шафраново. Вокруг этих санаториев паслись стада диких кобылиц, которых в определённое время доили и вручную изготавливали кумыс (это достаточно сложная старинная технология). На летний период в эти санатории приезжал медицинский персонал (врачи, медсёстры, санитарки, а также обслуга), из Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Куйбышева (Самары), Уфы и других городов. С ними приезжали и дети.

Образовывалось как бы некое поселение, колония, на отшибе санатория, где мы все жили одной семьёй. Мама до позднего вечера работала, а, иногда и ночью (ночные дежурства), а мы — дети были предоставлены сами себе. У врачей были отдельные маленькие домики. С шести лет меня одного сажали в поезд, поручали проводнице, и я доезжал до Уфы, там подводы встречали очередную партию больных (автомобилей не было), в том числе меня, и за десятки километров вглубь Башкирии в глухую степь, где на десятки километров не было никакого жилья. Воду в санаторий Степной Маяк возили за несколько километров из родника в бочках на колымагах с деревянными дисковыми сплошными колёсами, в которые впрягали три пары волов.

Возчики их всё время погоняли возгласами: «Цоб-цобе!», что это означает, я так и не узнал. Иногда нам, мальчишкам давали «порулить» волами.

Всё время мы, «приезжие» мальчишки вместе с деревенскими детьми проводили на конюшне, где было много лошадей запряжных и верховых, т. к. единственным способом сообщения между санаторием, табунами и редкими селениями была только лошадь.

Нам разрешали ухаживать за конями, чистить их, кормить, купать и с утра выводить в «ночное», т. е. отводить на несколько километров в степь, чтобы они могли попасться на свободе. Мы на других лошадях верхом, конечно, без сёдел, сопровождали подальше этот небольшой табунок и возвращались уже в темноте домой.

А днём, если я не был на конюшне, то на площадке играл с выздоравливающими больными (уже не бактериальными) в волейбол или в бильярд (отсюда впоследствии имел по волейболу юношеский разряд «кандидат в мастера спорта», а в бильярд научился играть отменно). Мама, конечно, запрещала мне это делать, если видела меня за этим занятием, выгоняла, надаёт тумаков и говорит, чтобы я близко не приближался к больным. Она беспокоилась, чтобы я не заразился туберкулёзом. Но где ей было уследить за мной, когда она была вечно занята.

Там она и познакомилась с академиком архитектором А.В. Щусевым. Она ему наложила первичный пневмоторакс и потом «поддувала». Он её называл «мой любимый спаситель». Эта дружба продолжалась и в Москве.

Я к маме в санаторий ездил каждое лето, и война в 1941 году застала нас в Степном Маяке, и мы с трудом вернулись в Москву.

Добирались мы до Москвы десять суток в товарном неотапливаемом вагоне («40 человек, 8 лошадей»). Зима, трескучие морозы, в середине вагона железная печурка, вокруг которой на чём попало громоздились такие же бедолаги, как и мы.

Этот товарный поезд подолгу стоял у каких-то станций, сколько будет стоять, никому не было известно. Некоторые люди, в том числе и я, выбегали из вагона, чтобы набрать кипятку, что-нибудь купить из еды (у кого были деньги), у кого их не было, то продавали за гроши последние шмотки, либо обменивали их за хлеб, молоко.

Некоторые, не успев вернуться до отхода поезда, исчезали навсегда, другие вдруг появлялись со своими котомками. Поэтому состав бедолаг постоянно менялся. Как я, пацан и мама не замёрзли, не умерли с голоду, приходится только диву дивиться.

А, может быть, Провидение Божие охраняло меня, уготовив лучшую участь, как бы предвидя, что мне нужно будет впоследствии позаботиться о больной матери и старом слепом отце.

Во время войны, когда я учился в школе, я получал по иждивенческой карточке в день 250 граммов хлеба, немного крупы, чуть-чуть масла. Мама с фронта посылала мне деньги по аттестату 450 рублей в месяц. На рынке батон чёрного хлеба стоил 450 рублей, так же и бутылка водки (0,5 литра). Очень часто я получал от неё с фронта письма-«треугольнички» (листы линованной бумаги из школьной тетради, свёрнутые в виде треугольника).

От папы после 16 октября 1941, когда его увезли, вестей не было. Вскоре, когда я уже поступил в МАИ, мама мне прислала письмо, где написала, что к ней в медицинский санитарный батальон (медсанбат)

поступила партия раненых (надо сказать, что медсанбат — это было передовое медицинское учреждение поблизости от фронта 0,5–1,5 км), среди которых оказался девятнадцатилетний мальчик-солдат, у него немцы убили всю семью, и он стал круглым сиротой. Мама написала, что после войны привезёт мальчика в Москву, и он будет мне братом. Потом она писала, что после выздоровления она прятала его от комиссий, которые почти ежедневно приходили в госпиталь, так как рядом была линия фронта, и выгоняли всех на фронт, даже тех, кто был ещё не совсем здоров, легкораненых. Так продолжалось целый год.

Вдруг я получаю «треугольник», вскрываю и вижу, что письмо залито слезами. Мама писала, что в какой-то день бригаду врачей и медсестёр, в том числе и её, отправили проводить дезинфекцию против вшей непосредственно в окопах. Она отсутствовала только один день. В это время в госпитале появилась комиссия, и мальчика забрали. На следующий день был бой, и мальчик погиб. Она винила себя, что не уберегла мальчика, не успела его спрятать.

Когда маму призвали на фронт, она просила, чтобы меня взяли с ней, но военком отказал, сказав, что позаботятся обо мне: кто-то позвонил в оборонное предприятие, и меня взяли учеником слесаря, потом учеником строгальщика. Мне платили немного денег и дали половину рабочей карточки, я работал неполный рабочий день.

Поступив в институт в 1943 году (мне было 17 лет), я продолжал работать, стипендия была 450 рублей, и студенческих карточек не хватало, правда, хлеба на них давали уже 400 граммов в день.

Завтракали и обедали в студенческой столовой МАИ, хватало питаться по карточкам четыре–

пять дней. Некоторые студенты-«доходяги» получали дополнительные карточки «Усиленное дополнительное питание» (УДП), хватало ещё на пару дней. Поэтому студенты их прозвали «Умрём днём позже». Ни ложек, ни ножей, ни вилок в столовой не было. Так что, если забыл дома ложку, то суп хлебай прямо из тарелки, а кашу ешь с руки. Крепкие ребята, в том числе и я, часто ходили на пристань Северного речного порта и разгружали баржи, таская на себе тяжёлые мешки и ящики. За несколько часов каторжной работы мы получали большую кружку молока и краюху хлеба, но и этому были рады. Однако, из-за загруженности учёбой, работой и домашними делами, делать это могли не часто. Недоедали мы всегда, но бывало, что приходилось голодать по-настоящему.

В 1944 году, когда папа уже вернулся в Москву, ему из Баку написала письмо супруга Коршуна, бывшего артиста и режиссёра театра им. Моссовета, который работал в театре до прихода Завадского (по рассказам Коршуна и отца, Завадский, придя в театр, «выпер» из него Коршуна, так как имел связи в высшем партийном руководстве), о том, что Коршун очень болен и она просит разрешения приехать в Москву, чтобы папа помог его устроить в больницу.

Конечно, папа разрешил, во время Гражданской войны он многим сохранил жизнь. Я помню только несколько имен: Ирма Петровна Яунзем (исполнительница народных песен, народная артистка); по-моему, артист Малого театра Милович; оперный певец, народный артист М.О. Рейзен (семнадцатилетнего паренька папа подхватил на дорогах войны и возил в обозе, у парня был прекрасный бас, и он пел в самодеятельности).

«Самодеятельность», в основном, состояла из взятых в плен белых офицеров, они и обучили молодого Рейзена пению. А в 1945 году меня чуть не женили на его дочери, но это другая история.

Спасён был и Райцин А.П., служивший у папы ординарцем (впоследствии работник наркомата иностранных дел); крупный железнодорожный инженер Дябло и многие другие.

Потом, после войны, он помогал им наладить нормальную жизнь. Папа организовал в воинской части самодеятельный коллектив, который выступал с концертами. Про папу говорили, что он специально организовал «самодеятельность», чтобы сохранить жизнь пленным офицерам. Они были образованные люди, прекрасно владели музыкальной грамотой, кто пел, кто играл на баяне, на гитаре, на рояле, кто танцевал.

Наша сорокаметровая комната была перегородена, получилась гостиная 20 м² и две комнатки по 10 м² каждая с огромным окном, выходящим на Петровку. Следует сказать, что в нашей квартире высота потолка была 4,5 м., не чета теперешним низкопотолочным квартирам, где дышать нечем. Одна комната была «детская», где жил я, другая — спальня родителей. Вот эту спальню папа отдал супругам Коршунам, сам спал в гостиной на диване.

Коршун был не только режиссёр, но и большой артист. Он мог сам сыграть любую роль, необыкновенно точно подражать мимике и голосу любого человека, достоверно его изобразить. Если бы не тяга к спиртному, то его имя было бы наравне с такими корифеями сцены, как Качалов.

Я в эту комнату, где они жили, не заходил, а папа, если и бывал там, всё равно ничего не видел. Поместив Коршуна в больницу, супруга ещё

несколько месяцев жила у нас. Потом они уехали. Когда мама вернулась с фронта в 1946 году и открыла шкафы, чтобы переодеться в гражданское платье, то не обнаружила ни платьев, ни костюмов, ни пальто и никакой обуви.

Коршун, пока его устраивали в больницу, всё постепенно отнёс на Центральный рынок на Трубной и продал, чтобы купить выпивку. Также исчезли все лучшие книги родителей: Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Карамзин, гранатовский словарь и многие другие. Мама нас ругала, была очень расстроена, так как приобрести в то время ничего не было возможно. Так она и ходила долгое время: в сапогах, форменной юбке и в шинели вместо пальто.

Этот отрывок касается уже периода, когда я после окончания института начал работать. В то время не было свободного выбора службы, выпускник должен был работать там, куда «распределят» руководители факультета, партийный и комсомольские органы, причём, не учитывая ни склонности выпускника, ни его семейное либо материальное положение.

Исключение делалось только для детей крупных руководителей, или знакомых институтских начальников. Но мне повезло, я был распределён в московское предприятие по специальности, которую я получил в институте.

Начал я работать рядовым конструктором. Стране крайне нужна была продукция, которую мы разрабатывали и производили, поэтому постоянно были авралы, и месяцами мы работали до 11–12 часов вечера. Повышал, как говорится, свою квалификацию, а руководство постепенно повышало меня в должности. И вот наступил период, а это был 1952 год, и я ещё считался молодым

специалистом, когда при переводе на более высокую должность, мне сказали, что я обязательно должен стать членом КПСС. Это мне сообщили в категорической форме, так как до этого предлагали многократно.

Какая-то внутренняя сила удерживала меня от этого, я отнекивался, говорил, что идейно ещё не подготовлен, не созрел для такого высокого доверия. Но ничто не помогло, и меня уволили, несмотря на то, что в это время отец тяжело болел раком крови, лежал в бывшей Екатерининской больнице (у Петровских ворот), мама также лежала в больнице с подозрением на рак ноги. Я пожаловался в Министерство, но жалоба осталась без ответа. Работников моего ранга профсоюз (местком) защищать не имел права.

Но, к счастью, видимо, Господь был на моей стороне, мне удалось в течение месяца (чтобы не пропал трудовой стаж) устроиться на другую работу, и начать всё сначала.

Однако, история повторялась. До 1961 года, будучи активным работником, меня начальство продвигало по службе, и мне удавалось всё это время избегать вступления в партию. Но, наконец, генеральный директор назначил меня на крупную руководящую должность. Мне уже давно предлагали вступить в партию, но теперь мне поставили условие: «или ты вступаешь в партию, или — на вылет».

В это время у меня уже была семья: жена, ребёнок, больная мама, почти парализованный тесть, также инвалид войны, и я, скрепя сердце, вынужден был согласиться.

Так, против своей воли и желания, я стал членом КПСС, что, конечно, не делает мне чести

и наложило несмываемое пятно на всю мою жизнь. С горечью вспоминаю это время бессмысленного сидения на многочисленных партийных собраниях, участие в партийных мероприятиях, партийных учёбах, выполнение дурацких, иначе не скажешь, партийных поручений. Невозвратимое, потерянное время. Время, которое можно было бы уделить работе, семье, духовной жизни и другим человеческим делам.

Мне уже за восемьдесят, и я только недавно осознал, что надо вспомнить всё, что касается моего рода, откуда я и они, мои родители.

Когда они были живы, папа и мама, мне редко приходилось разговаривать с ними о наших предках.

Я не вёл дневники, и теперь, собирая осколки уже ослабевшей памяти, пытаюсь вспомнить разрозненные разговоры моих родителей, родственников, друзей и знакомых, собрать во единое целое мои воспоминания.

Некоторых событий и я был участником.

Было время, мягко говоря, непростое — тридцатые, сороковые годы. Все боялись сказать лишнее, особенно при детях. Они, несмышлениши, могли в школе или где-то ещё пересказать эти разговоры и в те, уже не такие далёкие, времена, было много вольных и невольных «доброжелателей-доносителей», последствия известны — тюрьма, лагеря или ещё хуже... (не хочется об этом говорить — столько уже об этом сказано-пересказано и написано. А что толку?)

Сам я никогда не спрашивал о своих предках, о жизни родителей моих родителей, и моих родителей ни в царской России, ни при советской власти.

Мне было пятнадцать лет, когда мама, Таллер Евгения Михайловна, в девичестве Верник, была мобилизована как врач на германский фронт, вернулась она в 1946 году, после войны с Японией. Во время войны была награждена орденом Красной Звезды и множеством медалей и отмечена благодарностями от командования. Потом тяжело болела психическим расстройством, после так окончательно и не выздоровела, скончалась она от раковой болезни в 1971 году в возрасте 71 года и мне не пришлось с ней обо всём поговорить, о маме и её родителях я попытаюсь рассказать немного позже, а сейчас о папе, Талере Льве Петровиче.

Когда умер мой папа, мне было двадцать шесть лет, а ему 71 год (1952 г.). Умер он от злокачественной болезни крови — лейкемии. Полностью ослеп он в 1936 году. Начиная с 1925 года, после кровоизлияния в мозг, он стал быстро терять зрение, которое всегда у него было слабое. Родителей папы я не помню, когда я стал себя осознавать, их уже не было.

Однако, я прекрасно помню, что до войны его братья (три брата — Борис, Григорий [Вениамин], Исаак) и сёстры (две сестры — Цецилия и Софья [Соня]) с детьми жили в Елоховском переулке, что напротив Елоховского Кафедрального собора, в двух небольших комнатах двухэтажного деревянного дома (его сейчас нет), где ещё были соседи. Комнаты располагались на разных этажах. Но я почему-то был уверен, то ли слышал, то ли как-то неизъяснимо вложилась в меня, что и они, и их родители были москвичи, например, дядя Григорий работал на московской фабрике и был членом профсоюза, если не ошибаюсь, с 1878 года.

В молодости и до этого периода я считал, что Таллеры живут только в Москве, и что все они мои родственники. Впоследствии я понял, что Таллеров довольно значительное число и в России и во всём мире, и все они выходцы из одного гнезда — небольшого городка Иахимсталь в Богемии (Чехия), где ковались знаменитые деньги (там были серебряные рудники) — в Италии как таллеро, а в России как ефимки, перекочевавшие затем в Америку как доллары, и Талеры, Тайлеры, Тейлоры и тому подобное тоже Таллеры, только в несколько искажённом виде — всё дело в транскрипции и произношении.

Вот откуда родом мои предки со стороны папы. Поначалу я полагал, что все Таллеры, живущие в Москве, или где-то ещё, мои родственники. Но однажды я услышал по радио о германском чемпионе по бобслею Таллере. Физик-ядерщик Теллер (Taller), тоже Таллер. Будучи в командировке в Куйбышеве (теперь опять Самара — слава Господу! Прости Господь меня, грешного) я в телефонной книге увидел несколько фамилий Таллер. Я позвонил им и спросил, есть ли у них родственники в Москве. Они сказали:

—Нет!

Причём очень решительно и достаточно резко. Как я потом выяснил, это были немцы с Поволжья, которые жили в России, по-моему, со времён Петра I.

В начале 80-х годов я получил письмо из Ленинграда (теперь, слава Богу, С.-Петербург) от Б.Н. Таллера, директора завода, который запрашивал материалы по классификации, автором которых был я.

Я тотчас позвонил ему по телефону, который был указан в письме. На вопрос секретаря, как

директору доложить, кто его спрашивает, я ответил: Таллер. В телефонной трубке услышал удивлённый женский возглас. После некоторого молчания раздался бас:

— Я вас слушаю.

Я говорю:

— Борис Николаевич, Вы написали мне письмо о Классификаторе ЕСКД, я материалы вам вышлю. Но вы уже от секретаря знаете, что моя фамилия Таллер, довольно редкая, и у меня к вам вопрос: нет ли у вас родственников в Москве?

И он уверенно ответил, что родственников в Москве не имеет.

Позже, будучи в Ленинграде (прости меня, Господи!) я не смог с ним встретиться, как договорились, он скоростижно скончался. Мир праху его!

В царское время папа нигде систематически не учился был вынужден зарабатывать на жизнь, но активно занимался самообразованием, был вольнодумцем, либералом, примыкал к группе интернационалистов (руководитель Лозовский).

Как и когда папа стал православным христианином, я не знаю. Но знаю, что это произошло до 1913 года. Пройдя экстерном курс гимназии, когда папе было уже тридцать два года накопив 25 рублей (в то время корову можно было купить за 3–5 рублей), он пошёл сдавать экстерном экзамены за гимназический курс и получил аттестат зрелости с похвальной грамотой. У нас дома сохранилось трёхтомное иллюстрированное сочинение Гёте (издание 1912 года «в золотом обресе»), подаренное ему педагогическим советом гимназии с надписью «На память экстерну Льву Петровичу Таллеру за внимание и проявленные им на испытании зрелости

С папой

познаниям, достигнутым неустанным и усердным трудом» с подписями Председателя Совета и всех педагогов, включая священников Михаила Русакова и Михаила Степанова.

25 рублей также вернули.

В 1917 г. папа окончил юридический факультет университета и получил диплом юриста (свидетельство № 154 от 3 июня 1917 г.). В том же году папа поступил в Коммерческий институт, который окончил в годы Гражданской войны.

В этом же году грянула Февральская революция, затем Октябрьский большевистский переворот и началась Гражданская война. Некоторое время папа работал в качестве помощника присяжного поверенного (удостоверение Совета Присяжных поверенных округа Судебной палаты, выданное 28 октября 1918 г.).

Выписка из трудового списка, который утверждён постановлением СНК СССР от 14.12.1926 г.

До октября 1919 г. — Помощник начальника юридического отдела Губвоенкомата.

Затем был мобилизован в армию, где до 1923 г. последовательно занимал армейские должности:

Военком 32 Валуйского полка,

Политрук 106 и 84 батальонов,

Начальник агитпропа 59 дивизии, начальник агитпропа Политотдела Войск Обжелдор Украины,

Начальник агитпропа Войск ВЧК-ГПУ,

Старший инспектор Политотдела Войск ГПУ Республики.

В конце войны папа в петличке имел два ромба, что в наше время означало генеральское звание.

С 1923 по 1925 гг. работал особоуполномоченным и референтом.

В 1932–1933 годах папа работал заместителем председателя Правления научно-методического общества «Международный красный стадион».

В этом же «Трудовом списке» есть записи с 1893 года: сапожное ремесло (1893–1908), частные уроки (1908–1918).

В «Трудовой книжке», выданной 5 января 1939 г. имеются записи, из которых следует, что до 1940 г. папа работал в Государственном научно-техническом издательстве (НКТПИ) инспектором, консультантом, референтом. Но эти должности, как мне представляется, были более почётными, чем фактическими, так зарплата была по тем временам очень небольшой. Начиная с 1926 года папа был инвалидом, получал пенсию, с 1933 года — инвалидом I группы, персональный пенсионер.

В одной из сохранившихся автобиографий (17/IV-38 г.) папа пишет:

«Отец мой был рабочим, сапожником, мать — домашняя хозяйка из семьи евреев-колонистов. Отец работал на обувной фабрике, умер в 1912 г. Работать я начал с десятилетнего возраста в сапожной мастерской. Образование получил в детстве только пребыванием год-два в еврейской школе (хедер). Общее образование получил самоучкой, начиная с 12–13 летнего возраста, научившись русскому языку при помощи товарища по мастерской. Семья наша была большой и жили мы очень бедно, нуждаясь в самом необходимом и о платном обучении мне нечего было и думать.

В 1899 г. я, старший брат (Борис) и ещё двое рабочих образовали кружок самообразования, занимаясь русским языком, математикой, физикой. В работе кружка участвовал рабочий, закончивший городское училище».

И далее папа пишет:

«...Участвовал в организации еврейской самообороны во время погромов в 1904–1905 гг. и был начальником этой самообороны. Был несколько раз арестован на непродолжительное время, также получал неоднократно казацкие нагайки и полицейские затрещины. Последствием этих избиений явилась потеря зрения в левом глазу, чему не помогла операция глаза, сделанная в 1905 году».

В этой и других автобиографиях, по-видимому, написанных для официальных органов, где папа служил, папа очень скудно сообщает о своих родителях, откуда они, ничего не пишет о братьях и сёстрах, о своей семье. И, наоборот, подробно сообщает о своём участии в революционном движении, о гражданской войне, службе в советских органах и издательстве и общественной работе.

И, конечно, не сообщает, что он крещёный православный христианин (по-видимому уже взрослым до 1913 года, таких крещёных евреев в России называли «выкрестами»). Я же, будучи окрещённым в младенчестве, не выкрест.

В то время раскрываться было опасно, скрывали своё происхождение, политические убеждения, вероисповедание многие, многие люди. Однако, это не спасло миллионы наших сограждан от репрессий и уничтожения сатанинским режимом. Папа своих воспоминаний не оставил, да и писать он не мог, будучи слепым. О себе мне ничего не рассказывал. А вскоре, после войны в 1952 году он скончался от лейкемии в 25-й (бывшей Екатеринбургской) больнице, прожив 71 год.

Мои отрывочные воспоминание о его жизни до переворота и во время Гражданской войны базируются на рассказах его друзей и знакомых,

которые я слышал в детстве и позже во время их гостевания или во время застолий.

Так я узнал, что папа был храбрым человеком, и как это ни странно, будучи политическим руководителем в Красной армии, оставался порядочным человеком, добрым и отзывчивым.

Многие люди были обязаны ему своей жизнью, спасением от неминуемых репрессий и даже уничтожения. Спасая их, он рисковал собственной жизнью.

В его подчинении была бригада артистов, певцов, музыкантов, чтецов и т. д., так называемая самодеятельность, которая продвигалась вместе с воинской частью и выступала с концертами. Вот в неё он и оформлял захваченных в плен офицеров Белой армии или потерявшихся во время войны людей.

Дябло из Тулы (офицера Белой армии) спасал дважды (в 1925 г. и в 1937 г.), в третий раз, когда Дябло в 1946 г. был арестован после того, как он храбро сражался во время Отечественной войны и был награждён боевыми орденами и медалями, вызволить его из застенков госбезопасности он не смог.

Супруга Дябло приехала из Тулы и просила папу помочь. Папа куда-то уехал, надо сказать, что знал он улицы Москвы превосходно и передвигался по ним совершенно свободно, как если бы он был зрячим, его не было два дня, но когда он вернулся, Дябло с ним не было.

Я мог более подробно рассказать о перипетиях ареста и освобождения Дябло в 1925 и 1937 годах, но это выходит за рамки моего повествования. Я могу сказать, что причина всех этих трёх арестов была одна — бывший офицер Белой армии. И как бы человек после Гражданской вой-

ны себя ни вёл, как бы он ни был лоялен к Советской власти, и даже потом защищал её, длинная рука госбезопасности доставала его.

Было много и других случаев храброго и благородного поведения моего папы. Большинство его друзей и сослуживцев в период Большого террора и ранее в 20–30-е годы, подверглись аресту, ссылкам и, даже расстрелам.

Папу пощадил, за ним «органы» не пришли, по-видимому посчитав, что от полуслеплого, а затем полностью ослепшего старика мало толку, работать на лесоповале он не может, надо его кормить и поить, да ещё содержать поводыря, вообще сплошные хлопоты.

Светлая память о моих родителях живёт в моём сердце.

Я дожил до почтенных лет благодаря неустанным заботам Господа, его любви. Всё время Он был со мной, даже тогда, когда я об этом не знал, охранял, поддерживал во всех перипетиях моей жизни. И я возношу Ему бесконечную благодарность.

Светлая память всем моим родным, близким и друзьям, встретившимся на моём жизненном пути.

Да хранит многие лета Господь всех моих здравствующих дорогих родных, близких и искренних моих друзей, всех прихожан нашего богохранимого храма св. бесср. Космы и Дамиана. Великая им благодарность за дружбу и любовь, за то, что они всегда усердно молились за моё исцеление, когда я болел, поддерживали меня, всегда были мысленно рядом.

Я всех вас люблю.

СЕНТЕНЦИИ

Ночь озарилась днём,
Голова моя просветлела,
Молю Бога о чём?
Душа ещё не созрела.

Мудрецом стать умный может,
Ну а глупый — никогда.
Мудрецу Господь поможет,

Добрый человек поможет,
Ну а злобный — никогда,
Злое сердце зависть гложет.

Доброта не значит слабость,
Злость всеильна не всегда.
Доброта приносит радость.

Седина не значит мудрость,
Мудрость — глупости конец.
Где ты, Божия Премудрость?

Куда слепец народ ведёт?
Дороги он не видит.
Какой конец народ тот ждёт?

Господень путь нам невдомёк.
Путей своих не видим.
О Господи! Дай нам намёк.

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНЫ ТАЛЛЕРА

Закон замещения

Когда страна поднимается (с колен), народ ложится.

Закон видимости

Избирают другого, правит всё тот же.

Закон назначения

При назначенных выборах выбирают по назначению.

Следствие:

Если при назначенных выборах выбирают неназначенных, то назначенного всё равно выбирают.

Принцип Таллера

Только часть населения производит, покупают все.

О законах и теории

Закон — это теория, исключение — практика.

Следствие:

Если практика полностью расходится с законом, то она становится законом.

Закон положения

Опора лежащего больше опоры стоящего.

Следствие:

Лежащий из густого болота выползет, а поднимающийся провалится.

Вывод

Незнание законов физики приводит к трагическим последствиям.

НАБЛЮДЕНИЯ

Чем дольше человек живёт, тем больше у него сомнений.

Человек мечтает о том, чего у него нет.

У человека, достигшего всего, нет мечты.

Чем сильнее крик, тем слабее правда.

Кричит тот, у кого нет аргументов.

Злая жена — большая беда.

Чем дальше в социализм, тем ближе к нищете.

Социализм — это очередь за чем-нибудь.

Что хвалит враг, то плохо.

Не верь демагогу.

Не всегда тот, кто красиво говорит, говорит правду.

Доброта имеет границы, зло безгранично.

Добро порождает зло, но никогда зло не порождает добра.

Главный нарушитель закона — его создатель.

Правда молчит, а кривда кричит.

Бедный — это у кого есть, но мало. Нищий — у кого ничего нет.

К счастью, ни одна из религий не может претендовать на полное владение небесами.

Борьба за чистые небеса увеличивает грязь на земле.

Святые небеса принадлежат всем народам на земле.

Нищета народа порождает нищету духа.

Мы живы, пока сознаём, что мы живы.

Запах живых денег притягивает к себе, как магнит, чиновников всех мастей.

Старики живут прошлым, молодёжь — настоящим. Никто не живёт будущим.

Любовь к внукам превосходит любовь к детям.

Кто придёт с ложью, с ней и останется.

Кажется, что жизнь у человека одна. В действительности их несколько. Но никто не может сказать, какая из них наиболее истинная и правильно отражает его суть.

Человек проживает три жизни: наяву, во сне и в воспоминаниях.

Человек одновременно проживает несколько жизней, и хотя бы одной из них не удовлетворён полностью.

Кто панически боится утратить власть, тот либо преступник, либо сумасшедший.

Глупый человек всегда одинаков, умный меняет своё поведение.

Вызывает восхищение то, что совершил Колумб, но большее восхищение вызывает то, как он к этому стремился.

Наиболее опасные преступники — те, кто борется против преступников.

Власть по своей сути всегда беспринципна.

Диктатура закона приводит к беззаконию.

Закон можно трактовать в угоду беззаконию.

Закон один, а нас много. На всех не хватает.

Инстинкт выше привычки.

Не всякий еврей — пророк, но всякий пророк — еврей.

Когда жизнь клонится к закату, легко давать советы.

В начале жизни человек себя никак не оценивает, затем — переоценивает, и только в конце начинает оценивать себя реально.

Некоторые верят сами тому, что говорят.

Краткость — сестра таланта. А кто отец?
Советский вариант равенства — уравниловка.

Хороший закон выполняют, негодный — обходят.

Соединить гимн Сталина с двуглавым орлом — всё равно, что скрестить ужа с ежом. Результат — два метра колючей проволоки.

Одна часть человечества верит в сказки, другая не верит, остальные сомневаются, но все они заблуждаются.

Только один народ, оторванный от корней, сумел сохраниться как народ.

Удивительно! Сам факт твоего существования приводит к ненависти («ты существуешь, значит, я тебя ненавижу»).

Удивительно также и то, что разнообразие людей должно вызывать взаимный интерес и взаимопонимание, а вызывает ненависть друг к другу.

Чтобы тебя причислили к лику святых, обязательно быть праведником.

Даже отрекшийся от престола и ввергнувший государство в хаос монарх может быть причислен к лику святых.

Вера, как и любовь, абсурдна.

Душа — потёмки, русская душа — потёмки вдвойне.

Былое и Дума.

Самое хорошее — когда нет плохого.

Платон отмечал, что какое бы ни было государство, оно всегда состоит из трёх сообществ: Элиты, Стражи и Рабов. А в наше время социум состоит из тех, кто ворует, тех, у кого воруют, и тех кто охраняет тех, кто ворует.

Поэты рождаются и умирают, а стихи остаются.

Однажды написанное будет жить, пока читают.

То, что своевременно, то полезно.

Какова воля, такова и доля.

Сила привычки сильнее разума.

Многие считают, что если враг сильнее тебя, то надо с ним дружить.

Сначала сделай, но прежде подумай.

Пустая голова — пустой желудок.

Мудрый — слушает, умный — советует, глупый — ничего не слышит.

Какой смысл в смысле?

Если закон для всех закон, то для некоторых он не закон.

Закон законов — это человек.

Патриот не тот, кто орёт.

Если власть несменяема, то она невменяема.

Человечество обладает богатым опытом жизни при социализме и коммунизме, но не обладает опытом, как при этом улучшить жизнь.

Всегда найдётся человек хуже тебя.

Чем дольше человек живёт, тем больше ему кажется, что он всё знает.

Всегда есть на кого свалить вину.

Не может быть свободы совести без свободы слова.

Что важнее: свобода совести или свобода действий?

В большинстве случаев прав тот, кто сильнее.

Если не знаешь, что делать, лучше подождать.

Воспоминания тешат душу.

Душа в отрыве от тела — ангел.

Если объявлена диктатура закона, а закон — что дышло, то объявлена диктатура дышла. Куда повернул, туда и вышло.

Чтобы народу жилось лучше, властям надо меньше воровать.

Не говорят: «Демократический режим» или «Режим демократии», а говорят: «Тюремный режим» и «Режим личной власти».

Суд всегда прав. Даже когда он не прав.

Действительность может быть ещё более фантастична, чем самая буйная фантазия.

Всегда найдётся тот, которому хуже, чем тебе, и это утешает.

Нужда просит, богатство носит.

Чем пешка отличается от короля? Пешка может стать королевой.

Чем король отличается от пешки? Король может отступить.

Существует лишь то, во что человек верит или что он чувствует.

Чувство — враг рассудка.

Очереди — порождение советской власти, «пробки» на дорогах — нынешней.

Народонаселение напрямую зависит от благополучия мужчин.

Прибыль государства — убыль народа.

Когда идёшь вперёд, не забудь оглянуться.

Даже Бог не может спасти нас от самих себя.
Террорист держит в страхе и убивает несколько человек, а государственный террор — всё население страны.

Чем сильнее силовые структуры, тем слабее народ.

Чиновники — это кровь организма, но если её слишком много, то организм может лопнуть.

Правонарушительные органы.

«Силовые структуры» потому так называются, что действуют только силой. (Сила есть, ума не надо).

Что важнее — количество или качество? Ведь всем известно, что количество переходит в качество.

Чем больше количество, тем хуже качество.

Молодость не имеет памяти, но обладает силой.

Старость имеет память, но бессильна.

Всякое наше дело содержит три ипостаси:

- «разрушим до основания»,
- «мы за ценой не постоим»,
- «бей своих, чтобы чужие боялись».

«Борьба с империализмом», «борьба с терроризмом» — в результате: тотальная милитаризация, душение гражданских свобод и обнищание населения.

Общение — это жизнь. Чем больше общений, тем больше жизни. Чем приятнее общения, тем приятнее жизнь. Круги общения: семья, друзья, работа, родственники...

Современная Россия подобна зоопарку, выпущенному на свободу.

Смутное время (переходный период) может длиться до бесконечности.

Фобия — это боязнь чего-либо, кого-либо. Лицо титульной нации всего боится (страдает фобией): ксенофобией, юдофобией, фобией друга, фобией порядка, фобией работы (труда), фобией иноверцев, фобией США, фобией негров, фобией всех, кто добрее, умнее, богаче.

Это основная черта характера.

Человеку кажется, что он прав. Но бывает, что он действительно прав.

Человек бывает прав тогда, когда неправ другой.

Если человек не любит себя, то как же он может полюбить ближнего?

Каковы литературные герои, таков и народ.

Литература отражает характер народа.

Литература есть продолжение народа.

Писатель, побудь читателем.

Писатель, когда закончишь сочинять, займись чем-нибудь полезным.

Если человек не любит себя, то как же он может полюбить ближнего?

Из мухи делают слона, чтобы потом открыть на него охоту.

Когда криминал воюет с криминалом, а государство молчит, то царствует криминал.

Если скрестить властный криминал с бандитским, то получится криминал в квадрате или беспредел.

При зыбкой вертикали власти незыблема власть криминала.

Вертикаль хотя и вертикаль, а пространство занимает большое.

Где вертикаль не опирается на горизонталь, там она неустойчива.

Там, где вертикаль власти, там жди напасти.

Если вертикаль власти не опирается на горизонталь народа, то фигура государства рушится.

Чем слабее горизонталь народа, тем сильнее вертикаль власти.

Вертикаль власти, опирающаяся на горизонталь власти, — это и есть диктатура.

Там, где вертикаль власти, там жди напасти.

У современного телевизора есть три преимущества:

- не сходя с кресла можно выключить, что он вещает;
- также не сходя с кресла можно выключить то, что он изображает;
- можно вообще его не включать.

Продолжая известную мысль апостола Павла о мире, можно сказать так: «Человек хорош не тем, что он содержит, а тем что он задуман»

Господом для того, чтобы поместить в него содержание».

Ложь правит миром. А чем правит мир?

«Государство это я», — сказал Людовик XIV. Он был один. А у нас каждый чиновник считает себя государством.

Если государство имитация, имитация всё: парламент, суд, управление, полиция, пресса.

ВОПРОСЫ

О чёрном квадрате

Может ли геометрическая фигура заменить искусство?

Может, если она чёрный квадрат.

Если чёрный квадрат искусство, то что же тогда вся геометрия?

Как неразрешима квадратура круга, так неразрешим и чёрный квадрат.

Какой смысл можно извлечь из чёрного квадрата?

О чёрном квадрате замолвите слово.

Армянскому радио задали вопрос:

— Может ли коррупция превышать 100%?

Радио задумалось, потом ответило:

— Да, может, если она в России.

Петька спрашивает:

— Василий Иванович, вот мы боремся за светлое будущее. А для кого?

— Дурак ты, Петька. Конечно, для нас с тобой.

— А остальные?

— А тебе они нужны?

— Нет.

— Вот и мне нет.

Может ли государством управлять несколько человек?

Да, может, если во главе государства стоит парламент (парламентская форма правления).

Может ли государством управлять одновременно два человека, если глава государства по закону один человек (президент)?

Да, может, если это в России.

Может ли государством продолжать управлять человек, если главой государства избран другой человек?

Да, может, если это в России.

Может ли быть известно кто будет избран будущим главой государства на очередной срок за четыре года до новых выборов?

Да, может, если это в России.

ЖИЗНЬ

Человек проживает четыре жизни: наяву, в воспоминаниях, в своём воображении и во сне.

Жизнь наяву — это печальная жизнь и понятна всем. Она на виду и во многом зависит от самого человека.

Жизнь в воспоминаниях — воображаемая жизнь, человек погружается в воспоминания, и они иногда захлёстывают его. Воспоминания бывают хорошие, плохие и нейтральные и во многом зависят от способности человека помнить происшедшее. От этой способности непосредственно зависит жизнь наяву, что не требует объяснений.

Жизнь в воображении, воображаемая жизнь — не реальная жизнь, ничего не имеющая общего с действительностью.

Человек пытается вложить смысл в несуществующую действительность, представить себе то, чего нет на самом деле, то, что есть в его воображении. Полное погружение в воображаемую жизнь есть сумасшествие.

Жизнь во сне до сих пор не разгадана, только обрывки сновидений может человек припомнить, пересказать. Жизнь во сне от человека не зависит. Некоторые люди утверждают, что у них нет сновидений совсем, что им никогда ничего не снится. Испокон веков делались попытки объяснить, растолковать сны, спроецировать их на настоящую или будущую жизнь (см. бесчисленное количество сонников — толкователей снов, поговорок — «сон в руку»).

Все четыре жизни сочетаются в человеке, но при этом, первые три жизни (жизнь наяву, жизнь в воспоминаниях, жизнь в воображении) человек проживает одновременно, а жизнь во сне отдельно. Эти жизни не пересекаются с первыми тремя жизнями. Она, как бы, является их отражением и не зависит от воли человека.

Человек живёт полной жизнью, когда все четыре жизни гармонично сочетаются в нём, в основном, первые три – это нормальный человек.

Сообщество таких людей гармонично развивается без всяких катаклизмов. Но, это, конечно, в идеальном случае.

Однако, чем больше в обществе, народе, государстве таких людей, тем спокойнее, комфортнее живётся людям. И к этому надо стремиться.

Выдающийся шанс приблизиться к такому сообществу даёт христианская вера, потому что Иисус Христос – есть Путь, Истина и Жизнь.

Мне пришло в голову упростить мои рассуждения о жизни человека.

Человек проживает данные Богом две жизни: наяву в реальности и в воображении, в иллюзиях. И всё.

Это сочетание, делает человека человеком со всеми его прегрешениями, слабостями и недостатками, но всё же человеком, подобным и угодным Богу.

Поступки человека реальны в мире, данном нам Господом: их можно исследовать и понять.

Воображаемый мир человека недоступен человеку, он заложен в человеке слоями, множественностью слоёв. Он может молиться Господу и убивать, говорить правду и лгать, быть добрым с одним и злым с другими, даже с одним и тем же человеком быть добрым и злым.

И только немногим людям, очень немногим, дано Господом воплощение, единение в жизни реальности и воображения, то есть поступки этих людей полностью соответствуют их воображению, то есть этот человек добрый и в реальной и в воображаемой жизни. Добры всегда, во всём и ко всем.

Таких людей Церковь именует великими святыми подвижниками. Эти святые являются светочем нашей жизни, маяками, освещающими нам путь к Господу, который есть Путь, Истина и Жизнь. Их непрестанные и усердные моления, возносящиеся к Господу, незримо проникают в нашу жизнь и неизъяснимо поддерживают нас в стремлении быть угодными Богу.

И мы, простые грешные чада Божии, когда молимся этим святым подвижникам, к их молениям присоединяем свои молитвы, и эти молитвы и устремляются к Господу, который всё знает о каждом из нас и всегда находится рядом.

Об этом каждый христианин должен, как мне представляется, помнить всегда.

Да хранит Господь всех людей всегда и во всём! Аминь.

Из
фотоальбома

С о. Александром Борисовым

С о. Георгием Чистяковым

День св. блгв. кн. Александра Невского

Юбилей отца Александра Борисова

С матушкой Нонной в кругу прихожанок

На презентации книги
«Бог зовёт меня Мириам»

Со Светланой Лукьяновой

С Евгенией Чигарёвой

С Еленой Пращицкой
и Владимиром Крупецковым

Владыка Меркурий
с Ириной Богомоловой у храма

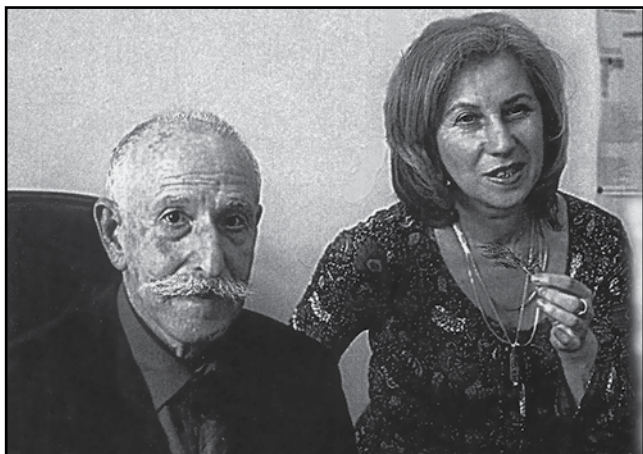

С Евгением и Еленой Пастернаками,
Владимиром Крупецковым,
Романом Харитоновым

В музее о. Александра Меня

С дочерью Ольгой

С сотрудницами

Я с другом Энгелем Кочановским
(мне 16 лет, он постарше)

С Анной и Мириам

С Мириам Стулберг
(членом общины «Дом Мадонны»)

Владимир Ерохин и Анна Дубинская

Джаз

Танцы

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5

КОГДА ГОСПОДЬ С ТОБОЙ

- «Шаги судьбе навстречу...» 13
Молитва 14
- «В муках, брыкаясь, рождаемся мы...» 15
«Научи меня, Боже, любить...» 16
- «В мир мы приходим неожиданно...» 17
Тёплые слова 18
Путь молитвы 20
Пастырь добрый
(Памяти о. Георгия Чистякова) 22
Я верю 23
На путях к Живому Богу 24
Слаб человек... 25
В храме 26
«Путь короток наш...» 27
Сельский священник
(Памяти о. Александра Меня) 28
Я знаю 30
- «Глядишь назад — воспоминанье...» 32
«О, Бог! Кто создал всё земное...» 33
- «Жизнь промелькнула, словно тень...» 34
«Покину этот мир и перейду в иной...» 35
«Начало — пролог...» 36
«Красотою блещет мир...» 37
Господи, дай мне силы 38
- «Времени, времени нам не хватает» 39
Сто крат 40
«Мы постоянно хвалим Бога...» 41

Не суди	42
«Что мне делать со страстями...»	44
Воспоминанья	45
Апрель	46
Добро и зло	47
Рождество	48
Рождество Христово	49
О, если бы...	50
Священнику	51
Путь	52
«Хоть двойственна природа наша...»	53
Мерцает искра	54
Голос	55
Земная жизнь	56
«Когда Господь нас призовет...»	57
«След старости можно на время...»	58
Хочу любить	59
Путь человека	60
Наш храм	61

ВРЕМЕНА ГОДА

Воспоминания о Феодосии	65
Вновь в Феодосии	66
«Отцвело осеннее лето...»	67
Опять в Феодосии	68
Николаевка, Крым	
<i>(С Левашовым и Комаровым)</i>	69
Лист осенний	70
Прекрасной Даме	71
«Не сказать, не ответить на ласку...»	72
«Женщины осени пышной...»	74

Времена года (<i>Подражание Чайковскому</i>)	76
Женщинам (<i>Наталье Юдиной</i>)	82
«Вот и закончилось лето...»	83
Н*	84
Сероглазка	85
Юбилей (<i>Другу</i>)	86
На даче	87
Память Чернобыля	88
О, дай мне Боже	89
Бег времени (по Есенину) – себе	90
«Прошёл расцвет, и наступила осень...»	92
«Осень. Дожди. Непогода»	93
«За дружеский стол собравшись в ряд...»	94
Дистанция жизни	95
Облака	96
«Дождливая осень покровом весны...»	97
Л*	98
Встреча	99
Дева и Телец	100
Утки зимой (<i>Болотце в Лихоборах зимой</i>)	102
«Мой милый друг...»	103
«Близится лето к концу...»	104
Женщине поздней	106
Чайка	107
Зачем?	108
Наваждение	109
Печаль пройдёт	110
Путь	111
Свидание	112
«Снился мне сон...»	113
Тёплый взгляд	114
«В туманах бродит глухая осень...»	115
Листья	116

ПОСВЯЩЕНИЯ

- Священнику (*о. Александру Борисову*) 121
Поэту (*Б. Пастернаку*) 124
Александру Кремлёву 125
Ладе Негруль 126
Георгию Колосову 128
Роману Харитонову (*В юбилей*) 129
Эмили Леонгард 130
Светлане Лукьяновой 132
Константину Семёнову 134
Игорю Юдину 136
Оле (*В юбилей*) 139
Артёму Киракосову 140
Александру Белинскому 142
Ирине Богомоловой 143
Кириллу Раевскому 151
Владимиру Илюшенко 153
Владимиру Ерохину 154
Анне Дубинской 156
Александру Зорину (*Панегирик*) 158
Елене Пастернак 160
Олегу Степурко 161

К РОССИИ

- «Мы живём, закрывая глаза...» 165
К России 166
Правители 167
«Влюблён с рождения в стихи я...» 168
Я родился... 169
«О, царедворцы, льстивые и лживые...» 170

- «Страна с перекосом...» 171
На смерть журналиста (*Анне Политковской*) 172
 Мы проснулись 174
 «Страшен миф как образ жизни» 175
 Рукорубы 176
«Слепой не видит, глухой не слышит...» 177
 Русь 178
 На холмах Грузии... 179
 «Скажу тебе, друг сердечный...» 180
 Жара 181
 Мы не бандерлоги 182
 Несвобода 183
 Страна 184
«Я видел, как храмы взрывали...» 185

ПРОБА ПЕРА

- Романс (*Проба пера*) 189
«Я выстроил империю в стихах...» 189
 «На минуту закройте глаза...» 190
«Вырастают строчки из сердца...» 191
 Память 192
 Стихи 193
 Элегия 194
 Детям 195
 Холодный вечер 196
 «В квартире один» 198
 «Трепет ручья услышал...» 198
«Вспоминаю счастливые дни...» 199
 Война 200
 Актёры 201
«На заре туманной юности...» 202

Свиданье	203
«Что будет с нами...»	203
Себе	204
Рифмующему	205
Инженеру	206
Друзья	207
Премудрость	208
В неволе	209
«Как много женщин непохожих...»	210
Прольют дожди	211
Маска	212
Ещё раз о любви (<i>Романс</i>)	214

МИЛОСТЬЮ БОЖЬЕЙ

Сердце человека обдумывает свой путь, но Бог управляет шествием его	217
Путь ко Христу	243
О добре и зле	270
О себе и родных	278
Сентенции	304
Некоторые законы Таллера	305
Наблюдения	306
Вопросы	318
Жизнь	320
Из фотоальбома	323

УДК 882-1
ББК 84Р7
Т16

Таллер А. Времена жизни / Стихи,
воспоминания, афоризмы. Второе издание.
М.: Волшебный фонарь, 2017. 344 с., илл.

Дизайнер Р.Б. Гершзон
Редактор В.П. Ерохин

ISBN 978-5-903505-48-7

ISBN 978-5-903505-48-7

9 785903 505487 >

- © А.Л. Таллер, текст, фото,
ноты, 2017
- © «Волшебный фонарь»,
макет, 2017
- © Р.Б. Гершзон, рисунки, 2017
- © В.П. Ерохин, ноты, 2017
- © Г.М. Колосов, фото, 2017
- © А.Е. Кремлёв, фото, 2017

Формат 84x100/32. Объём 11 печ. л.
Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495)988-63-87